

МАЛЕКСАНДРА МАРИНИНА

БЕЗУПРЕЧНАЯ РЕПУТАЦИЯ

Том 2

Annotation

Такого странного дела в практике Анастасии Каменской не было давно. Неизвестному писателю Андрею Кислову крупно повезло. По его единственному роману, изданному за свой счет, хотят снять сериал и предлагают солидный гонорар. Разумеется, тот с радостью соглашается. А потом внезапно объявляет, что не подпишет договор ни на каких условиях. На кону большие деньги, и к выяснению причин столь загадочного отказа привлекают сотрудника частного детективного агентства – Настю Каменскую. Но вскоре та становится главным подозреваемым в деле об убийстве. Конечно, ну а кто же еще! Ведь это она – Настя – грязно домогалась потерпевшего, угрожала ему... Он сам рассказывал об этом перед смертью, да и другие свидетели имеются...

- [Александра Маринина](#)
 -
 - [От автора](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [Каменская](#)
 - [Андрей Кислов](#)
 - [Каменская](#)
 - [Вадим](#)
 - [Светлана Гнездилова](#)
 - [Лиана](#)
 - [Каменская](#)
 - [Вадим](#)
 - [Каменская](#)
 - [Вадим](#)
 - [Каменская](#)
 - [Андрей Кислов](#)
 - [Каменская](#)
 - [Вадим](#)
 - [Каменская](#)
 - [Каменская](#)
 - [Андрей Кислов](#)
 - [Аржо](#)
 - [Каменская](#)

- [Максим Викторович Веденеев](#)
 - [Аржо](#)
 - [Каменская](#)
 - [Аржо](#)
 - [Каменская](#)
 - [Вадим](#)
 - [Латыпов](#)
 - [Вадим](#)
 - [Каменская](#)
 - [Аржо](#)
 - [Каменская](#)
 - [Мародер](#)
 - [Каменская](#)
 - [Лиана Гнездилова](#)
 - [Виталий Гнездилов](#)
 - [Каменская](#)
 - [Лиана Гнездилова](#)
 - [Вадим](#)
 - [Каменская](#)
 - [Вадим](#)
 - [Каменская](#)
 - [Котов](#)
 - [Виталий Гнездилов](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Каменская](#)
-

Александра Маринина

Безупречная репутация. Том 2

© Алексеева М.А., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

От автора

Пожалуйста, не ищите в этой книге аналогий или аллюзий; если вы увидите в чем-то совпадения с реальностью, то знайте: это чистая случайность. На самом деле все устроено совсем не так.

И вообще, эта книга не о преступлении, а о людях.

Часть вторая

Каменская

Игде только Чистяков ухитряется с первой же попытки отыскивать таких мастеров? Те, кого находила Настя, почему-то либо выглядели немытыми и бездомными, либо оказывались мальчишками, слабо представляющими себе, с какого конца братья за инструмент. Первые попытки Анастасии Каменской всегда бывали неудачными, да и вторые, чаще всего, тоже. Чтобы добиться нормального выполнения работы, ей требовалось, как правило, не меньше трех попыток, поэтому решение любой ремонтной задачи растягивалась надолго. Настя уверена была, что приглашенный мужем мастер, согласившийся в воскресенье прийти монтировать шкаф-купе, покинет ее, оставив работу едва начатой, а панели – испорченными, однако явившаяся парочка плечистых усатых молодцев в отутюженной униформе с логотипом известной мебельной фабрики не оправдала унылых ожиданий. Чемоданчики с инструментами выглядели так, словно сработаны у Эрме или Луи Виттона, а сами инструменты своим стерильным блеском навевали мысли об операционной.

Показав фронт работ, Настя оставила сборщиков одних и ушла в кабинет Чистякова, который уехал на дружескую встречу с каким-то коллегой из Великобритании. Пока строится вожделенный шкаф, можно почитать наконец книгу Кислова, а потом, когда монтаж будет закончен, вымыть полки и начать раскладывать вещи. Лешка вернется в квартиру, где будет царить относительный порядок и не придется больше спотыкаться о сумки и обходить раскрытые чемоданы.

Она честно начала читать с самого начала, потому что содержание первых двадцати страниц, прочитанных несколько дней назад, уже выветрилось из головы. Но впечатление получалось точно таким же: мрачно, безысходно, невыносимо скучно. И написано пресно. Но Настя набралась терпения, ибо понимала: такой опытный продюсер, как Николай Маратович Латыпов, не стал бы землю носом рыть, если бы в книге не было хорошей изюминки. Просто эта изюминка закопана где-то очень далеко от начала. Однако пока что никакими изюминками там и не пахло, зато на читателя изливались многословные и весьма путанные рассуждения о любви родителей к детям. Неужели Андрея Кислова этот вопрос так сильно интересовал? Впрочем, ничего удивительного, если вспомнить то, что рассказали вчера Миша Доценко и Гена после того, как поговорили с друзьями Кисловых-старших.

– Это просто уму непостижимо! – возмущался Геннадий. – Кисловы всем своим друзьям заполоскали мозги рассказами о том, какая чудесная у них доченька. Юленька то, Юленька это, и невесть где она училась, и невесть какие дипломы получала, и невесть какую работу по невесть какому гранту выполняет... Короче, полный суп-набор родителей, страдающих вытесняющей слепотой.

– При этом они, судя по всему, не ввали, – добавил Доценко. – Я бы еще понял, если бы они, зная, что дочь – замшелая наркоманка, втюхивали своим знакомым, что у нее все в порядке. Некоторые в таких ситуациях отмалчиваются, другие рассказывают направо и налево о невероятных успехах и достижениях своих чад. Не каждый родитель готов публично признать такую беду. Но Кисловы, похоже, искренне верили в этот бред! Юлия ввала им на каждом шагу, чтобы выцыганить деньги, а они ни разу не засомневались, верили каждому ее слову, оплачивали несуществующие институты и курсы, давали деньги на аренду жилья, потому что Юленька, понимаете ли, работает по американскому гранту, у нее очень много книг и бумаг, ей нужно место для коллективной работы, к ней постоянно приходят коллеги и помощники... Даже слова выучили: брейнсторминг, тимбилдинг и еще всякие другие, обосновывающие необходимость отдельного просторного жилья для ненаглядной доченьки. Там концы с концами не то что не сходятся, они вообще в разные стороны уходят, а Кисловы ничего не замечали. И что самое удивительное – они ведь, Настюха, нам с тобой ровесники примерно, то есть должны, по идее, нормально соображать и адекватно ориентироваться в реальности, а они – как слепые доверчивые мышата в руках у хитрой злобной кошки. Не понимаю, как так можно жить!

– Самый юмор в том, что Юленька у них святая, а сын Андрей такой типа неудачник, работает от случая к случаю, сочиняет какие-то дешевые поделки. Зато Юленька – блестящий ученый и будущий нобелевский лауреат, – сердился Геннадий. – А то, что Юленька у брата постоянно денежки подсасывала и в конце концов его прикончила, так этого просто не может быть.

– Так сказали друзья родителей? – уточнила Настя. – Или сами родители?

– Насчет Кисловых – не скажу, не знаю, – признался Гена. – Мне кажется, им версию о причастности Юлии пока не озвучивали. Но их друзья, опираясь на многолетние рассказы Кисловых, даже мысли не допускают, что Юля может быть как-то замешана. Неправильные поступки способен, по мнению родителей, совершать только Андрей. Кстати, и

насчет ключей они тоже с друзьями трындели, мол, дети так дружны с самого детства, прямо не разлей вода, у Юленьки и ключи всегда были от Андрюшиной квартиры, а когда он вдруг ни с того ни с сего поменял замки – Юля пожаловалась родителям, что у брата, дескать, появились тайны от любимой сестрички, и она теперь обижена. Так мамаше пришлось целый скандал сыну закатить, чтобы он выдал Юленьке новые ключи, а то девочка расстраивается, что братик от нее отдаляется.

Вот теперь более или менее понятно. Кислов не был в восторге от пагубного пристрастия сестры и попытался оградить себя и свое жилье, но не тут-то было. Ключи пришлось дать, чтобы не ссориться с родителями, и жить в постоянном напряжении. А Юлия, судя по всему, сильно злоупотребляла мягкотелостью и добротой старшего брата.

– И еще, – задумчиво проговорил Михаил, – там, похоже, мамаша рулит мышлением в семье. Она не курица доверчивая, а властная и уверенная в том, что мир может быть только таким, каким она его видит, и все, что этому противоречит, безжалостно отсекается. Мадам Кислова твердой рукой направляет обожающего ее мужа и внушает, что он должен думать и как относиться к жизни, а он просто тупо и покорно повторяет следом за ней. Может, я не прав, конечно, но из рассказов тех людей, с которыми мы сегодня поговорили, вытекает именно такая разблюдовка.

– Ясно, – вздохнула Настя.

Выходит, Юлия Вячеславовна имеет все основания быть уверенной, что сможет легко повлиять на родителей в деле об уступке прав. Коль уж они столько лет с удовольствием и готовностью верили ее лжи, из которой лохматые концы торчали во все стороны, значит, Юленька для них – свет в окошке и радость ненаглядная, в отличие от сына, связанного с сомнительным искусством. Как Юленька скажет – так и будет.

При таком раскладе ничего удивительного, что Андрей Кислов частенько задумывался о неравномерности распределения родительской любви между детьми. Его это мучило? Терзало? Не давало спать по ночам? Как-то не очень похоже... «Веселый, легкий, позитивный», – снова вспомнилась характеристика, данная Эмилией Марковной.

Ничего веселого, легкого и позитивного Настя Каменская в тексте книги пока не углядела. Получались два варианта: либо в период написания повести в семье Кисловых произошло нечто такое, что всерьез и надолго испортило Андрею настроение, либо книгу написал вообще не он. Обе версии придется проверять полноценно, ибо обе напрямую касаются задачи, поставленной заказчиком Латыповым. При первом варианте между Кисловыми не так все гладко, как пытается представить Юлия, и сестра

убитого на самом деле никак не может гарантировать решений, которые будут приняты наследниками первой очереди. А уж если докажут причастность сестры к убийству брата, то с ее влиянием на обожающую мамочку и послушного папочку можно будет распроститься. При втором же варианте истинный автор повести может объявиться в любой момент, и Латыпов со своей продюсерской компанией поимеет осложненный геморрой со скандалами, судебными исками и огромными штрафными санкциями.

Настя выползла из кабинета, дружелюбно поинтересовалась, долго ли еще мастерам работать, предложила им по чашке кофе или чаю с печеньем. Мастера – два бойца из ларца, одинаковых с лица – приняли предложение со сдержанной благодарностью и заверили, что закончат самое большее через час. Пока наливался кофе для нее самой и заваривался чай для мастеров, Настя прикидывала, с какого конца эффективнее всего взяться за дело. Решение вопроса об авторстве – самое простое, нужно только раздобыть несколько сценариев, написанных Кисловым, и сравнить с повестью. Настроение настроением, а уникальный авторский стиль, манеру использования тех или иных устойчивых конструкций, частоту встречаемости уникальных слов и множество других характеристик подделать крайне трудно. Если попросить Зою скачать откуда-нибудь специальную программу, которую используют филологи, то вопрос об авторстве можно будет закрыть в две секунды. Вот только где взять тексты сценариев? Соваться в агентства, с которыми сотрудничал Кислов, Насте нельзя: с ними наверняка уже контактируют опера, собирают информацию об убитом, и о вмешательстве частного детектива им тут же станет известно со всеми вытекающими последствиями. Стало быть, придется просить Зою, которая при помощи своих волшебных «прожек», умеющих осуществлять контекстный поиск в соцсетях, быстренько найдет тех, у кого на руках может остаться сценарий проведения праздничного мероприятия и кто при этом не попадет в поле зрения полиции в ходе расследования убийства Андрея.

А как разобраться с семейной ситуацией? Нельзя приближаться к друзьям и родственникам, ибо последствия наступят точно такие же, как и при попытке контакта с агентствами, с которыми сотрудничал Кислов в тот период, когда у него, судя по тексту повести, испортилось настроение. И, кстати, когда это было? В типографию Кислов обратился в 2013 году, но когда именно он писал текст? В 2012-м? В том же 2013-м? Или вообще намного раньше?

– Не буду вам мешать, – сказала Настя, усадив мастеров на кухне и

поставив перед ними чай и вазочку с печеньем, – когда понадобится – подайте сигнал.

Закрывая за собой дверь Лешкиного кабинета, она подумала, что девять из десяти человек сочли бы ее сумасшедшей: оставить двоих незнакомых мужиков без присмотра в собственной квартире! А вдруг что-нибудь украдут? Тоже мне, хозяйка называется! Но что у нее красть? Шмотье из чемоданов? Просто смешно! А больше ничего ценного у них и нет, только Лешкин компьютер и ее ноутбук, которые в данный момент находятся в кабинете, перед ее глазами.

Итак, с чего начнем? Ясное дело – с личных страничек Андрея Кислова, с его постов о пребывании в больнице. Нет, странички подождут, возможно, больничный период вообще ни с какого боку. Сперва текст книги. Настя пожалела, что не додумалась до такой простой вещи сразу, когда еще только начала читать. Ну не тратить же время на перечитывание! Взяла блокнот и по ходу изучения остатка текста начала делать пометки. Упоминания о моделях автомобилей и телефонов, названия гаджетов, курс доллара и евро, цены, музыка, одежда, сленг – как много, оказывается, существует меток и признаков, по которым можно довольно точно определить, когда именно создавалось произведение! В книге Кислова время действия не обозначено, но судя по упоминаемым деталям – где-то между нулевыми и десятым-двенадцатым годами. Анахронизмов полно, но это простительно. Учтем, что все до единой ошибки подобного рода касались периода до 2011 года. Концовка книги в этом смысле написана идеально: ни одного анахронизма, ни единой ошибки, все политические и экономические события того периода указаны и описаны достоверно, все технологические новинки появлялись в жизни персонажей вовремя, в соответствии с реалиями. Значит, все еще было свежо в памяти. Стало быть, можно с уверенностью утверждать, что Кислов (или кто там на самом деле был автором?) создавал свой текст именно в 2012-м, самое позднее – в начале 2013 года. В том же 2013-м и попытался пристроить рукопись в издательство, а возможно, и не пытался даже, а сразу решил печататься за собственный счет.

Выходит, все-таки больница... Это хорошо. Это хоть какая-то опора, точка отсчета, от которой можно двигаться в направлении поиска людей, могущих рассказать о Кислове, и при этом не попасть в поле зрения тех, кто занимается раскрытием и расследованием его убийства.

– Мы закончили, – послышался из-за прикрытой двери мужской голос.

Приняв работу и расплатившись, Настя проводила мастеров и задумчиво оглядела фронт предстоящих работ. Убрать оставшийся после

монтажа мусор, пропылесосить и вымыть пол, потом отмыть полки и дверцы, потом разложить вещи... Нет, сначала позвонить Зое и выяснить, сможет ли она завтра помочь с информацией...

Минут через двадцать Анастасия Каменская обнаружила себя в машине, летящей по свободным воскресным улицам. И еще она обнаружила давно знакомое, привычное чувство вины за то, что снова предпочла работу, а не хозяйственно-бытовые хлопоты. Миллионы женщин отдали бы все на свете за счастье обстоятельно и с наслаждением вить собственное гнездо, а она... Моральный урод какой-то, честное слово. Но с другой стороны, они с Лешкой столько месяцев жили среди раскрытых чемоданов и сумок, что еще один день потерпят. Ну, может, не один, а два-три... Что такое два-три дня в сравнении с вечностью!

Зато можно похвалить себя за то, что пока еще не утрачен навык принятия быстрых решений. Вспоминая последние двадцать минут, Настя не могла сдержать насмешливой улыбки в свой адрес: горбатого даже могила не исправит.

...В реальной жизни все обычно происходит совсем не так, как представляется изначально. Это Настя Каменская знала точно. Когда она звонила Зое Печерниковой из дома, то представляла себе рослую зеленоглазую красавицу стоящей где-нибудь на кухне перед плитой, на которой варится или греется детское питание, а рядом на столе лежит ворох выстиранных детских вещичек и белья, приготовлен уют, кругом разбросаны соски и погремушки, из комнаты доносится детский плач и голоса Зоино сына и его жены. На деле же оказалось, что Зоя сидит в офисе их агентства и помогает Василию составить итоговую справку по Юлии Кисловой.

– Я думала, для вас нерабочее время – это святое, – растерянно пробормотала Настя. – Вы же говорили, что хотите найти работу не так далеко от дома, чтобы помогать с внучкой.

– Все верно, – рассмеялась Зоя. – Это актуально для будних дней, когда сын работает. А в выходные я им не нужна, они вдвоем прекрасно справляются. Если что-то нужно – милости прошу, я свободна до восьми.

До восьми. Интересно, почему? Идет на свидание? В кино с кавалером или подругой? Не в театр и не на концерт, это точно, по времени не получается. «Я так мало знаю о ней, – подумала Настя. – Хотя кажется, что много. А на самом деле – совсем ничего».

Позвонить родителям, убедиться, что все в порядке. Хотя звонила пару часов назад, но все-таки... Позвонить Лешке, доложить о готовности многострадального шкафа-купе и извиниться за то, что составленный с

утра план по оборудованию семейного гнезда выполнен не будет. Вот теперь можно юркнуть за руль и мчаться на работу.

* * *

Зоя выглядела уставшей, лицо слегка осунулось. Она сидела в комнате отдыха, глаза закрыты, короткие белые ножки беспроводных наушников выглядели странно рядом с лицом, просившимся на полотна великих живописцев.

– Зоя, – тихонько позвала Настя, боясь то ли разбудить, то ли испугать.

– Я слышу вас, – пробормотала Зоя, не открывая глаз. – Момент, коду дослушаю.

Через несколько секунд она открыла глаза, достала из кармана айфон, выключила воспроизведение, вытащила и аккуратно уложила в коробочку наушники.

– Вы закончили справку? – спросила Настя.

– Да, Вася вычитывает. Если захотите кофе – вон там пакет с печеньем, я принесла, Вася сказал, что вкусное.

Пакет был не магазинным, да и печенье выглядело не фабричным.

– Сами печете?

– Приходится, – со слабой улыбкой ответила Зоя. – Научилась. Раньше не умела, да я и не люблю сладкое. Даже не пробую то, что пеку. Все равно не смогу понять, вкусно получилось или нет.

Как можно не любить сладкое? Это было за пределами понимания Анастасии Каменской, которая могла, почитывая книгу, умять целую плитку шоколада, а то и не одну.

– Значит, для сына?

– В основном для его жены. Большая любительница. Но аллергик. С покупными можно пролететь, на упаковке всегда сплошное вранье.

Звякнул айфон Зои – пришло сообщение. Она прочитала, быстро ответила, потом стала кому-то звонить.

– Я еще не освободилась. Нет, поеду прямо отсюда... Да... Да. И девочку мне привези.

«Девочку привези», во как! Наверное, так любит маленькую внучку, что дня прожить не может, не увидев кроху. А вот с мамой внучки что-то не задалось, похоже. Не «невестка», не «сноха». Жена сына. Впрочем, в случае с Зоей Печерниковой любые поспешные выводы могут оказаться ошибочными, очень уж она не похожа на большинство тех людей, которых

Настя знала.

– Настя, если вы хотите, чтобы я что-то поискала, имеет смысл обозначить сферу и предмет.

Ну да, опять повествовательное предложение вместо простого вопроса: «Так что вам нужно?»

Настя, невольно подпав под влияние Зоиной манеры говорить компактно и короткими фразами, вкратце изложила суть: больница, отделение травматологии, персонал старшей возрастной группы, желательно медсестры. Нужно найти человека, который работал в отделении в 2012 году и может помнить Андрея Кислова и тех, кто лежал вместе с ним в палате.

– То есть базу меддокументации в этой больничке мы не взламываем, – уточнила Настя на всякий случай. – Нужны данные только из открытых источников.

– Угу, – равнодушно кивнула Зоя, которую, по-видимому, противозаконность некоторых действий не волновала вообще.

Из соседней комнаты глуховато доносился голос Василия, разговаривавшего по телефону. Голос стал громче, открылась дверь, слышались шаги.

– Да, ага... Ну все, договорились, через два часа буду.

Василий с сияющим лицом плюхнулся в кресло и тут же потянулся за пакетом с печеньем, стоявшим рядом на тумбе, там же, где и кофемашина.

– Ну и отчет получился! – радостно сообщил он. – В жизни таких длинных документов не составлял. Выгонят из сыщиков – подамся в писатели. Анастасия Павловна, вы мне на смену, что ли?

– Похоже, что так. А вы домой?

– Не, я тут потусуюсь еще, у меня встреча через два часа, домой смысла нет тащиться. А здесь печенье вкусное и... – он немного подумал и поднял на Зою нахальный взгляд, – и женщины красивые. Что еще нужно для счастья нормальному мужику?

Минут через сорок, когда Настя вместе с Зоей уже углубились в поиски нужных медсестер, раздался сигнал домофона.

– Вася, откройте, будьте любезны, это ко мне! – крикнула Зоя, не отрываясь от компьютера.

Шаги, щелчок дверного замка, еще шаги и... Тишина. Полная и глухая, прерванная через некоторое время неуверенным детским: «Женя... Жень... А где бабушка?»

– Я здесь, солнышко!

Зоя пулей вылетела из комнаты. Вышедшая вслед за ней Настя застала

картину более чем странную. Зоя кружилась по коридору, держа в руках симпатичного мальчугана лет шести. У входной двери стоял молодой парень, очень высокий и ладный, с густыми каштановыми волосами, точная копия красавицы Зои, только в мужском варианте. В каждой руке по огромной спортивной сумке, под мышкой торчит футляр для скрипки. На лице – выражение полного обалдения. В паре шагов от него – Василий, и лицо у него такое же растерянное и изумленное, как и у гостя.

– Ма, – заговорил парень, – ма, это Василий...

Он откашлялся, прочистил горло и продолжил после некоторой заминки:

– ...Игоревич.

Зоя остановилась, осторожно поставила мальчика на пол.

– Я в курсе, – коротко и равнодушно ответила она. – Я с ним работаю, если ты не понял.

– Это Василий Игоревич Мамут, мам. Тот самый.

Зоя тихо охнула, сделала шаг в сторону Василия, аккуратно и даже как-то нежно тронула его за плечо.

– Теперь я поняла, почему вы ушли, – негромко проговорила она. – Спасибо вам.

Резко развернулась и отошла подальше. Настя заметила, как она украдкой и быстрым, почти незаметным движением коснулась уголка глаза кончиком пальца – вытерла непрошеную слезинку. Хотелось бы вообще-то понимать, что здесь происходит...

– Женя, давай мне девочку, а железо – сюда, в эту комнату.

Голос Зои звучал вроде бы уверенно, но слезы, которым не дали вытечь из глаз, нашли себе другую область применения, это Настя Каменская слышала совершенно отчетливо. Она с любопытством наблюдала за тем, как Зоя бережно взяла у сына футляр со скрипкой и осторожно положила на свободный стол. Поймав взгляд Насти, она пояснила:

– Аккомпаниатор приболел, что-то с коленом, ходить почти не может, поэтому сегодня мы занимаемся у него дома, а не в классе, как обычно. Попросила Женю привезти мне инструмент.

– В смысле – девочку? – с улыбкой уточнила Настя.

– Ну да. Я ее так называю.

– А я уж подумала было, что вы просили внучку привезти повидаться, – призналась Настя. – И страшно удивилась, что это не внучка, а внук, да еще такой большой. Внучка же вроде в августе родилась. Я помнила, что в вашей семье есть ребенок от первого брака, но услышала

слово «девочка» и... Каверзы шаблонного мышления, – со смехом добавила она.

Ей не хотелось спрашивать, откуда сын Зои знает Василия и почему Василий Игоревич – «тот самый» аж до слез. Вопрос деликатный, нужно подождать, пока Зоя сама расскажет.

Рослый Евгений между тем выгружал из сумок два навороченных ноутбука, моноблок, системный блок, экран и кучу проводов и удлинителей-пилотов. Василий суетился рядом, помогал, сдвигал столы, подключал удлинители.

– Не берусь судить, насколько успешно работали мои предшественники на вашей технике, но я на ней с трудом справляюсь. Привыкла к своему железу и к своим мощностям и скоростям, – сказала Зоя, снова занимаясь акробатикой с мальчиком и одновременно настороженно поглядывая на двух молодых мужчин, в руках которых сейчас была ее драгоценная компьютерная техника: не приведи Господь, не так возьмут, не так поставят, не так подключат.

Настя оценила деликатность коллеги, уверена была, что в иной ситуации Зоя не доверила бы сыну монтаж своего детища, но при Василии и Насте не стала ни командовать сыном и раздавать указания, ни брать дело в свои руки. «Вот же выдержка у человека! – с восхищением подумала она. – Я к своему ноуту даже прикоснуться никому не позволяю, а оказалась бы сейчас на ее месте – наверное, поубивала бы всех».

– Бабушка, а мы с Женей у тебя дома столько всего сделали! – бесхитростно заявил мальчик после очередного переворота через голову.

– Выходит, вы там долго пробыли, – с улыбкой заметила Зоя. – Я думала, вы только за железом заедете на пять минут.

– Не-е! – восторженно пропел мальчуган. – Мы сразу как пообедали – так и поехали. Женя бургеры купил и мороженое, сказал, что это будет наш ужин. Но мы быстро проголодались и у тебя дома пировали! И еще кино посмотрели, я сам скачал свое любимое, чтобы на нормальной плазме посмотреть, а то мама не разрешает, говорит, оно очень громкое. Мама говорит, что от Варькиного рева она и так уже обалдела.

Настя отвернулась, чтобы скрыть невольный смех. Значит, Евгений с приемным сыном банально сбежали из дома в выходной день, чтобы не париться. Очень по-мужски. И просьба Зои перевезти на работу ее многочисленную компьютерную технику пришлось как нельзя кстати.

– Я вообще скачивать не хотел, – продолжал признаваться парнишка, – я бы твой ноут к плазме подключил, а Женя сказал, что нельзя, потому что это твое...

Он запнулся и наморщил носик, вспоминая трудные для понимания слова.

– Это мое... – произнесла Зоя тоном учительницы, которая очень хочет подсказать любимому ученику, чтобы не снижать оценку. – Ну?

– Территория какая-то... Ограниченная... Не помню...

Ребенок выглядел ужасно расстроенным, и Насте снова пришлось приложить усилие, чтобы не рассмеяться. Она решила прийти на помощь.

– Личное пространство?

– Вот, да! Личное пространство.

– Молодец! – похвалила Зоя. – Налей себе сок, возьми печенье, если хочешь, а я пойду проверю, чтобы экраны правильно стояли.

Настя, прислонившись к дверному косяку, наблюдала, как Зоя, двигаясь туда-сюда в кресле на колесиках, проверяла, видны ли ей из одной точки все мониторы одновременно и не бликуют ли экраны от света из окна или от светильников. Василию и Жене пришлось несколько раз перемещать столы и тяжеленный системный блок, пока, наконец, требовательную Зою все устроило. Да уж, организация личного пространства, к тому же рабочего, – дело ох какое непростое и ответственное!

* * *

Роман Дзюба, конечно же, в помощи не отказал. Вообще-то он сам и предложил, у Насти Каменской не хватило бы окаянства просить: человек и так загружен собственными служебными обязанностями. Но Ромка позвонил первым, спросил, как она, пришла ли в себя после пятничного приключения с допросом и не нужно ли чем-то помочь, и Настя не удержалась.

– Мне бы найти того участкового, который дал наводку на свидетеля, – осторожно произнесла она, мало надеясь на успех. – Лучше, конечно, самого свидетеля, но его имя указано только в справке-меморандуме, а справку Константин Георгиевич наверняка тебе не показывал.

– Поищем, – пообещал Роман, – поговорим, поспрашиваем. Большой дал понять, что если для вас – то он много чего разрешит, только в рамках.

Ну да, в рамках. То есть без нарушения приказов и инструкций. Большой... Действительно, большим мальчиком стал Костя Большаков. Когда-то был юным слушателем Школы милиции, где Анастасия Каменская периодически вела семинары и практические занятия по курсу

«Оперативно-розыскная деятельность», и уже стал целым настоящим начальником МУРа, генералом. За эти годы и Школа милиции, и сам легендарный МУР много раз переименовывались, реструктуризировались, менялись, обновлялись... Их теперь не узнать. Господи, как же долго она живет! А может, и не очень долго, просто время такое настало – насыщенное быстрыми и неожиданными переменами.

Вчера Зоя, отладив и проверив технику, довольно быстро нашла для Насти подходящую кандидатуру из числа медсестер того отделения, где когда-то лечился после аварии покойный Андрей Кислов. Правда, работала эта женщина уже совсем в другой больнице. Настя внимательно просматривала распечатанные Зоей листы-скриншоты. 49 лет, муж, трое детей. Интересно, как вырастить троих детей на зарплату медсестры? Наверное, у мужа доходы повыше. А, понятно, она нашла место в частной клинике. Да и дети, судя по фотографиям, уже выросли, младшая девочка – старшеклассница, старшие сами себя обеспечивают. Муж, опять же, если судить по фотографиям, один и тот же на протяжении всей жизни детей, значит, брак стабильный, и есть надежда, что медсестра по имени Людмила Владимировна Васильчикова окажется не злобной, не завистливой и не откажет Насте в короткой беседе. А вот и место нынешней работы указано, и телефончик имеется. Настя сразу же и позвонила, прямо вчера вечером, поинтересовалась, когда Людмила Владимировна заступит на очередную смену.

– Я слушаю вас, – сухо произнес голос в трубке. – Людмила Владимировна – это я. Что вы хотели?

Неожиданно. Настя даже слегка растерялась в первый момент. Похоже, Васильчикова приняла ее за недовольного пациента, который так стремится поскандалить, что не может дотерпеть до начала рабочей недели.

– Я хотела... Людмила Владимировна, я хотела спросить, когда у вас найдется десять минут, чтобы поговорить со мной. Я не пациент, – торопливо добавила Настя. – Я изучаю обстоятельства жизни одного человека, который в 2012 году лечился в том отделении травматологии, где вы тогда работали.

– Медицинская тайна, – начала было строгим голосом Васильчикова, но Настя не дала ей договорить:

– Нет-нет, никаких диагнозов, Людмила Владимировна, мне это не нужно.

– А что тогда?

– Характер, настроение, общее впечатление.

– Какой год, вы говорите?

– Двенадцатый.

– Давно... А имя?

– Кислов Андрей Вячеславович.

– Не помню, – произнесла Васильчикова после небольшой паузы и повторила: – Давно. Много лет прошло.

– Людмила Владимировна, я уверена, что вы вспомните, я вам фотографию покажу, расскажу кое-что о нем, он яркий был, запоминающийся. Обещаю, отниму у вас не больше десяти минут. Это действительно очень важно, поверьте мне.

– Хорошо, – согласилась медсестра. – Моя смена закончится через полчаса. Успеете подъехать к клинике?

Настя быстро прикинула маршрут. Конечно, воскресенье, вечер, дороги относительно свободны, но адрес, по которому находится эта частная клиника, надежд не оставлял: она совершенно точно не успеет доехать туда из Перова.

– Ждать я не буду, – медсестра говорила все так же сухо и строго, – у меня нет времени.

– А если завтра? – робко спросила Настя.

– Завтра я не работаю.

Отдых, домашние хлопоты, семейная жизнь. Что ж, понятно. Но надо пытаться.

– Может быть, вы планируете завтра выйти в магазин? Я бы подъехала...

– Ладно, – смилостивилась Васильчикова, – в магазин мне действительно надо будет выйти, только время сейчас точно не скажу. Где-то с одиннадцати до часу примерно.

И Людмила Владимировна назвала станцию метро, рядом с которой находится супермаркет, где она делает покупки.

– Как я вас узнаю?

– Я сама к вам подойду, – успокоила ее Настя, – у меня есть ваша фотография с сайта больницы.

Это было вчера. И вот сегодня, в понедельник, Анастасия Каменская с утра отправилась вылавливать медсестру Васильчикову в толпе покупателей. Опознать женщину будет не так уж легко: неяркая внешность, обыкновенное лицо без запоминающихся примет и особенностей. Настя уже собралась было мысленно отругать себя за самоуверенность – надо было спросить, во что она будет одета и с какой прической, ведь фотографии из соцсетей далеко не всегда отражают то, что есть на сегодняшний день, да и портрет, размещенный на официальном сайте

больницы, наверняка устарел, судя по тому, что его так и не сняли, хотя Васильчикова там уже не работала; это вполне определенно говорило о том, что сайтом никто не занимается, и обновляется он редко, так что снимок медсестры в разделе «Наш персонал» мог оказаться очень давним, даже не 2012 года, а намного более ранним. Другой цвет волос, другая длина, новая стрижка... Но бранить себя все-таки не стала, вовремя вспомнив заповедь о том, что только выходя из зоны комфорта, можно двигаться вперед, а в данном случае – не нужно бояться и избегать трудных задач. Лишняя тренировка никогда не помешает.

У Васильчиковой выходной, день занят домашними делами, можно попытаться совместить беседу с выбором покупок, тогда медсестра не будет нервничать и злиться, что у нее отнимают время, когда так много всего запланировано и нужно еще успеть и одно, и другое, и третье... Раздраженный и торопящийся свидетель – плохой свидетель. Впрочем, настороженный – тоже не лучше. Именно поэтому Настя не стала накануне спрашивать номер мобильного: подобные просьбы со стороны «неизвестного абонента» обычно производят плохое впечатление, которое потом очень трудно изглаживать.

С половины одиннадцатого до одиннадцати утра Настя протолклась среди прилавков и стенов, то и дело протягивая руку к чему-нибудь вкусненькому и тут же отдергивая ее. Убедившись на сто процентов, что Васильчиковой в магазине нет, с облегчением вышла на улицу и присела на скамейку, с которой отлично просматривался вход. Вычислить женщину среди входящих намного проще, чем искать ее между стоящими параллельно стендами, когда так легко разминуться.

Людмила Владимировна появилась в начале первого, когда у Насти начало ломить спину. Сидеть на краешке с прямой спиной, как на приеме у английской королевы, – поясница болит и мышцы не выдерживают, облокотиться на спинку – холодно и мокро, медленно ходить взад-вперед, не спуская глаз с двери магазина, немного легче, но охранник посматривает недобро и подозрительно. Зато Настя сразу узнала медсестру и порадовалась, что еще не все профессиональные навыки растеряла.

Строгая и настороженная, Васильчикова моментально смягчилась, едва увидев фотографию Кислова.

– Ах, вот вы о ком! Конечно, я его помню, чудный мальчик! Его все обожали, весь медперсонал. Как зайдешь к нему в палату – так непременно хохот стоит на все отделение, очень остроумный парнишка, за словом в карман не лез, всегда веселый, в хорошем настроении, хотя травмы были тяжелые и боли сильные.

– Он что-нибудь о себе рассказывал? – спросила Настя.

Медсестра посмотрела на нее удивленно и укоризненно.

– Вы что, всерьез полагаете, что у нас есть время и силы разговаривать с больными об их жизни? Вы хоть представляете себе, какой кошмар творится в государственной медицине? В двенадцатом году было еще не так ужасно, как сейчас, но тоже не сладко. Вместо того чтобы копаться в чужой жизни, лучше бы о реформе здравоохранения написали, разобрались бы, кто кому и сколько заплатил, чтобы так изуродовать систему оказания медицинской помощи.

И, поймав недоуменный взгляд Насти, добавила:

– Вы ведь журналистка? Я правильно понимаю?

– Нет, я частный детектив. Видите ли, Андрей Кислов написал книгу, на ее основе хотят снять сериал, и мне поручили проверить некоторые аспекты авторского права.

– Вот как... – задумчиво протянула Васильчикова. – Ну а я тут при чем? Какое отношение я имею к этой книге?

– Наверное, никакого. Но, возможно, вы помните тех, кто лежал в одной палате с Кисловым. Понятно, что вам было не до разговоров с больными, но вот сами больные, особенно те, кто находится в стационаре долго, довольно часто сближаются и становятся друзьями. Мне важны не только ваши личные впечатления от Кислова, но и люди, которые могут о нем рассказать.

– Люди, которые могут рассказать... – негромко повторила следом за Настей Людмила Владимировна. – Как-то не нравится мне все это. Шпионским романом пахнет. Во что вы пытаетесь меня втянуть?

– Ни во что, честное слово. Дело в том, что Андрей Кислов погиб, и у него самого теперь уже не спросишь, поэтому приходится искать тех, кто его знал.

Медсестра быстрым жестом прижала ладонь к губам.

– Господи... Неужели разбился? Он ведь и тогда после аварии к нам попал. Такой веселый был, радостный мальчик, как солнышко, мы все около него отогревались...

Радостное солнышко, написавшее мрачную безрадостную книгу.

Радостное солнышко с опухшим после попойки лицом.

Что-то не складывается с тобой, Андрей Вячеславович Кислов.

– Вы подождите меня, – сказала Васильчикова, – я пойду куплю продукты. Мне нужно время, чтобы успокоиться, переварить... Вернусь и отвечу на ваши вопросы. Может быть, что-то еще вспомню.

Процесс покупки продуктов затянулся, но Настя терпеливо ждала. Она

пока так и не услышала того, ради чего, собственно, и затеяла эту встречу.

– Костя, – сказала Людмила Владимировна, поставив на скамейку несколько пакетов, судя по всему, довольно тяжелых. – Костя Веденеев, я его хорошо помню, он два раза лежал у нас подолгу, несколько операций перенес, намучился, бедолага, но все без толку. Стало только чуть-чуть получше, кардинально помочь не смогли. Он лежал в той же палате. Если Андрей с кем-то и подружился, то, скорее всего, с Костей, они были примерно одного возраста.

– Координаты этого Кости есть?

– Да откуда... То есть в больнице, конечно, все есть, а у меня нет. Помню, он был из другого города, к нему отец приезжал примерно раз в неделю.

– Только отец? А мать не приезжала?

– Она умерла, так Костя говорил. За много лет до того. Костя тихий был, неразговорчивый, терпеливый, все операции и манипуляции безропотно переносил, никогда не жаловался, вообще не стремился привлекать к себе внимание. Андрей любил поговорить, посмеяться, быть в центре, а Костя положит свой ноутбук на колени – и его не видно и не слышно. Полная противоположность Андрею. Такие противоположности обычно и сходятся, становятся близкими друзьями.

Васильчикова посмотрела на часы и взяла пакеты со скамейки.

– Больше ничего сказать не могу, вы уж извините, мне нужно бежать.

* * *

– Вот, – Зоя Печерникова протянула Насте пачку распечаток, – информация о тех, кто был на корпоративах по сценариям Кислова. Удалось найти человек десять, которые делились впечатлениями в постах и на форумах. Один из них дал в своих комментариях ссылку на сайт, где можно найти куски текстов, написанных для ведущих, и стихи, сочиненные «к случаю». Их я тоже распечатала на всякий пожарный.

– Зоя, вы бесценны! – искренне произнесла Настя. – Просто невероятная скорость и продуктивность работы.

– У меня железо с хорошей начинкой, я ни при чем. За точность сведений поручиться не могу, пришлось сначала лезть на сайт агентства, где работал Кислов, выписывать заказчиков из раздела «Наши клиенты», потом искать в Сети все упоминания об этих клиентах. Но ведь агентство работает с несколькими сценаристами, не с одним только Кисловым, так

что и насчет людей, и насчет текстов – гарантий нет. Автором может оказаться кто угодно. Поэтому...

Зоя замялась, потеревшая перекинутую через плечо толстую каштановую косу.

– Да? Что, Зоя?

– В комментариях о разных корпоративах несколько раз упоминается один и тот же ведущий. Похоже, он на постоянной основе сотрудничает с агентством Кислова. Актерское образование, но в театре не служит и в кино только пара эпизодов. Но пиарит себя изо всех сил, о каждом пуке и чихе немедленно оповещает общественность всюду, где может. Я подумала, если он вел корпоративы по сценариям Кислова, то у него могли сохраниться тексты. Чтобы уж наверняка... Инфу о нем я тоже приложила, там, в самом конце. Если написать – он быстро ответит.

– Даже так? Вы проверили, что ли?

– Извините, взяла на себя смелость, оставила коммент под самым свежим постом, вчерашним, и он отреагировал в течение трех минут. Похоже, постоянно держит руку на пульсе, вербует в свои ряды новых почитателей и просто знакомых. Ничего плохого, всем нужно деньги зарабатывать. Он в Ютьюбе постоянно выкладывает видео с собой, любимым, ему подписчики нужны, это же заработок, так что чем больше знакомых, тем лучше.

– Ну да, ну да, – задумчиво покивала Настя.

Ай да Зоя! Да она одна может заменить собой целую бригаду детективов! Алгоритмы поиска информации сильно изменились за последние двадцать лет, раньше добывали сведения все больше ногами и речевым аппаратом, сегодня – пальцами и глазами. Но мозги нужны в обоих случаях, просто работают теперь в другом направлении.

– Надеюсь, вы узнали что-нибудь полезное от медсестры. Если нужно что-то еще поискать – я готова.

– Васильчикова назвала имя предполагаемого приятеля, лежал с Кисловым в одной палате. Константин Веденеев, не москвич, возраст примерно такой же, как у Кислова, плюс-минус три-четыре года, сильная хромота. Можно по таким скудным признакам найти, как вы думаете?

– Попытаюсь. Настя, не обижайтесь, пожалуйста, но мне кажется, в полиции взяточников намного больше, чем принято думать.

Оппа! Это еще что? Закамуфлированный под повествовательное предложение очередной вопрос или основанное на собственном опыте категорическое утверждение, высказанное в деликатной форме?

– Да, – кивнула она, – их очень много. Из этого что-то вытекает?

– Из этого вытекает возможность купить у них некоторые базы данных и программы, которые очень помогли бы. Я понимаю, что это противозаконно, но уверена, что реально.

Ну, кто бы сомневался!

– Вас интересуют какие-то конкретные базы?

Впрочем, вопрос был чисто риторическим, ибо понятно, о каких базах может идти речь, если разговор о них зашел сразу после постановки задачи поиска некоего Константина Веденева без адреса и паспортных данных.

– Вы же все понимаете, Настя, – со вздохом ответила Печерникова. – Но я слышала, что наши не то купили, не то украли, в общем, приобрели программу для распознавания лиц. Она тоже не помешала бы. Правда, с ней имеет смысл связываться, если есть доступ к централизованной базе записей с камер в общественных местах. Но для начала паспортно-адресная база тоже сойдет.

– Стасов на это не пойдет, – твердо сказала Настя. – Он дорожит своей лицензией, для него законность деятельности агентства – главный принцип. Я знаю, что вы иногда действуете не вполне... не вполне корректно, и мы все это знаем, но закрываем глаза, потому что никогда не используем приватную информацию во вред людям и не разглашаем ее. Некорректно добытая информация для нас только обозначает направление поиска. Мне жаль, если я вас разочаровала, но это так и никак иначе.

– Тогда я вообще не понимаю, как вы работаете и где берете информацию.

– Покупаем. У тех, кто может раздобыть ее корректно. У бывших коллег, которым мы платим за каждый запрос. Для ведения наружного наблюдения тоже привлекаем полицейских, и бывших, и действующих, и тоже платим им.

– Выходит, это законно...

– Не очень, – призналась Настя с улыбкой. – Но спереть базу – намного хуже. Если поймают – не отмажешься. А оплату наличными за оказание услуги доказать намного труднее. Человек будет до последнего отпираться, говорить, что выполнил чью-то просьбу бесплатно, просто помог друзьям. Это, безусловно, служебное нарушение, но все-таки не преступление, в отличие от взятки. Если вы не сможете найти Веденева своими способами, мы заплатим и получим все его данные.

– Но если смогу – вы сэкономите, – констатировала Зоя с легкой усмешкой. – Хорошо, я поняла. Попробую.

Характер актера-ведущего Зоя Печерникова определила безошибочно: он действительно моментально откликнулся на обращение «Анастасии»

Каменской, которая по поручению руководства занимается организацией юбилея крупной компании», и уже через пятнадцать минут на электронную почту пришло письмо с вложением: полный текст сценария, написанного Андреем Кисловым в прошлом году для празднования чьей-то десятой годовщины свадьбы. В «условиях» стояла пометка: загородный дом, регулярный парк, 250 гостей. Н-да, скромненько и со вкусом. Словно параллельно течет какая-то совсем другая жизнь, абсолютно не похожая на ту, которую ведут и сама Настя, и подавляющее большинство тех, кого она знает.

После первого прочтения сценария сомнения Насти Каменской укрепились, после второго – перешли в уверенность: повесть, которая так впечатлила продюсера Латыпова, написана не Андреем Кисловым. Автор – кто-то другой. Но пусть Зоя еще проверит, она что-то говорила про программу, купленную у филологов. Настя села за свой компьютер, достала из сумки книгу Кислова, включила сканер. Наверное, замечательной филологической проге не нужно так много, для сравнительного анализа двух текстов достаточно и десяти страниц, но Зоя пока занята поиском Веденева, так что время есть, можно сделать все по уму и отсканировать целиком.

Андрей Кислов

Оригинал-макет и обложку Андрей сделал сам, идентификационный номер оформил и получил под свою фамилию, нашел в Рязанской области маленькую типографию, работавшую качественно и за разумные деньги. Правда, в этой типографии делали в основном корпоративные товары для скромных фирмочек: календарики, буклетики и все в таком духе, но Кислову было все равно. Главное – там взялись за небольшой тираж, 300 экземпляров.

Все эти процедуры заняли довольно много времени. Андрею приходилось работать над сценариями, готовность которых имела четко установленные сроки, не подлежащие по понятным причинам никакой корректировке, и, просидев, к примеру, полдня в поисках подходящих рисунков для обложки и ничего толкового не найдя, Кислов на несколько дней прекращал заниматься книгой Костика и полностью переключался на собственные задания. Когда вид обложки показался удовлетворительным, пришло время впечатать в нее имя автора, и Кислов закручинился. Занесенные над клавиатурой пальцы никак не хотели нажимать кнопки в правильном порядке. Наконец, не без труда, удалось вставить в верхней части листа слова «Андрей Кислов».

Нет! Это неправильно! Внутри все протестовало и сопротивлялось. Не должны эти слова красоваться на книге, которую он не писал. Андрей быстро стер свое имя и фамилию и написал: «Константин Веденеев». Совсем же другое дело! Рисунок на обложке, казалось, ожил, заиграл, заулыбался. И тут же в голове зазвучал голос Костика: «Не хочу расстроить или опозорить отца». Что ж поделать, разные бывают обстоятельства, и соображения у людей при принятии решений тоже разные. Но Андрей, хоть и сам писал, пусть и не книги, а всего лишь сценарии-поделки для дорогих корпоративов и вечеринок богатых заказчиков, с уважением относился к желаниям другого автора, даже если не понимал их и не разделял. И, опять же как автор, хорошо мог представить себе чувства, которые обязательно испытает Костик, увидев свое творение в виде книги. Настоящей книги, отпечатанной в типографии и зарегистрированной в Книжной палате. А уж если писатель увидит свою книгу продающейся в магазине... Да вдобавок если посчастливится случайно присутствовать там в момент, когда кто-то ее покупает... Восторгу не будет предела! Кислов отлично помнил свои ощущения, когда впервые, еще в школе, увидел воплощение в реальной

жизни того, что он придумал и написал. Костику предстоит пережить то же самое, только во много крат сильнее и ярче, ибо труда в свою рукопись он вложил куда больше, чем Андрюша Кислов в свой первый сценарий. Парень, обреченный на пожизненную хромоту и сильные боли, не живущий полноценно, а выживающий вместе с не очень здоровым отцом-пенсионером, будет счастлив. А это и есть самое главное.

Во второй раз вставить собственное имя на обложку оказалось намного легче: Андрей думал в этот момент не о себе, а о Костике, представлял, как книга мгновенно разлетится из торговых точек по рукам читателей, и как через пару недель всех продавцов книжных магазинов засыпят вопросами о том, нет ли еще книг этого автора и когда выйдет следующий роман, и как продавцы побегут к директорам магазинов, а директора схватятся за телефоны и начнут названивать оптовикам с требованиями завезти им еще книги Андрея Кислова, и как оптовики...

В этом месте полет мечты обычно обрывался, потому что Андрей не вполне отчетливо представлял себе, что будут делать оптовики и куда побегут, чтобы выполнить заказы магазинов. В нормальной ситуации они обращаются на склад издательства, это понятно. А в случае самиздата как поступать? Наверное, они свяжутся с типографией, данные которой указаны на последней страничке, типография даст координаты клиента, то есть Андрея Вячеславовича Кислова, Кислов объяснит, что нигде не взялись за публикацию рукописи... ну, а дальше процесс как-нибудь пойдет, оптовики ведь работают в тесной связке с издательскими офисами продаж, и кто-нибудь обязательно заинтересуется и спохватится, что прибыльный продукт проплывает мимо кассы. Эта часть мечты не имела четкости, но зато финальная картинка виделась объемно и красочно: Костик Веденеев получает электронное письмо с предложением передать права, заключить авторский договор на первую книгу и подписать контракт, согласно которому он обязуется создавать не менее трех произведений в год в течение пяти лет. Как он обрадуется! Как будет доволен и горд! И папаша его, сильно эстетствующий, заткнется со своим критическим мнением. Издательству и книгопродавцам всегда виднее, что хорошо и что плохо, потому что читатель голосует рублем, а профессиональное литературоведческое мнение тут вообще никаким боком не прилипло.

Подошли сроки сдачи очередной работы, Андрей старался успеть вставить в сценарий то, что удалось разузнать о юбиляре и его семейке, попал в жуткий цейтнот, поскольку не умел правильно планировать время и вечно оттягивал все до последнего момента. Из типографии еще неделю назад сообщили, что тираж готов, но Андрей решил, что поедет после

сдачи: типография находилась в Рязанской области, и потратить день на поездку за книгами он сейчас никак не мог. Зато потом можно будет совместить получение тиража с визитом к Костику, как раз по пути получится.

Весь ужас, как обычно, состоял в том, что он никак не умел определять, посетило ли его вдохновение во время работы и достойным ли получился результат, поэтому, отослав сценарий по электронной почте, он с колотящимся сердцем явился «на разбор». Что сейчас скажут? Что он опять сделал не то и не так, вяло и пошло? Или похвалят и хорошо заплатят?

– Андрюша, – сказал ему Рыбин, тот самый деятель, который когда-то взял его на работу, а теперь принимал и оценивал результаты его труда, – тебя Бог в темечко поцеловал, ты это знаешь? Когда я читал текст песни, даже прослезился. Очень пронзительно у тебя получилось про жертвы и про то, чем человек платит. Признавайся, кто тебе помогал? Не верю, что ты сам это сочинил.

– Сам... – растерянно пробормотал Кислов. Он, конечно, старался, работал на совесть, но таких слов никак не ожидал.

– Совсем же другое дело! – продолжал восторгаться Рыбин. – Вот так бы всегда! А то приносишь иногда ерунду какую-то, с которой даже стыдно к приличному клиенту приходить.

Вдруг лицо его изменилось, стало озабоченным и даже каким-то испуганным.

– Андрюша, а ты, случаем, не того...?

– Что? – не понял Кислов.

– Наркотой не балуешься? Таблетками, порошками?

– Да нет, – спокойно удивился Андрей. – С чего вы взяли? Виски там, коньяк, водочки хорошей позволяю себе, конечно, если в компании, ну, как все. А больше ничего.

– Точно?

– Абсолютно.

– Тогда откуда такой полет фантазии и креатива?

Андрей рассмеялся.

– Наверное, от положительных эмоций. Взялся помочь парню, с которым в травме в одной палате лежал, когда попал в аварию. Он книгу написал, а публиковать стесняется, ну, я и впрягся.

– И как? Удалось помочь?

– Думаю, да. Во всяком случае, тираж уже в типографии.

Он не стал рассказывать Рыбину о том, что тираж крошечный, что во всех издательствах ему отказали, что платит за все это сам Кислов и что

автор категорически против публикации. Зачем грузить посторонних людей? Никакого смысла в этом нет.

Глаза Рыбина стали внимательными и очень серьезными.

– Ты сам-то доволен?

– Очень! – искренне воскликнул Андрей. – Знаете, у парня этого жизнь несладкая, мать умерла, когда он был совсем маленьким, отец его один растил, а потом еще травма эта, местные врачи напортачили сильно, отправили в Москву, но здесь уже ничего не смогли исправить, несколько операций сделали – все без толку, остался хромым на всю жизнь. Если честно, я ужасно рад, что смогу ему помочь. Пусть у человека будет радость хоть какая-то во всей этой беспросветности.

Вот тут Рыбин и произнес ту загадочную фразу:

– А клюка-то старухина!

Андрей оторопело и непонимающе смотрел на него. Какая клюка? Какая старуха? При чем тут вообще?..

Рыбин расхохотался, глядя на выражение лица Кислова.

– Ты что, «Морозко» не смотрел?

– Нет.

– Там есть герой, которого за грубость и невежливость превратили в медведя, и стать снова красивым пареньком он сможет только тогда, когда сделает три добрых дела. Вот он ходит, ходит и все придумывает, какое бы еще доброе дело сделать. Встречает старую бабку с клюкой, разговаривает с ней, потом бабка уходит, и парень видит, что она ушла без клюки. Парень восклицает: «А клюка-то старухина!» – и радуется, что придумал доброе дело, которое можно сделать: найти старуху и вернуть ей клюку. Усвоил?

– Не совсем.

– Есть распространенное мнение, что художник должен быть голодным, а автор – непременно страдать, чтобы создать достойное произведение. Может, у многих так и выходит, не знаю. Но у тебя явно противоположный случай. Чтобы эффективно и красиво работать, тебе нужны положительные эмоции, нужна радость, и не абы какая, а связанная с тем, что ты кому-то реально помогаешь. Так что вперед, Андрюша, ищи старухину клюку. Ищи доброе дело, которое можешь сделать. Без этого твои сценарии снова будут тусклыми и непригодными для использования. Теперь усвоил?

Андрей молча кивнул.

– Новогодний корпоратив компании «Гамма Капитал» имел большой успех, ты поработал на славу, среди гостей были топ-менеджеры нескольких крупных инвестиционных групп, они сильно впечатлились

твоим личностным подходом и спросили у «Гаммы», кто писал тексты и стихи, кто придумывал конкурсы. Я тебе не говорил, но тот заказ, который ты выполнял к Восьмому марта, пришел именно от одного из партнеров «Гаммы», а летний праздник на водохранилище – от другого. Три богатейших клиента всего за полгода – это наш рекорд на сегодняшний день, и это полностью твоя заслуга. Ну, ребята все, конечно, старались, но хороших менеджеров и организаторов все-таки больше, чем хороших сценаристов. Заказ от «Гаммы» нам достался по чистой случайности, обычно клиенты подобного ранга обращаются в «Ювенал» или к кому-то такому же известному и крутому, но не к нам. Наша репутация крепнет, и ты не должен подвести. Понял задачу?

Да уж, чего тут непонятного...

* * *

Максим Викторович Веденеев, отец Костика, работал в двух местах охранником, в обоих в режиме «сутки через трое». Первые сутки охранял элитный жилой комплекс с огороженной ажурным забором территорией, на вторые сутки – отдыхал, отсыпался и занимался домашними делами, на третьи – нес вахту в библиотеке, на четвертые – снова отдыхал. И все сначала. Вышедших в отставку офицеров МВД охотно брали в охрану, вопросом же об их базовом образовании никто особо не задавался. Раз из МВД – значит, и службу знает, и скрутить может при необходимости, и отпор дать, и в пятак накатить.

Андрей позвонил Костику, ненавязчиво выяснил, в какие дни Максима Викторовича гарантированно не будет дома, и отправился в путь: сперва в типографию, потом к другу. 300 экземпляров книги – это 15 пачек, по 20 книжек в каждой. Одну пачку сразу отложил в сторону: из двадцати книжек шестнадцать нужно отправить в Книжную палату. Кислов набил багажник машины под завязку и еще несколько упаковок бросил в салон, на заднее сиденье. Поездом, конечно, было бы комфортнее: растянулся на полке и спи себе, в ус не дуй. Но перевозить такой объемный багаж удобнее все-таки на машине.

К концу пути Андрей изрядно устал, проголодался и очень хотел спать, но предвкушение восторга, который испытает Костик, бодрило, помогало не заснуть за рулем и заставляло в последние три-четыре часа поездки не останавливаться, чтобы поесть. Припарковавшись перед знакомым двухэтажным давно обветшавшим домом, взял с заднего сиденья

две пачки, вошел в подъезд и позвонил в квартиру на втором этаже.

Костик знал о его приезде и ждал, но о цели визита Андрей умышленно умолчал. Сюрприз так сюрприз, полноценный, полновесный и неожиданный.

– Что это? – спросил Костик, разглядывая пачки, которые Кислов торжественно водрузил на стол.

– Вскрой и посмотри.

Андрей напряженно наблюдал за Костилом, который аккуратно и ловко вскрыл бумажную упаковку, и сердце его подпрыгнуло от радости, когда он увидел, что по маленькой, захлавленной приборами, дисками и проводами комнате буквально разлилось сияние. Сдержанный молчаливый Костик не был склонен к бурному выражению эмоций, но наполнившее пространство счастливое изумление было плотным и осязаемым всеми органами чувств. «Вот оно! – думал Кислов. – Ради этого момента я и старался. Пусть ругает меня, пусть даже выгонит, но он пережил этот момент. Теперь Костик осознает, что такое не просто «бывает у кого-то» – такое случилось и в его жизни».

– Ты все-таки сделал это...

Негромкий голос Костика слегка дрожал. Он держал книгу в руке, ласково поглаживая глянцевую поблескивающую обложку.

– Остальные в машине, я сейчас принесу, – торопливо заговорил Андрей, чувствуя в горле предательский ком. Не хватало еще пустить слезу!

– Остальные? Разве это не все?

– Там еще двенадцать пачек. Я сейчас...

Костик придержал его за плечо.

– погоди, Андрюша.

Помолчал и твердо сказал:

– Не надо. Увези обратно. Или выбрось. В общем, делай, что хочешь. Я себе одну оставлю на память, больше не нужно.

– Да ты с ума сошел! – возмутился Андрей.

Противного комка в горле как не бывало. Теперь он испытывал только гнев и негодование.

– Это же твоя книга! Твоя, ты понимаешь? Я привез тебе первый тираж твоей первой книги, ты вообще в состоянии это осознать? Ты – писатель, и это – твое произведение. Можешь всем друзьям и знакомым подарить, просто скажи, что взял псевдоним, и все дела. Сколько у тебя друзей? Десять? Двадцать? Одну пачку раздаришь, остальные в книжные магазины пристроим, и через месяц, ну максимум – через два, тебя накроет

мировая слава. Будешь знаменитым, богатым, купишь нормальное жилье, поедешь лечить ногу за границу, там медицина в тысячу раз лучше, чем у нас. Ты понимаешь, какие перспективы открываются?

– Успокойся, пожалуйста, – Костик по-прежнему не повышал голос, но и глаз от яркой обложки не отрывал, и книгу из рук не выпускал. – Ничего этого не будет. Отец мне ясно объяснил, что текст убогий и слабый, и выходить с такой книгой на суд читателей – стыда не оберешься. Я тебе еще в прошлый раз сказал, что не стану ни расстраивать отца, ни позорить его имя.

– Да что ты уперся со своим «позорить»?! Мало ли что кому не нравится, вон Достоевского тоже не все любят, и что? Все равно он знаменитость и мировая величина. Ну не понравилось твоему отцу – и что теперь, удавиться? Слава, признание, деньги – вот что тебя ждет, а никакой не позор.

– Не будет ни славы, ни признания, ни денег. Текст написан коряво и слабо, я это отчетливо вижу теперь. И обсуждать тут больше нечего. Одну книжку оставлю себе, остальные забираю. Отец не должен ничего узнать.

– И что? – Кислов недоверчиво прищурился. – Собственную книжку, результат своего труда, спрячешь подальше от глаз, чтобы отец случайно не нашел, а то по попе надает? Ага, ты ее под матрас спрячь или вообще тайник за плинтусом сооруди, как в шпионском кино. Нормальные люди гордятся, всем рассказывают, дарят, радуются, в конце концов, а ты...

– Не сердись, – Костик примирительно улыбнулся, но улыбка вышла печальной. – Я очень благодарен тебе, правда. И я очень высоко ценю твои усилия. Понимаю, что это было и сложно, и дорого. Ты хотел помочь. Но отец – это для меня святое. Его мнение и его желания не обсуждаются. Он слишком многим пожертвовал, чтобы вырастить меня, от многого отказался, но ведь я должен был стать взрослым и взять на себя все заботы и о нем, и о себе. А я, видишь, подвел с этой своей инвалидностью, два года не зарабатывал толком, по больницам валялся. Ты же знаешь, у меня не только нога, еще куча других болячек. Отец в долги влез, чтобы... Да ладно, – он махнул рукой, – не грузись этим. Это наша жизнь и наши проблемы. Мы справимся.

Он поставил книгу на одну из полок, прибитых по всем стенам. Денег в семье Веденевых было мало, а вот книг – много.

– А как же отец? Не боишься, что он прочтает и узнает твою рукопись? – ехидно спросил Андрей. Он-то был уверен, что Костик спрячет книгу подальше от глаз.

– Так имя же не мое на обложке, – спокойно ответил тот. – Отец ее

даже в руки не возьмет, оформление увидит и сразу решит, что это «желтизна» какая-нибудь, он такое принципиально не читает.

Из дома Веденевых Андрей вышел расстроенным и даже немного обиженным, но энергичная деятельная натура его не позволяла подолгу печалиться и грустить. Из четырнадцати пачек тринадцать нужно немедленно пристроить на реализацию, и лучше всего в киоски, торгующие печатной продукцией на вокзалах и в аэропортах. Там и цены ниже, и обороты нормальные, пассажиры перед дорогой частенько вспоминают, что им нечего почитать в пути, и с удовольствием покупают что-нибудь недорогое, чтобы скоротать время. Молодежь, конечно, бумагу вообще не уважает, у них все развлечения в гаджетах, которые всегда с собой, а вот те, кто постарше, привыкли к печатному слову.

Начав с того города, в который приехал, Кислов нашел контору, занимающуюся обеспечением торговых точек книжной продукцией. Ему объяснили, что в специализированные магазины отправляют только ту литературу, которую магазины сами заказывают, навязать им ничего нельзя. Книгу никому не известного Андрея Кислова, которого не прорекламировало приличное издательство, ни один магазин не закажет. А вот через киоски – да, можно попробовать, но именно на реализацию: сколько продадут – столько денег Кислов и получит. Пусть господин Кислов не надеется, что у него сейчас кто-то купит по оптовой цене весь тираж и потом будет маяться, не зная, как и кому это продать. Такого не будет.

На распечатанную четырнадцатую пачку, в которой оставалось еще девятнадцать книжек, плюс на те четыре из самой первой открытой пачки, у Андрея имелись свои виды. Две-три книжки он оставит себе, остальные подарит знакомым. Разумеется, почти никто из них читать не станет, это понятно, но кое-кто все же прочтет, хотя бы два-три человека. У остальных книжка будет валяться и в конце концов попадет в руки кому-то, кто прочитает. Например, немолодая тетушка из другого города приедет в гости и, уезжая, попросит что-нибудь в дорогу почитать. Всякие случаи бывают, Кислов это знал. Найдется тот, кто оценит, кому очень понравится. Цепная реакция всегда начинается с первого шага, и этот шаг обязательно будет сделан. Пусть не сразу, но будет. Андрей Кислов твердо верил в это.

Он пожалел, что не взял псевдоним. Было бы на обложке написано любое другое имя, не его собственное, можно было бы дарить знакомым со словами: «Обязательно прочитай, получишь удовольствие, я сам оторваться не мог, это потрясающая история!» Тогда шансов было бы побольше. А так... Не будешь же захлеб хвалить то, что сам написал, это как-то

неприлично, нескромно. Когда делал обложку, отдавал макет в типографию, получал идентификационный номер, был уверен, что весь тираж останется у Костика. Ну, или уйдет в торговые точки. Ему и в голову не приходил вариант, при котором придется раздавать книги своим друзьям. Врать Андрей не любил, а каждый раз рассказывать историю про странного хромого Костика и объяснять, как так вышло, что чужой текст напечатан под его, Андрея, именем, не хотелось. Вот ведь засада!

Каменская

Как же быстро все меняется в голове! Просто уму непостижимо! Всего несколько месяцев назад Настя и Алексей собирали свои вещи на старой квартире, придирчиво оценивая каждый предмет и решая, укладывать и впоследствии пользоваться им или выбросить. В мешках «на выброс» оказалось много всего, начиная от давно затупившихся и не подлежащих восстановлению кухонных ножей и застиранных растянутых футболок до папок с материалами столетней давности, которые уже точно никогда и никому не пригодятся. Разношенные кроссовки, в которых так удобно было ходить... Сколько? Лет десять, наверное, Настя их носила, в районе большого пальца явственно наметилась дырка, подошва истерлась почти до гладкости. Жалко, ноги в них совсем не уставали, и спина болела намного меньше, чем при ходьбе в другой обуви. В мешок! Сувенирная тарелка, подаренная Чистякову давным-давно. Кем? Он не помнил. При каких обстоятельствах – не помнил тоже. Так какой смысл хранить ее? Сувенир на то и сувенир, чтобы возвращать воспоминание, помнить о событии. А если не помнишь, то предмет превращается в ненужный хлам. В мешок!

Настя в тот момент была уверена, что они с Лешей вычистили свое копившееся годами имущество до полного рационального совершенства. И надо же: прошло всего несколько месяцев – и оказалось, что размещения в новеньком шкафу-купе достойно далеко не все из перевезенного.

– Леш, а это что?

Она с недоумением вытащила из чемодана нечто крошечно-изящное, черное, необыкновенно приятное на ощупь. Развернула, подержала на весу, показала мужу.

– Если я правильно помню, это маленькое черное платье, твоя мама привезла из Парижа.

– Да? – она задумчиво осмотрела наряд. – И давно?

– Очень давно. Больше десяти лет прошло, если не все пятнадцать. Насчет моды не парься, фасон универсальный, его еще Коко придумала в пятьдесят каком-то году, он никогда не устареет.

– Да при чем тут мода-то! – с досадой воскликнула Настя. – Куда мне это носить? Зачем оно мне? Короткое, в обтяжку, без рукавов, шея открыта, ноги голые, руки голые... Фууу!

Алексей все это время сосредоточенно прикладывал три брючных ремня по очереди к каждому из трех костюмов, решая, какой из них к чему

больше подходит по цвету и фактуре. Он не любил тратить интеллектуальную энергию там, где ее можно было сэкономить, и предпочитал раз и навсегда определить, «что – куда», вместо того чтобы при каждой смене костюма подбирать сорочку, галстук и ремень. Даже в тесной старой квартире он, человек порядка и плана, умудрялся располагать свои вещи так, что они не путались и не терялись. Беда, однако, состояла в том, что, единожды определившись с сочетанием предметов, Чистяков мгновенно все забывал. Просто выбрасывал из головы, как ненужную информацию. Он твердо знал, что уже все продумал и что вот к этому костюму идут вот эти сорочки, висящие в шкафу сразу за ним, и вот эти галстуки, прицепленные на специальном держателе между костюмом и сорочками. Все, вопрос закрыт, об этом можно больше не думать ни секунды и не тратить энергию на выбор. Но через полчаса после принятия решения профессор даже под угрозой смертной казни не смог бы вспомнить, какие именно сорочки и галстуки он определил в комплект к конкретному костюму. И это при том, что решения принимались очень тщательно и взвешенно, в результате чего Алексей Михайлович Чистяков заслуженно считался одним из самых элегантных и красивых мужчин в своем научном сообществе.

И все было бы хорошо, если бы Лешка сам складывал свою одежду при переезде. Однако он был занят работой, и вещи складывала Настя. Торопилась, потому что собираться – занятие скучное, нужно просто побыстрее перекидать все в чемоданы и распихать по сумкам. О чем тут думать, если Лешка уже все предварительно просмотрел, перебрал и засунул в мешки «на выброс» старое и ненужное. Бери, что осталось, и засовывай, куда влезет. В итоге Чистяков после переезда вынужден был решать нудную старую задачу заново, и не один раз, ибо шкафа не было, а предметы гардероба, положенные в определенном порядке на стул, имели какое-то странное обыкновение меняться местами и перемещаться в пространстве.

Ну все, сегодня – последний рывок. Настя чувствовала себя виноватой из-за собственной безалаберности, но утешалась тем, что теперь, когда есть новый шкаф, Лешке больше не придется мучиться. С сорочками и галстуками он уже разобрался окончательно, остались только ремни.

– Этот – сюда, – с облегчением выдохнул Алексей, повесил ремень на перекладину плечиков, под пиджак, и, наконец, внимательно рассмотрел маленькое черное платьице, которое Настя продолжала держать на весу.

– Не пойму, что тебя не устраивает, – сказал он, пожав плечами. – Твою фигуру вполне можно обтягивать, ноги тоже достойны того, чтобы их

показать. Просто, элегантно, без претензий. На чем тебя переклинило?

– На том, что я вся открытая в нем, – призналась Настя. – Я этого не люблю, ты же знаешь. И никогда не буду носить такое платье. Я люблю спрятаться в одежду, как в норку, и быть защищенной и незаметной. И не смотри на меня так, я знаю, что ты хочешь сказать.

Алексей вздернул брови в иронической гримасе.

– Что же?

– Что я интроверт-невротик.

– И ты собираешься с этим поспорить?

– Да нет, – вздохнула она. – С чем тут спорить? Святая правда. Но я не понимаю, о чем я думала, когда складывала это платье в чемодан. Зачем я его положила? Почему считала, что оно пригодится? Нужно было сразу отложить в коробку, где лежали хорошие вещи, которые мы потом раздали, потому что сами пользоваться уже не будем, а кому-то могут пригодиться. Леш, я же была в своем уме, когда вещи собирала, значит, видела это платье, обдумывала что-то и пришла к выводу, что оно мне нужно, что я буду его носить. А сейчас я смотрю и не понимаю: для чего? Для чего оно мне нужно? Куда я в нем пойду, если за все годы так и не надела ни разу, тем более оно мне не нравится. Я в ужасе от того, что не помню, какие мысли были в тот момент у меня в голове, какие идеи. И это я, которая раньше никогда ничего не забывала!

– Ася, успокойся, – Алексей досадливо поморщился. – И не вздумай начать развивать свою любимую мысль о том, что ты стареешь и у тебя слабеет память.

– Ну а что тогда? – жалобно спросила она. – Если не склероз, тогда маразм, тоже не легче.

Чистяков осторожно вынул платье из ее рук, аккуратно повесил на плечики и поместил в шкаф.

– Не склероз и не маразм, – мягко проговорил он, видя, что Настя уже готова расплакаться, – просто проявление нормальной женской сущности. Ты красивая женщина, которой не интересно думать о том, что она красивая, но твоему подсознанию наплевать на твои сознательные интересы, оно живет своей жизнью, и в этой жизни ты – красавица. А сердце красавицы – что?

– Склонно к измене, – покорно процитировала она, борясь с подступившими слезами, – и к перемене, как ветер мая. Ты считаешь, что я изменилась за эти несколько месяцев?

Леша расхохотался.

– За несколько месяцев? Да ты меняешься каждый час, если не чаще. И

это говорит только о том, что ты по-прежнему восприимчива к информации, к чужим и своим эмоциям, ты постоянно что-то обдумываешь и делаешь выводы и после каждого вывода становишься чуточку другой. Мы все такие. Это признак хорошо развитого и нормально работающего интеллекта, если ты не в курсе, а вовсе не старости, как ты себе напридумывала. В старости люди, наоборот, менее подвижны и восприимчивы. Так что успокойся уже и не морочь мне голову, а заодно и себе. Платье отлично прокатит на свадьбе у Ромчика, а уж надеть его на прием в посольстве сам бог велел, «Шанель» уместна всегда и всюду. Правда, вроде бы есть примета, что на свадьбу нельзя приходить в черном, но ты всегда была далека от народных верований.

– Оно голое какое-то, – упрямо повторила Настя. – Я не смогу его носить, мне будет некомфортно.

– Потерпишь, – в голосе Алексея промелькнула неожиданная жесткость.

Настя испугалась: такие нотки она слышала у Лешки очень редко. Неужели она надоела ему со своими причитаниями по поводу старения? Ну да, само собой, надоела хуже горькой редьки, сколько же можно мозг выносить человеку! Он любит ее и потому терпит, но любое терпение рано или поздно заканчивается. А она не почувствовала границу, перешла ее, злоупотребила, заигралась в собственные переживания и в результате достала Лешку до печенки. Пора останавливаться и что-то делать со своими неправильными мыслями.

Но что? Выключить сознание и произнести первое, что вытолкнет подсознание.

– К маленькому черному платью нужна нитка жемчуга, а у меня ее нет, – выпалила она, изумляясь тому, что говорит.

Чистяков улыбнулся и одобрительно кивнул.

– Ну вот, уже на что-то похоже. На хороший жемчуг денег нет, сама знаешь, но вопрос я как-нибудь решу.

– Можно и дешевый, – осторожно заметила Настя. – Я, например, на глаз не отличу.

– Да ты кошку от собаки не отличишь, когда задумаешься, – рассмеялся он. – У Ромчика на свадьбе знатоков тоже не будет, скорее всего, а вот в посольстве ты дешевым или поддельным жемчугом никого не обманешь, там такие зубры и жены зубров! Придется соответствовать.

Ромчик, Ромчик... Когда же ты позвонишь? Что там с участковым? Удалось что-нибудь узнать? Наверное, сегодня уже не позвонит, скоро девять вечера. И не факт, что позвонит хотя бы завтра. Наверняка занят

делами по службе или своими личными, а может, и вовсе забыл... Вопрос-то не срочный, ничья жизнь от ответа не зависит, а то, что у Анастасии Каменской зудит в голове неудовлетворенное любопытство, так это ее персональное горе, а никак не забота Романа Дзюбы.

Но он позвонил. Голос одновременно веселый и усталый.

– Анастасия Павловна, можно пригласить вас на неприличное свидание?

– Почему сразу на неприличное? Начинать полагается с приличных, – пошутила разом приободрившаяся Настя.

– Приличное у нас с вами уже было, только закончилось все стрельбой, если помните, – отпарировал Дзюба. – Сегодня я предлагаю вам посетить дешевое затрапезное кафе. Я-то все равно туда собираюсь, но будет неплохо, если вы присоединитесь.

– Кафе? – переспросила она, помолчав. – То самое?

– Ага. Нужный человек сегодня работает до закрытия. Поедете?

Настя бросила осторожный взгляд на мужа: тот, встав на стул, запихивал последний из освобожденных от вещей чемоданов на самую верхнюю полку шкафа, сделанную без разделительных перегородок специально для хранения багажных емкостей – чемоданов и дорожных сумок.

– Леш, я еще нужна? Или мы закончили на сегодня?

Чистяков соскочил со стула и с грохотом задвинул дверцу шкафа.

– На сегодня все, – решительно объявил он. – Мне еще поработать нужно.

– Тогда я съезжу с Ромчиком, ладно?

– Разве я могу препятствовать свиданию жены с молодым любовником? Конечно, поезжай, – рассеянно ответил Алексей, и Настя поняла, что в момент закрытия шкафа ее муж полностью переключился на работу, которую планировал сделать вечером. Он разговаривает с ней, относит стул к окну, где тот обычно и стоит, делает шаги по квартире, но это всего лишь видимость. Это «вроде бы». На самом деле Лешка уже весь там, в своей научной проблеме, в мире формул и алгоритмов, и если бы Настя не стала ничего спрашивать, а просто тихонько ушла, он бы, вполне вероятно, заметил ее отсутствие далеко не сразу. А то и вовсе не заметил бы.

Нужный человек работает в кафе до закрытия. Значит, она правильно предположила: свидетелем, дававшим показания «со слов потерпевшего Кислова», был кто-то из сотрудников кафе. Ромка хочет, чтобы Настя поехала с ним, стало быть, у него есть план или хотя бы идея. По телефону он ничего не сказал и не объяснил, но Настя понадеялась на то, что поняла все правильно. Хорошо, что сегодня утром она вымыла и уложила волосы: когда ходила в кафе с Кисловым, голова была невымытой и мокрой от дождя, и прическа выглядела совсем иначе. В прихожей Настя надела стильный короткий плащ цвета беж и яркий шарф, несколько секунд подумала, взяла большую матерчатую сумку, купленную когда-то на кассе в супермаркете, засунула в нее старый пуховик, который мама велела выбросить на помойку. Выбросить! Да прям, разбежалась! Он еще пригодится, вот как сегодня, например. Неизвестно, как дело пойдет и какой вид потребуется для раскручивания свидетеля: элегантный или затрапезный.

– В общем, Анастасия Павловна, картинка у нас такая, – начал Роман, когда Настя села к нему в машину.

Участковый, которого без малейшего труда разыскал Дзюба, рассказал, что в пятницу утром, когда он выходил из здания окружного управления и намеревался ехать на свой опорный пункт, к нему прямо возле крыльца подскочил неизвестный мужчина лет тридцати пяти, обратился по имени-отчеству, спросил, когда можно подойти на опорный пункт. Ему, дескать, нужно оформлять документы на продление разрешения на хранение оружия, и для этого требуется бумажка от участкового, что все единицы хранятся как положено. Участковый дежурно спросил: «Что у вас там? Охотничье?», на что мужчина ответил, что у него много всего – и охотничье, и спортивное, и травмы, но он при продлении разрешения решил половину сдать, все равно не пользуется, а безмозглых бандюков, дескать, кругом полно, квартиры в их спальном районе вскрывают – только в путь. Если, не дай бог, его квартиру обнесут и оружие заберут, а потом из него убьют кого-нибудь... Сейчас времена такие настали, что убивают не только за три копейки, а и вообще ни за что, вон в их микрорайоне парня убили вчера – думаете, за деньги? Ни фига подобного, баба его уделала, за то, что он с ней спать отказался. А парень, говорят, хороший был, скромный, жил один, ни в какой криминал не ввязывался. И вот поди ж ты...

В этом месте участковый, который только что прослушал инструктаж, сводку за минувшие сутки и ориентировки, насторожился и спросил, откуда тому мужчине известно насчет бабы, с которой потерпевший отказался спать. Оказалось, информацией поделился бармен из кафе,

расположенного в трех минутах ходьбы от дома, где произошло убийство Кислова, о котором как раз на инструктаже и говорили. Потерпевший Кислов – давний и постоянный посетитель кафе, его все там знают, особенно те, кто давно работает. «Так когда мне к вам зайти? Назначьте, пожалуйста, а то мне оформлять надо, у меня сроки поджимают», – попросил мужчина. Участковый назвал день и время и направился в указанное кафе побеседовать с барменом.

Бармен подтвердил, что Андрей, фамилию которого он, конечно, не знает, действительно постоянно к ним приходит, и один, просто поесть, и с гостями встречается. Да, позавчера, в среду, он приходил с женщиной пенсионного возраста, бармен даже сначала подумал, что это мать Андрея, в общем, она заметно старше была, они о чем-то говорили, но недолго, потом женщина внезапно резко поднялась и ушла очень рассерженная, а Андрей еще почти час сидел. Когда уходил – присел за барную стойку, заказал еще кофе, перекинулся с барменом парой слов. В частности, бросил с досадой, что вот, мол, тетки эти возрастные – ненасытные акулы какие-то, привыкли, что за деньги можно все купить, а если денег много, то ни в чем отказа нет, и бесятся, когда не получают желаемого.

– Дальше, Анастасия Павловна, цитирую со слов участкового, так что без обид, – предупредил Роман. – «В зеркало надо смотреться, прежде чем в койку проситься». Якобы именно эти слова сказал Андрей Кислов нашему свидетелю-бармену, свидетель пересказал их участковому, а участковый, соответственно, операм. Опера помчались в кафе, опросили бармена, он все подтвердил.

– Прямо все-все? – переспросила Настя.

– Все-все.

– И вот прямо слово в слово?

– Прямо да.

– А насчет «бросил с досадой» – это твой художественный вымысел?

– Ни боже мой, Анастасия Павловна! – возмутился Дзюба. – Как можно? Это со слов участкового, но в справке опера, который опрашивал, такое выражение тоже присутствует. Я вам больше скажу: оно есть даже в протоколе допроса, проведенного следователем. Бармена же сразу к следку потащили.

– И что думаешь?

Роман усмехнулся.

– То же, что и вы. Лажа, но выполненная очень профессионально.

– Думаешь, бармену заплатили за это вранье?

Он пожал плечами:

– Вот это мы сейчас и попробуем выяснить. Ему предъявляли фотографию с камер, он уверенно опознал в вас ту самую женщину, с которой Кислов приходил в кафе и которая ушла очень рассерженная. Значит, он хорошо рассмотрел вас вживую и запомнил, если смог уверенно опознать на плохом нечетком черно-белом снимке без крупного плана лица.

– Да уж, – вздохнула Настя, – просто гигант зрительной памяти. Но считается, что у работников сферы обслуживания, особенно у барменов и официантов, зрительная память отличная, иначе они будут постоянно ошибаться, путать гостей и не смогут работать как положено. Так что ничего удивительного. То, что он меня уверенно опознал, как раз нормально. Назвал меня очень рассерженной – тоже ничего, вполне объяснимо, я старательно изображала из себя расстроенную, могла и не так сыграть, и переиграть, и вообще изобразить не то, я же не профессиональная актриса все-таки. А вот то, что сказал ему Кислов...

– Якобы сказал, – поправил ее Роман. – У меня после беседы с участковым зародились некоторые сомнения. А у вас? Неужели нет?

Они проехали мимо дома, где жил и был убит Андрей Кислов. Тот самый подъезд, те самые низкие перильца, на которых Настя сидела всего несколько дней назад. Надо же, несколько дней! А кажется, будто сегодня утром. Как быстро стало лететь время!

– После светофора – направо, – подсказала она.

– «Через двести метров поверните направо», – проговорил следом за ней механический голос навигатора.

– Будешь еще меня учить, – пробурчал Роман и фыркнул.

* * *

В кафе шумно гуляла компания человек на пятнадцать, расположившись за четырьмя сдвинутыми вместе столами, в остальной части зала посетителей было совсем немного. Настя и Роман уселись за столик, заказали горячие напитки и десерты и принялись делать вид, что мирно беседуют. На самом деле они по очереди и тихонечко читали стихи – те, которые помнили так, что слова в бессознательном состоянии отскакивали от зубов, а сами исподтишка наблюдали за барменом, невысоким, но очень спортивным парнем с чуть длинноватыми волосами, забранными на макушке в смешной «самурайский» узелок. Работы у бармена сегодня – хоть отбавляй, компания за четырьмя столами беспрестанно требовала то холодные напитки, в том числе и алкогольные,

то горячие, и если выдавалось несколько свободных секунд, парень смотрел не в зал, на гостей, а в телефон, но при этом ничего не писал. Дзюба огляделся и удовлетворенно кивнул:

– Туалет за барной стойкой и налево, это хорошо. Пойду полюбопытствую, чем так усердно интересуется наш свидетель. Сейчас он порцию нальет, официантка ее заберет – и можно двигать, он как раз в телефон полезет.

Роман рассчитал все точно и, вернувшись из туалета, доложил:

– Следит за спортивными достижениями своих друзей. Кто сколько километров пробежал, или на велике проехал, или на роликах, или проплыл. У него в телефоне специальное приложение для этого стоит. Я его поближе рассмотрел – мускулатура развитая, видно, что тоже постоянно спортом занимается. Небось стоит за стойкой и злится, что все за физической формой и здоровьем гоняются, а он тут дурака валяет, пьяным еще больше подливает. Я таких ребят знаю, они в большинстве своем не пьют даже пива, не курят, про дурь речь вообще не идет, но, правда, и про работу тоже не очень, на уме один спорт, мышцы, километры, скорость, высота-долгота, ну, все такое. В принципе они мне нравятся, для них не важно, сколько человек зарабатывает и какой крутизны у него часы или тачка. Важно, на сколько километров у него хватает мышечной силы, а попросту говоря – чего он достиг собственными тренировками. Но все хорошо в меру, как обычно.

– То есть? – не поняла Настя.

– То есть в меру. У одних мера есть, у других – нет. Те, у которых нет, вообще ни о чем думать не могут, кроме одного: кто-то в их тусовке сумел больше, лучше или быстрее, чем они, и нужно как можно скорее это достижение перебить своим. Они настолько одержимы идеей собственного физического превосходства, вернее, доказыванием этого превосходства, что не в состоянии ни на чем другом сосредоточиться, в том числе и на работе. Похоже, наш свидетель – из их числа.

– Частенько ошибается? – понимающе спросила Настя, обратившая внимание, что официантка, подхвачившая к стойке, чтобы забрать заказ, три или четыре раза отрицательно мотала головой, после чего бармен быстро снимал с подноса один из напитков и наливал какой-то другой.

– Ну да, – кивнул Дзюба. – Невнимателен, не может сконцентрироваться и удержать в памяти заказ даже на короткое время. Все время в телефон ныряет. Уверен, что зал и гостей он вообще не видит. Ладно, пойду поговорю с ним, хотя в успехе сомневаюсь, вряд ли наш спортсмен окажется разговорчивым, у него же приложение – лучший друг.

– Может, повезет. Сейчас вечер, и если все так, как ты сказал, друзья-соперники как раз после работы ездят-бегают-плывут. Думаю, в первой половине дня активность не такая высокая, и он был более внимателен. Есть шанс, что он все-таки осознавал то, что происходило в дневные смены на прошлой неделе, и даже что-нибудь запомнил. Главное – правильно задавать вопросы.

– Правильно – это как?

– Не так, как учили. Не так, как делают все. Шаблонный вопрос порождает шаблонный ответ, а шаблонный ответ всегда можно предвидеть и предугадать. Его можно спрогнозировать, но можно и спланировать, и даже смоделировать. Понимаешь, о чем я?

Дзюба задумчиво посмотрел на нее, потом потер ладонью щеку и слегка улыбнулся.

– Вы рассказывали про Вербицк и про то, как там специально обученные деятели манипулировали общественным мнением, я помню. После этого я много специальной литературы почитал по нейролингвистике, мне любопытно стало, кучу всего интересного узнал. Вы об этом?

– Именно об этом. Участковый тебе дал подробное описание того мужчины, который насчет разрешения на оружие обращался?

– Дал. Думаете, он и здесь возникнет?

– Не знаю, но есть смысл иметь его в виду.

– Я понял. Ну все, пошел, не скучайте тут, Анастасия Павловна.

Вадим

Сука! Сука! Сука! Какого черта она поперлась в это кафе? Что она там забыла? Подумаешь, зашла с Кисловым один раз, так что теперь?

Ему стало нехорошо, спина покрылась липким потом, во рту пересохло. Происходило нечто такое, чего он не понимал. Не мог этим руководить. Не мог это контролировать.

А ведь начиналось все так спокойно, так благостно. Вадим немножко позлился на то, что суку Каменскую так быстро и легко отпустили, но вскоре утешился. В конце концов, именно в этом и состояло срочное задание: сделать так, чтобы ее задержали, доставили к следователю и помордовали как следует. Результат налицо, Вадим в очередной раз доказал свою эффективность, получил устную благодарность от шефа и толстый конверт с наличными. А то, о чем он мечтал втайне, в глубине души, это так, приятный бонус, которым можно было бы насладиться, если бы допрос у следователя закончился, например, задержанием и помещением Каменской в камеру, а еще лучше – последующим переводом в следственный изолятор, пусть и ненадолго, хотя бы на пару дней.

Бонуса не получилось. Но и без него все прошло просто отлично! Вадим много раз мысленно пересматривал придуманную схему и ловил себя на том, что особенно греет его душу один момент. Каменскую будут обвинять в сексуальных домогательствах по отношению к мужчине, по возрасту годящемуся ей в сыновья. Вот в чем главный цимес! Да, это не обвинение в преступлении, а всего лишь доказательство мотива для убийства, но ведь красота же! Все эти тетki, эти отвратительные бабы – ровесницы его матери и матерей его одноклассников, о господи, как же он их ненавидел! Он готов был уничтожить их всех скопом или каждую по отдельности. Их, которые сочувственно и снисходительно смотрели на него. Их, называвших его «жалким». Их, когда-то отрицавших его ценность как личности. И теперь, став взрослым, он будет унижать и терзать женщин того поколения при любой возможности.

Однако собственная идея, на которой построена вся схема с Каменской, выглядела в глазах Вадима все более и более симпатичной. А что, если и в самом деле...

Вообще-то он всегда предпочитал девушек младше себя. Дело не в свежести и упругой коже, дело в уме и жизненном опыте. Вадим признавал для себя только позицию «старшего», руководящего и контролирующего.

Если и выбирать женщину постарше, то только такую, которой он сможет управлять.

Но с этими, которые из «поколения матерей», он сможет справиться без труда. Уж какие бы они ни были разумные и успешные, а против любовника на тридцать лет моложе у них оружия нет. Ибо инстинкт. Желание быть и в собственных глазах, и в глазах окружающих моложе, чем на самом деле. Быть привлекательной и желанной. Победившей возраст и перспективы старения.

Вадим был абсолютно убежден, что выведенная им формула работает безотказно и распространяется на всех женщин без исключения. Ни одна не устоит перед соблазном. И ни деньги, ни успешность, ни внешность влюбленного «сыночка» никакого значения иметь не будут. Важно одно: он на тридцать лет моложе. Он влюблен, а она молода и по-прежнему желанна. И точка.

Так почему бы не начать с этой сучки Каменской? Потешить себя, насладиться ее беспомощностью и последующим унижением, втоптать в грязь. Хорошо может получиться!

А кстати, где она сейчас? Что подельывает? Надо поближе познакомиться с ее обычными маршрутами, чтобы красиво спланировать «случайную встречу». Одиннадцатый час, он в отделе один – дежурит, делать все равно нечего. Включил определение геопозиции по мобильному телефону и к своему изумлению обнаружил Каменскую, вернее, ее телефон в том районе, где проживал покойный Кислов. Уточнил данные – получилось то самое кафе.

В общем-то ничего особенного. Вадим плохого не заподозрил – слишком уж всегда был уверен в своих силах – и связался с шефом. Просто доложил. Даже не доложил, а поделился изумлением, дескать, какие же бабы дуры, Каменская во время допроса столько унижений натерпелась из-за этого кафе, столько оскорблений выслушала, что будь она нормальным человеком – обходила бы его за три версты, а она, гляди-ка, притащилась на ночь глядя. Мазохистка, что ли? Или сентиментально предается воспоминаниям о безвременно усопшем?

Вадим в этот момент сам себе казался чрезвычайно остроумным и рассчитывал, что шеф отреагирует хотя бы коротким одобрительным смешком. Однако, все вышло не так. Шеф отчитал его, как мальчишку.

– Почему она там оказалась? Ты где-то допустил прокол, ты чего-то не учел в своей схеме, и она ухватилась за кончик, который ты не потрудился спрятать.

– Но Алена Валерьевна...

– Алена этот план не проверяла, у нас не было времени! Я же ясно говорил: задание очень срочное. И ты должен был понимать, что за тобой проверять в этот раз некому, поэтому сработать нужно не «как-нибудь примерно», потому что умная Алена все увидит и все поправит, а как следует. По-взрослому, а не так, как ты привык, недоумок. Ты что же, считаешь, что Алена до самой твоей пенсии будет тебе задницу подтирать? Из детских штанишек никак не вырастешь? Имей в виду: если что не так – отвечать будешь сам, и никакая Алена тебя в этом случае не прикроет, не надейся.

– Я понял, – ответил Вадим, из последних сил сдерживаясь, чтобы не разбить немедленно все, что подвернется под руку. Окно, мониторы – что угодно. Только бы разрушить, уничтожить. Почувствовать себя более сильным. Услышать треск или звон, увидеть обломки или осколки – видимые и осязаемые результаты разрушения.

Он оставил какую-то дырочку в схеме, куда немедленно влезла эта сучка Каменская...

Его схемы срабатывают только потому, что их перепроверяет и корректирует эта сутулая бессмысленная вошь Алена. Никому не нужная трусливая и неуверенная в себе Горбызла.

Он не задумывался, что же именно привело его в такую ярость: тот факт, что он чего-то не предусмотрел, где-то ошибся, то обстоятельство, что Каменская оказалась умнее, чем он рассчитывал, или мнение шефа о том, что без Горбызлы он – ничто.

Вадим просто был в ней, в этой ярости, находился в самом центре пылающего костра и не чувствовал, как в нем горят и расплавляются остатки того, что в деловом и политическом мире принято называть лояльностью.

Светлана Гнездилова

Когда при очередном включении компьютера она увидела баннер, сообщавший, что на электронную почту покойного мужа пришло новое письмо, Светлана Дмитриевна несказанно удивилась. Да, в первое время после смерти Виктора Семеновича еще приходили какие-то рассылки с новыми нормативными актами и прочей юридической ерундой, пока информация о «выбытии» адресата не была учтена администрацией соответствующих сайтов. Но все это прекратилось уже довольно давно. Светлане Дмитриевне даже в голову не приходило раз и навсегда закрыть окно на домашней странице. Пусть висит, кому оно мешает?

Письмо было, разумеется, немедленно прочитано и ввергло Светлану Дмитриевну в шок. У Виктора Семеновича была любовница! И эта связь не просто какая-то случайная и мимолетная, а серьезная, с очевидными последствиями в виде ребенка. Ребенка, о котором он знал и которому помогал.

«...ты перестал высылать деньги, ты не звонил и не писал, и я поняла, что ты решил прекратить все это. Что ж, дело твое, я не в претензии, у тебя семья и положение, и ты ими дорожишь. Я всего лишь твоя любовница и не имею права ничего ожидать. Но при этом я еще и мать твоего ребенка, на минуточку. Ты можешь забыть обо мне, твое право, но как ты можешь забыть о том, что у тебя растет дочь, которую нужно поддерживать? За полтора года – ни одного звонка, ни одного письма, ни одной копейки! Ни одного вопроса о том, как она, здорова ли. Тебе не стыдно, Витя? У меня хватило гордости и самолюбия не тревожить тебя письмами и звонками, просьбами о помощи и всем прочим. Бросил – значит бросил. И мне по-прежнему ничего не нужно от тебя.

Но твоя дочь растет. И начинает задавать вопросы. Мне нужно знать, что ей отвечать. Что ее папа в длительной командировке, но когда-нибудь обязательно вернется? Или что он умер от страшной болезни, геройски погиб или убит бандитами, поэтому не вернется никогда? Мне все равно, что сказать ей, ты только скажи, что именно, а то получится, что я навру о твоей героической смерти, а ты нарисуешься нежданно-негаданно. Повторяю: нам от тебя ничего больше не нужно, ни твоих денег, ни тебя самого. Только ответ: ты когда-нибудь планируешь появиться в нашей жизни и посмотреть на свою дочь или ты исчез с концами?»

Подписи не было, зато были три прикрепленных файла – три фотографии. На двух изображена очаровательная девочка, на вид лет пяти-шести, ангелочек с белокурыми локонами и огромными синими глазами, на третьей – та же девочка вместе с мамой, эффектной молодой блондинкой. Вот, значит, с кем Виктор Семенович Гнездилов изменял своей верной и преданной жене, которую своей волей лишил всех возможностей выглядеть привлекательно! Затопившая Светлану Дмитриевну ревность не помешала ей, однако, рассмотреть и по достоинству оценить соперницу: ни макияжа, ни надутых губ, ни силиконовой груди, вся красота природная, натуральная.

Виктора нет в живых уже полтора года, а эта дамочка не знает, что он умер, и решила, что любовник банально бросил ее... За полтора года – ни известий, ни денежных переводов. Что еще она могла подумать? Видно, Виктор хорошо законспирировался с этой любовной связью, никому свою блондинистую шлюшку не показывал, ни с кем ее не знакомил, потому и не нашлось ни одного человека, который сообщил бы ей о смерти судьи Гнездилова.

Выходит, Ленечку, законного сыночка, пятнадцатилетнего подростка, без колебаний выгнал, оторвал от семьи и от дома, а приبلудную девчонку признал, пригрел и поддерживал? Очень хорошо!

Светлана Дмитриевна почувствовала непреодолимое желание выпить. Часа через два, когда содержимого в бутылке осталось примерно на сантиметр, пришло облегчение.

Во-первых, если никто из знакомых семьи Гнездиловых не в курсе насчет этой бабешки и ее ребенка, значит, унижительное положение обманутой жены Светлане не угрожает.

Во-вторых, она получила еще одно, последнее и самое сильное доказательство того, что имеет право жить так, как хочет, а не так, как требовал и завещал великий безупречный Виктор Семенович, образец порядочности и моральной чистоты. Ага, знаем мы теперь эту чистоту! До сегодняшнего дня Светлана стеснялась собственных побуждений и старалась подавить в себе разные желания, которые муж не одобрял. Ведь он поступал так, потому что был честным и оберегал свою репутацию, а то, что это постепенно превратилось в диктат и тиранию, так просто характер такой у Вити. Жесткий. Бескомпромиссный. И если после его смерти вдова начнет открыто, у всех на глазах нарушать введенные им правила и запреты, то это будет как-то... Нехорошо, что ли... Неуважение к памяти покойного...

Но сегодня все изменилось. Строгость и принципиальность Виктора

Семеновича Гнездилова оказались лицемерием и двойными стандартами. Все ложь. Все притворство.

И третье, плавно и закономерно вытекавшее из второго: отныне Светлана Дмитриевна имеет полное право не только жить так, как ей хочется, но и ненавидеть своего мужа. Ненависть проснулась в ней не сегодня, нет, это случилось намного раньше, но чувство это было как бы неправильным, незаконным, и Светлана стыдилась его, как стыдилась своих желаний, таких же незаконных и неправильных. Теперь стыд ушел. Исчез раз и навсегда. Ненависть стала полноправной, подняла голову, расправила плечи и сделала глубокий вдох.

* * *

На следующий день Светлана Дмитриевна распечатала на принтере письмо и фотографии, позвонила сыну Виталию и попросила приехать.

– Полюбуйся, – холодно произнесла она, швырнув бумаги на стол. – Вот истинное лицо твоего отца вместе с его безупречной репутацией.

Виталий ошеломленно изучил текст, рассмотрел девочку и ее маму.

– Ты собираешься с этим что-то делать? – осторожно спросил он. – Ответить на письмо? Объясниться?

– Еще чего! – презрительно фыркнула Светлана. – Много чести с ней объясняться. Этой белобрысой шлюшки для меня не существует, хоть кого она там родила, хоть одну дочку, хоть трех. Я показываю тебе это в первый и в последний раз.

С этими словами Светлана Дмитриевна взяла листы, демонстративно медленно разорвала их на мелкие кусочки и выбросила в мусорное ведро.

– Само письмо я тоже удалила и из входящих, и из корзины. Ничего этого не было ни для кого, кроме нас с тобой. Ну еще Лиане расскажи, конечно, она имеет право знать, каким уродом был ее любимый свекор. Больше никто ничего знать не должен. И не вздумай брать в голову всякие глупости насчет того, что у тебя где-то растет единокровная сестра, оставшаяся без помощи и поддержки. Ее шлюшка-мамаша в одиночестве не заскучает, можешь мне поверить, нового папашу для ребенка быстро отыщет. А то знаю я тебя, ты же порядочный, добрый, надумаешь еще...

Виталий помолчал, потом спросил, совсем тихо, едва слышно:

– Мама, а ты зачем мне все это показала? Если ты сама не собираешься ничего предпринимать и не хочешь, чтобы я об этом думал, то и не говорила бы. Ты, надо полагать, чего-то ждешь от меня, какой-то реакции, а

я не понимаю. Так что же тебе нужно на самом деле?

Светлана Дмитриевна вдохнула поглубже, выговорила четко и громко:

– Я буду жить так, как мне нравится. И я не хочу в дальнейшем слышать от тебя никаких замечаний, возражений, поучений и еще чего-то подобного. От твоего отца я за всю свою жизнь наслушалась этого добра достаточно. Хватит. Цена этим поучениям – полгроша, сам видишь. С сегодняшнего дня я сама себе хозяйка. И Лиану предупреди: никаких высказываний не потерплю. Ты меня понял?

– Конечно, – слабо усмехнулся он. – Что ж тут непонятного? Новые тряпки ты уже купила, из горла хлебнула, теперь собираешься вообще пойти вразнос. Счастливого пути!

Ох, как трудно ей всегда было с Виталиком! Светлане потребовалось немало мужества и немного спиртного, чтобы решиться на этот разговор. Но она понимала, что поговорить с сыном надо, иначе не миновать внутрисемейных разборок и нотаций на тему «прилично – неприлично». Ничего этого она не хотела. Она хотела вызывающих нарядов, подчеркивающих хорошие внешние данные. Хотела ощущения собственной привлекательности. Хотела мужского внимания. Хотела всего того, что было у других женщин – и реальных, которых она знала, и книжно-кинематографических, и чего она сама оказалась лишена по воле мужа, который провозглашал моральную чистоплотность, а сам за спиной супруги крутил романы и чуть ли не завел вторую семью. Она хотела свободы и отсутствия контроля, как внешнего, так и внутреннего. С внутренним со вчерашнего дня все было в порядке, оставалось только решить проблему внешнего. Для этого и требовалось объясниться с Виталием.

Всю ночь Светлана Дмитриевна мучительно искала слова. Что сказать? Как сказать? Виновато просить о понимании? Или требовать на правах матери? Виталик – сложный мальчик, умный, скрытный, никогда ей не удавалось угадать, что он думает на самом деле, как поведет себя, что скажет. То ли дело Ленечка! Простой открытый мальчик, хулиганистый, конечно, как все подростки, ветер в голове, но такой понятный, такой теплый...

Виталий ушел, оставив ей смятение, неловкость и нестерпимое желание выпить.

Через неделю Светлана Дмитриевна заявила сыну и снохе, что хочет найти Леню. И уже на следующий день отправилась на первое свидание с мужчиной, с которым познакомилась на специальном сайте. Знакомилась уже давно, месяца три, переписывалась и флиртвала направо и налево, но

на встречу ни с одним из поклонников не могла решиться.

Свидание получилось не особенно удачным: мужчина оказался скучноватым и простоватым, а секс с ним – обыденным и ничем не отличавшимся от того, что происходило у нее когда-то с мужем. Все то же самое. «Ничего, первый блин всегда комом», – успокаивала себя Светлана. Ну в самом деле, было бы странным найти подходящего кавалера с одной попытки.

Она старалась быть осторожной и предусмотрительной, вела с новыми знакомыми обширную переписку, задавала множество самых разных вопросов, чтобы на свидании в реале не оказалось пресно и серо. И все-таки с первым кавалером промахнулась. Вторая встреча поначалу выглядела более обнадеживающей, однако партнер, так интересно рассказывавший о живописи, вдруг как-то очень быстро и безобразно опьянел, и до секса дело не дошло вообще. На третьем свидании выяснилось, что размещенные на сайте фотографии далеко не всегда принадлежат тому, кто приходит на встречу с дамой.

Желающих познакомиться и встретиться с моложавой красивой дамой оказалось в избытке, от обилия предложений, скопившихся за три месяца, у Светланы кружилась голова, свидания назначались ежедневно. Но почему-то каждый раз выходило не то...

Светлана Дмитриевна не теряла надежд, тщательно следила за собой, весь последний год постоянно посещала парикмахера и косметолога, теперь же перед каждым свиданием делала в салоне профессиональный макияж. Отражение в зеркале радовало глаз и заставляло сожалеть об упущенных годах молодости, но и вселяло уверенность, что впереди еще есть немного времени для яркой насыщенной женской жизни. Да, времени этого не так много, поэтому нельзя его терять попусту, нужно использовать оставшееся на полную катушку.

А потом Виталий, придя к ней один, без жены, сказал:

– Не буду врать, я не одобрял твое желание найти Леню, но поскольку ты моя мать, твое желание для меня закон. Тем более ты ясно дала понять, что мое одобрение или неодобрение тебе не интересно.

Сердце Светланы забилось сильнее. Неужели?.. Он нашел Ленечку и готов привести его домой? Или сейчас скажет, что Лени нет в живых? Господи, Господи, пусть она сейчас услышит что-нибудь хорошее!

– Ну? – только и смогла проговорить она пересохшими губами.

– Я нашел его. Он жив и здоров, вполне благополучен. Но он не вернется.

– Как? Почему? – растерянно проговорила Светлана Дмитриевна.

– Не хочет. Он не хочет тебя видеть. Он тебя не простил. И отца не простил.

– Но ты сказал ему, что папа... что папы... что его больше нет?

– Он и так знал. Ему все равно. Тебе придется смириться с тем, что ты ему не нужна. Вы с отцом когда-то отрезали его от себя, он в ответ сделал то же самое.

Светлана Дмитриевна тихонько заплакала.

– Как он? Где живет? Чем занимается? Женился? У него есть детки? Расскажи о нем, – попросила она сквозь непрерывно льющиеся слезы.

– Он живет один. Не в Москве. Достаточно далеко отсюда. Жены нет. Бабы есть. Детей нет. Денег много. Спокоен и благополучен, – сухими рублеными фразами доложил Виталий. – И чтобы ты не изводила себя напрасными сожалениями, скажу то, что вообще-то говорить не собирался: он по уши завязан в криминале, огромные деньги, которыми он ворочает, нажиты преступным путем, и после первого лишения свободы он сидел еще раз за дела, связанные с наркотрафиком. Ты по-прежнему хочешь, чтобы этот человек жил с тобой в одной квартире и называл тебя мамуленькой, как когда-то?

– Уходи, – глухо проговорила Светлана. – Дай мне побыть одной.

– Мама...

– Уходи, – повторила она.

Сгорбившись и волоча ноги, ушла в спальню и закрыла дверь.

Лиана

– Как она отнеслась к этому?

– Расстроилась, – коротко ответил Виталий.

Наверное, это еще мягко сказано. Муж никогда не был особо многословным, и Лиана догадывалась, что известие о Лене убило Светлану Дмитриевну. Столько лет тосковать о младшем сыне – и вдруг услышать, что он не простил родителей, не смягчился, узнав о смерти отца, и не хочет не то что жить с матерью – даже видеть ее. Жестокий удар. А еще и это письмо от любовницы свекра... Давние прочные отношения, внебрачный ребенок. Бедная мама Света!

«А ты? – возразила Лиана сама себе. – Ты не бедная? Мама Света и папа Витя сделали так, как было лучше для них обоих. За всех все решили в угоду своим интересам. Виктор Семенович отчаянно бился за принципы и чистоту репутации, его жена – за мир в семье и за спокойствие старшего сына, лелея при этом собственную преданность мужу. А тебя просто принесли в жертву».

Раньше такие слова в голову Лианы Гнездиловой не приходили. Они стали появляться только тогда, когда она втайне от всех занялась поисками Лени и встретила своего единственного, своего любимого, того, с кем можно было обсуждать это. Оказывается, ей так нужна была возможность сказать вслух правду, которую она не решалась проговорить даже мысленно! Ей нужен был человек, от которого не ждешь ни подвоха, ни упрека, ни удара. Человек, перед которым не стыдно признаваться ни в чем. Даже в нелюбви к своему единственному ребенку.

Теперь она все чаще разговаривала сама с собой, не скрывая от себя собственных мыслей. Чувство было такое, будто из тюрьмы вырвалась! Свобода сперва пьянила, потом стала порождать недоверие, которого Лиана прежде не допускала. Если раньше все, что говорили и делали Виталий и его родители, сомнению не подвергалось, то в последние месяцы по разным причинам непрощено всплывал коварный вопрос: «А так ли это на самом деле?» Она пыталась одергивать себя, убеждать, что мама Света не способна на обман и двуличие, а покойный свекор вообще практически святым был, оба как на ладони, открыты и прозрачны. Полученное Светланой Дмитриевной письмо разрушило сложившийся за долгие годы образ судьи Гнездилова, а реакция самой свекрови на случившееся заметно поколебала уверенность Лианы в том, что мама Света – мягкая,

добросердечная и понимающая, стремится всем помочь и всех защитить.

Эти сомнения, это постоянное недоверие нервировали Лиану. Наверное, она глупая, недалекая, плохо разбирается в людях, не может правильно их понимать, потому что не хватает ума логично и просто объяснить их поступки, вникнуть в их побуждения. Куда проще не поверить. Она раздражалась на себя и в то же время с удивлением обнаруживала, что сомневаться, не верить, не доверять – словно тайком лизнуть мороженое, которым мама запрещает лакомиться из-за слабого горлышка и постоянных ангин. Сладко, вкусно, страшно, что мама узнает и будет ругать, и немножко совестно оттого, что нарушила запрет и «сделала плохое».

Труднее всего было с Виталием. Когда-то влюбившись в него, такого умного, сдержанного, серьезного, Лиана после восемнадцати лет брака, в течение которых она была твердо убеждена, что ей невероятно, просто сказочно повезло в семейной жизни, вдруг начала сомневаться и не верить. Ведь он категорически не хотел искать Леню, так почему же все-таки нашел и даже встретился с ним? С женой он изменения своих намерений не обсуждал, о том, что ищет брата, наводит о нем справки, ни словом не обмолвился. Как они встречались? Где? Если Леня живет не в Москве, значит, либо приезжал в столицу для встречи с Виталием, либо Виталик ездил к нему. Когда ездил? Одним днем обернулся, никто и не узнал, что его не было в городе? Или воспользовался теми днями, когда сама Лиана уезжала якобы к подруге повидаться?

Или вообще все это сплошная ложь и Виталик не изменил своей позиции, не искал Леню и не встречался с ним? Просто солгал матери, чтобы она отстала. Мама Света – овца безответная и покорная, поверит, перепроверять не станет, да и возможностей таких нет, в противном случае она бы сама нашла сына, без Виталика. Или мама Света не такая уж овца? Опять это чертово сомнение!

– Виталик, а ты действительно его нашел? – робко спросила Лиана.

– Конечно, – сухо бросил муж.

Почему-то он не удивился ее словам. Знал, что вопрос правомерен? Или отстранился от жены настолько, что уже давно не считает ее заслуживающей каких бы то ни было эмоций с его стороны? Не сказал, что ищет Леню, не сказал, что нашел, что встречался. Поставил в известность только сегодня, когда по телефону сообщил, что должен съездить к матери один, без Лианы, чтобы поговорить о младшем брате и объяснить, что ее надежды на воссоединение не оправдались. И только вернувшись от Светланы Дмитриевны, соизволил поделиться информацией с Лианой.

И вот теперь эти сомнения, будь они неладны! Если не нашел или даже не пытался найти, значит, лжет. Это плохо. Но если нашел и встречался, то это еще хуже. А вдруг Ленька рассказал ему? Откуда эта сухость Виталика и явное нежелание разговаривать с женой? От попытки скрыть ложь? Или оттого, что он теперь знает правду? Если и знает, то не всю, потому что всей правды не знает даже эта мерзотина Ленечка. Всю правду знает только мама Света, которая ни за что и никому ее не откроет. А если откроет? Если Светлана Дмитриевна Гнездилова совсем не такая, какой ее привыкла видеть и представлять Лиана?

Каменская

Выходила какая-то ерунда. Единственный факт, который уверенно подтвердил бармен из кафе, состоял в том, что Андрей Кислов действительно был постоянным гостем заведения и весь персонал знал его в лицо, а кое-кто даже и по имени.

Дальше начинались пробелы – один больше другого. Чтобы эти пробелы выявить, Роману Дзюбе пришлось проявить недюжинную изобретательность и задействовать множество знаний и умений, полученных отнюдь не в высшем учебном заведении. В результате долгой беседы с барменом Роману удалось-таки связать концы с концами, но полученная картинка выглядела более чем странно.

В четверг, во второй половине дня, ближе к вечеру, в кафе пришел посетитель, что-то съел за столиком, потом уселся за барную стойку, попросил заварить травяного чаю и принялся сокрушаться о трагической смерти Андрюхи.

– Ведь только вчера мы с ним здесь обедали, он мне еще про бабу эту рассказывал, которая его домогается, прямо спасу от нее нет, аж за горло берет, преследует по пятам. Наверное, она его и грохнула, ну а кто ж еще, кроме нее-то?

Бармен не склонен был поддерживать болтовню с посетителем, однако упоминание об убийстве все-таки зацепило. Хоть и не знал он, о каком таком Андрюхе речь, но насильственная смерть – штука страшная, просто так мало кто мимо пройти может.

– Ну как – какой Андрюха? – недоуменно переспросил посетитель. – Кислов же, он сюда почти каждый день ходит, симпатичный такой... Щас, момент, фотку покажу.

Достал телефон, показал фотографию.

– А, ну да, – кивнул бармен. – Знаю его.

И тут же с ужасом спохватился:

– Его что, убили?

– Ну!

– Серьезно? Не гонишь?

– Да зуб даю! Сегодня утром, прямо в квартире. Меня уже менты трясли, мол, о чем мы вчера разговаривали, да в каком он был настроении, да не упоминал ли кого... Ну, короче, ты жди, сюда тоже придут не сегодня завтра, он же здесь постоянно бывал, так что вы тут все потенциальные

свидетели. Не, я-то им все как есть рассказал, Андрюха после встречи с этой бабой сильно нервничал, говорил, что она неадекватная какая-то, сама страшнее атомной войны и старая, а в койку прям так нагло набивается – не отвяжешься. Я, если честно, думал, что он привирает, ну, не так, чтоб привирает, но преувеличивает, так он мне фотку этой бабы скинул, чтобы я сам убедился. Жалко, говорит, что ты на десять минут раньше не пришел, сам бы ее увидел, пока она не свалила, тогда не сомневался бы. Слушай, а ты ее видел?

– Кого? – рассеянно спросил бармен, которому уже хотелось в очередной раз заглянуть в приложение.

– Да бабу, которая с Андрюхой вчера здесь была! Ну, вот эту!

И показал в телефоне еще одну фотографию. Бармен бросил на нее короткий незаинтересованный взгляд. Женщина как женщина. Ну да, не красавица, и не молодая, но ничего такого особенно отталкивающего в ней нет...

Он пожал плечами:

– Не помню. Я не рассматривал.

– Слушай... как тебя... Аркадий? Ты что, вообще в зал не смотришь? Гостей не видишь? И меня тоже не видел вчера? Ну ты даешь вообще! Как ты работаешь-то? Я б на месте хозяина тебя давным-давно уволил. Ты всех посетителей должен в лицо помнить!

– Извините, – пробормотал бармен Аркадий.

Дальше что-то такое происходило, что Аркадий не мог ни осознать, ни пересказать. Посетитель пил свой травяной чай, потом попросил еще один чайничек, на этот раз с молочным улуном, что-то беспрерывно говорил, показывал какие-то фотографии на своем телефоне, при этом не умолкал ни на секунду, даже когда бармен, выполняя другие заказы, наливал кофе, напитки, делал свежевыжатые соки или заваривал чай. «Вот болтун попался», – с досадой думал Аркадий, сожалея, что должен изображать вежливое внимание даже в те свободные минутки, когда можно поинтересоваться спортивными успехами товарищей-соперников. Где-то на периферии сознания то и дело мелькала невесть откуда взявшаяся мысль: «Вот черт! Я ведь действительно ни фиги не вижу и не помню. А вдруг меня и в самом деле уволят за это?»

На сегодняшний день воспоминания о событиях вечера четверга были смутными и скомканными. Но когда в пятницу (Аркадий в тот день работал как раз с утра) пришел участковый и стал спрашивать об Андрее Кислове, у бармена было совершенно отчетливое ощущение, что он прекрасно помнит и самого Кислова, и женщину, которая с ним приходила в среду днем, и то,

что после ее ухода Кислов пил кофе за барной стойкой и с досадой жаловался на даму пенсионного возраста, которая привыкла, что за деньги может получить все, что захочет, в том числе и мужчину намного моложе себя. Все это бармен с чистой совестью поведал сначала участковому, потом оперативникам, а когда те попросили его проехать с ними и дать показания под протокол, то и следователю повторил. Показали фотографию с записи камеры видеонаблюдения – да, опознал без малейших колебаний.

А вот элегантную даму, сидевшую за одним столиком с Романом, бармен Аркадий не узнал. Выходит, не такая уж хорошая у него зрительная память на лица.

– Сработал профессионал высокой квалификации, – подвел итог Дзюба. – И где только такие водятся? Я бы у него поучился.

– Я бы тоже, – вздохнула Настя. – Знала я когда-то одного такого мастера, но пройти у него обучение не хватило ни ума, ни времени. Молодая была, глупая, какие-то другие вещи казались более важными и нужными.

– Так, может, еще не поздно? – с надеждой спросил Роман.

– Поздно. Он умер. Если совсем честно – я дала ему возможность покончить с собой, а не сесть пожизненно, в обмен на показания против высоких чинов. Давно это было, еще при Ельцине. До сих пор не знаю, правильно я тогда поступила или нет. Но суть не в том. Манипулирование сознанием – вещь популярная, литературы – моря разлитые, Интернет пестрит рекламой каких-то курсов, вебинаров, мастер-классов и прочего, но девяносто девять процентов – туфта и профанация, один процент – более или менее годится с натяжкой, а вот специалистов экстра-класса я больше не встречала. Однако ж они, оказывается, живут и даже множатся. Только никого не учат, мастерство не передают, а пользуются им исключительно на пользу собственному карману. Ладно, что об этом говорить... Вернемся к нашим баранам.

– Вернемся, – с готовностью откликнулся Дзюба.

Они давно уже подъехали к Настиному дому, но еще не закончили обсуждение, а подниматься в квартиру Роман отказался: неудобно, поздно, не хочется беспокоить Алексея Михайловича.

– Внешность посетителя?

– Та же самая, что и в рассказе участкового. Особых примет нет, но возраст, рост, комплекция, цвет волос совпадают. Только одежда другая.

– Кто бы сомневался, – хмыкнула Настя. – Наш пострел везде поспел. Умный, гаденьш, сработал с двух сторон: и картинку со словами внушил, и на самооценку надавил, дескать, признаешься, что не видел и не

помнишь, – потеряешь очки в глазах начальства, ибо непрофессионально. Ладно, на вопрос «зачем» нам уже ответил Большой, ответ на вопрос «как» мы с тобой только что получили. Остался последний вопрос.

– Кто?

– Да. Ты и Сташис – лучшие опера на сегодняшний день, все остальные на порядок слабее. Они не смогли бы сами это проверить. Значит, Сорокин и Борзун к кому-то обращались. Не к своим, а к сторонним исполнителям. Вопрос: к кому? Кто берется за такие заказы? Кто имеет в своем арсенале такую информационную базу и таких спецов? Меня выцепили, когда я выходила от родителей, хотя не обращались за сведениями ни к кому из тех, кто знал, где я нахожусь: ни к Лешке, ни к Стасову. Значит, у них есть доступ к геолокации, они меня по телефону отследили.

– Я так думаю, – задумчиво начал Дзюба, – они из наших, из полиции. По крайней мере, хотя бы один полицейский там точно есть. На самом деле, наверняка больше. Смотрите: для того, чтобы подавать документы на продление разрешения на хранение оружия, нужно, чтобы участковый пришел к человеку домой и лично проверил, есть ли оружейный шкаф и какой у него замок. Акт нужно составить и приложить к пакету документов, которые подаются в разрешительную. Но это по закону, а по жизни участковым лень ходить по квартирам, особенно если адрес не рядом с опорным пунктом, и они чаще всего пишут такие акты в опорном же пункте в присутствии владельца оружия, не отходя, так сказать, от кассы. Однако же бывают и вьедливые парни, и не ленивые, редко, конечно, но встречаются. Если попасть на такого, прийти к нему в околоток и начать вякать про акт о соблюдении правил хранения, он ведь, не приведи господь, может поднять задницу со стула и сказать: «Ну пойдём, посмотрим». Участок – не округ, от опорного до любого адреса не убить, как далеко. А вот от окружного управления может оказаться сто верст, и если участкового отловить возле управы, то риск, что он немедленно соберется в адрес, намного ниже. У человека свои планы на рабочий день, назначено что-то, график есть, в общем, гарантия почти стопроцентная, что ехать сей же момент он не захочет. А уж если его упорно просить «назначить время, когда можно подойти на опорный пункт», то можно быть уверенным, что адрес он точно не спросит. Даже если и спросит – назвать не трудно, никаких проблем, границы участка точно определены, называй любую улицу в этих пределах – не ошибешься.

– Ты прав, – согласилась Настя. – Чтобы все эти обстоятельства учесть и так все рассчитать, нужно быть внутри системы. Ну и ладно, я

успокоилась, а то как-то не по себе было при мысли, что я произвела на Кислова такое странное впечатление, и мне хотелось узнать, зачем он про меня все эти гадости наговорил. Выяснили, что ничего подобного он не говорил. Гора с плеч.

– Вы серьезно? – рыжий оперативник изумленно смотрел на Настю.

– Более чем. А что?

– И вам не интересно, кто всю эту комбинацию провернул? Не хочется их вычислить и найти?

– Рома, дорогой, не в той я позиции, чтобы иметь право на такие интересы и желания. Я теперь никто, у меня нет ни возможностей, ни полномочий, ни необходимости. Я не на государственной службе. В данный момент мне платят за то, чтобы я выяснила, почему Кислов отказался от экранизации и является ли он подлинным автором текста. Если не является, то моя задача – найти автора и обеспечить Латыпову надежный договор об уступке прав. Зарплату свою я получу именно за это, а не за разоблачение каких-то деятелей, которые оказывают деликатные услуги нашим правоохранителям.

Она старалась говорить уверенно и насмешливо, но с каждым произнесенным словом настроение портилось все больше и больше. Ей стало обидно и горько, потому что каждое слово было правдой, которую так не хотелось принимать.

Дзюба удрученно молчал. Да и что тут скажешь?

– Спасибо тебе, Ромчик, – устало сказала Настя. – Пойду я.

– Да... Передайте, пожалуйста, Алексею Михайловичу от нас с Дуняшей благодарность. И вам тоже спасибо огромное, Анастасия Павловна. Мы понимаем, что у вас и так нет свободного времени.

– Ты о чем?

– Ну, о свадьбе нашей... Алексей Михайлович звонил на днях, сказал, что он будет в командировке за границей, а вы обязательно придете. Ведь придете? – В его голосе звучала надежда.

– Конечно, – заверила его Настя. – Но будешь должен.

Она внезапно улыбнулась, чувствуя, что горечь и обида немного отступили.

– Слушаю.

– Константин Веденеев, год рождения вокруг восемьдесят пятого плюс-минус, не москвич, но лечился в больнице на улице Приорова в двенадцатом году. Найдешь?

– Да я вам черта лысого найду за то, что на свадьбу придете, – горячо пообещал Дзюба. – Кстати, а к дяде Назару вы собираетесь?

– Обязательно. У меня изобильная светская жизнь в этом году. Все, дружочек, целую страстно, я пошла.

– Счастливо! Как что узнаю – позвоню!

Вадим

Дежурство закончилось. Настроение, испорченное накануне вечером, к утру немного выправилось, бушевавший костер ярости догорел, оставив после себя золу угрюмой злобы. Вадим сдал смену, но домой не ушел, остался. Нужно подсобрать еще информацию о передвижениях Каменской, чтобы составить план. Ночное время для этого не годилось, Каменская из кафе вернулась домой и больше никуда не ездила, а Вадиму нужны были места, где она появляется более или менее систематически. Офис ее конторы – да, это он уже знал, но такое место использовать опасно: рядом могут нарисоваться коллеги-сыщики. Лучше всего какой-нибудь магазин, где она появляется примерно в одно и то же время в пределах полутора-двух часов, это самое простое. Конечно, в крайнем случае можно засечь ее в конторе и потом пропасти до подходящего места... В общем, варианты были. Нужно только забежать в хорошо знакомый кабинетик двумя этажами ниже, забросить «котлетку», чтобы несанкционированная деятельность осталась незамеченной. «Котлетку» на этот раз придется лепить из собственного фарша... Ну да ладно, оно того стоит. Информацией торгуют все без исключения, и всем об этом прекрасно известно. И базы продают на сторону, и левые заказы выполняют, только надо не забывать постоянно подкармливать тех, кто контролирует использование возможностей системы.

На столе у офицера, принявшего смену, зазвонил телефон.

– Нет, еще здесь, – проговорил он в трубку. – Секунду.

Перехватил взгляд Вадима и кивнул:

– Тебя требуют.

Засада... Неужели трудно было сказать, что он сдал дежурство и ушел отдыхать? Сплошные придурки кругом! Небось, начальство с какой-нибудь срочной ерундой сейчас примотается. Но ничего не поделаешь, придется отвечать.

Он встал из-за стола, подошел, взял трубку. Но оказалось, что ищет его вовсе даже не начальство. Точнее, начальство, конечно, но не его, не прямое. Собственная безопасность. Вот это уже плохо. Где он мог проколоться? И работал так, чтобы следов не оставлять, и платил, кому надо, вовремя и строго по таксе.

Вадим быстро забежал в туалет, сполоснул лицо холодной водой, пригладил мокрыми руками волосы. Небритый – это ничего, перебьются,

он после суток, должны понимать. Лифтом пользоваться не стал, поднялся по лестнице, чего там – один этаж всего. Пока шел – вспоминал все, что делал за последние пару недель. На чем его зацепили? За несанкционированный поиск какой информации собираются дрючить? Да нет, не должно быть ничего такого, он старался, всегда работал чисто, и в кабинетике двумя этажами ниже подобную деятельность не только Вадима, но и многих его коллег старательно прикрывали и защищали, кушать-то всем хочется.

Мужиков из службы собственной безопасности все ненавидели, что и понятно. Нигде их не любят. Эти эсбэшники только притворяются, что ратуют за чистоту рядов, а сами делишки свои крутят и даже не особо скрываются. Властью упиваются, издеваются над честными служаками, скользкие какие-то, разговаривают вкрадчиво, начинают с дружеских вопросов о здоровье и успехах на должности, а потом – прямо в лоб какой-нибудь гадостью и мордой в парашу.

Вот и сейчас все идет точно как по писаному: первый вопрос о том, как прошло дежурство, второй – о здоровье стариков. Все знали, что у Вадима на руках бабушка с деменцией и плохо ходящий дед, он никогда не скрывал своих семейных обстоятельств. Но вот дальше разговор пошел совсем уж в неожиданную сторону.

– Ты знаешь, что скоро начнется использование программы по распознаванию лиц?

Вадим пожал плечами. Ну и вопросец! Детский сад какой-то.

– Само собой. Об этом все знают.

– Еще о чем знают?

– Ну... что МВД и ФСБ никак не могут поляну поделить. Пока ребята внизу обкатывают и адаптируют программу и набивают базу, наверху паны собачатся, договариваются, кто и в каких объемах будет новую прогу использовать. А в чем дело-то? Это что, секретная информация? Об этом нельзя разговаривать, а то наказывать будете?

Он с трудом скрыл саркастическую усмешку. Но ответ его озадачил.

– Наказывать не будем. А вот рекомендовать очень даже будем. Без нашего заключения ни одна шавка голову не высунет. Это я тебе на всякий случай напоминаю.

– Так я вроде и не высовываюсь никуда, – растерянно сказал Вадим.

Сотрудник службы собственной безопасности помолчал, скептически разглядывая Вадима. Потом вроде как кивнул, соглашаясь с какими-то своими мыслями.

– Ты толковый работник, это все признают. Тобой очень интересуются,

нужны специалисты твоего уровня для налаживания работы с новой программой. Тебя рассматривают на должность начальника отдела.

Вадим молчал. Начальник отдела – это отличное повышение, прекрасный толчок для дальнейшего карьерного роста. Но бесплатный сыр... В мышеловку очень не хочется. А ведь за такое назначение наверняка придется чем-то расплатиться.

– И мы должны дать заключение по твоей кандидатуре, – спокойно и даже равнодушно продолжал его собеседник.

Так, сейчас он скажет, что Вадим должен сделать, чтобы заключение было положительным. На кого-то наступать? Или кому-то заплатить? Дать какие-то обещания? Или что?

– От меня что-то требуется в этой связи? – спросил он, с досадой понимая, что нервы сдали и голос плохо подчиняется ему.

– Только одно: понимание.

– Понимание чего?

– Своего истинного положения. Давай без дураков, Вадим, ладно? О том, что здесь все торгуют, нам давно известно. Кто кому платит, когда, сколько, за что – никаких секретов тут нет. Оно так устроено, и не нам это ломать. Согласен?

Вадим осторожно кивнул. Спорить глупо. Но и открыто подтвердить правоту «безопасника» тоже не особо умно.

– И ты левачишь точно так же, как и все. Скажем так: ты тоже левачишь, но не так нагло и беспардонно, как остальные. Заметь, я не спрашиваю, прав я или нет, потому что я точно знаю, что прав. Мы тут не слепые, видим, какие у кого машины, какие часы на руках, кто и с какой частотой меняет модели телефонов. Мы даем вам жить, пока вы не зарываетесь и не наглееете или пока не начинаете мешать. Так вот: в тебе видят потенциал, ты можешь стать хорошим организатором и руководителем. Но в свете того, что ты сам сказал о дележе поляны, нужно понимать, что к тебе будет особо пристальное внимание со стороны коллег. Малейший шаг в сторону, малейшее ослабление дисциплины и контроля, малейшее нарушение протокола использования служебной информации – и война за поляну разгорится с новой силой, а ты вылетишь из системы с волчьим билетом и останешься без выслуги. Это понятно?

– Не дурак, – Вадиму удалось усмехнуться, но с огромным усилием.

– У тебя большие старики, на уход и содержание которых нужны немалые деньги, – продолжал «безопасник». – Если тебя назначат, ты этих денег не заработаешь. Поэтому подумай...

Он задумчиво поглядел на наручные часы, что-то прикинул.

– ...до конца дня и скажи, писать мне бумагу на тебя или ты отказываешься, поэтому составлять характеристику нет смысла.

– А если я соглашусь, а меня не назначат?

– Все бывает, – «безопасник» картинно развел руками. – Мы только даем сведения о том, располагаем ли негативной или порочащей информацией на кандидата, а окончательное решение принимает руководство, а не мы. Если ты соглашаешься, то на тебя ничего нет, но при условии, что ты обещаешь вести себя должным образом. Хотя бы первые год-два, пока все не устаканится.

– А если я отказываюсь, то на меня что-то найдется? – зло спросил Вадим.

– Ну, это мы посмотрим, – теперь собеседник не скрывал язвительности и не пытался прикинуться доброжелателем. – Зависит от настроения. И от того, в какой форме и под каким предлогом ты откажешься. Все в твоих руках. Думай. И до конца дня позвони.

Вадим провел на службе еще пару часов, после чего поехал за продуктами и к своим старикам. Посидел у них полчаса, сослался на усталость после бессонной ночи на дежурстве и сказал, что поедет домой отсыпаться. На самом же деле он и не думал ложиться. Какой уж тут сон, когда нужно до конца рабочего дня дать ответ, на обдумывание которого осталось всего четыре часа.

Отказаться от значительного повышения в должности означает сохранить возможность зарабатывать очень неплохие деньги, пусть и не постоянно, а лишь от случая к случаю, по мере поступления заказов. Однако заказов в ближайший год будет много, Вадим нутром чуял, что грядущие перемены в правительстве очень быстро повлекут за собой ротацию кадров повсеместно, от самого верха до самого низа, и все чаще станут требоваться именно такие услуги, какие оказывает их группа. Есть реальный шанс поднять кучу бабла. Но если упустить возможность карьерного рывка сейчас, то он может потом на долгие годы застрять на одном уровне, а там – кто знает, что и как будет... Группа не вечна, она, как и любой бизнес, может рухнуть в один момент. Даже прямо завтра. И с чем Вадим останется? С должностным окладом рядового сотрудника, гордо именуемого «старшим специалистом»? Отказов от повышения не прощают, сразу начинают подозревать, что дело нечисто. В общем-то правильно, человек, если по-нормальному, должен стремиться выше и выше, к новым должностям, званиям, полномочиям и возможностям. Если отказывается, когда предлагают, значит, с нормальностью какая-то беда.

Согласиться на повышение? Это значит выйти из Группы. Без той

информации, которую он добывает, пользуясь своим служебным положением, он шефу и на фиг не сдался. Выход из Группы повлечет за собой снижение доходов. Больше не будет гонораров за выполнение заказов, стало быть, не будет и денег, на которые Вадим и стариков своих обихаживает, и себе ни в чем не отказывает. Ну, допустим, с собой он как-нибудь разберется, не такие уж высокие у него запросы, а со стариками как быть? На какие шиши покупать им продукты в самых дорогих магазинах, возить в частные клиники, оплачивать сиделок? Сколько еще протянут Бабу и папа? Лет пятнадцать-двадцать? Нереально. Хорошо, если десять, но скорее всего – не больше пяти-семи. Ради того, чтобы достойно содержать их в течение следующих двадцати лет, имело бы смысл остаться на нынешней должности и спокойно зарабатывать в Группе: когда старики уйдут, сам Вадим уже приблизится к пенсии, и не будет иметь значения, сделал он карьеру или нет. Но если они проживут всего лет пять, то их внук останется в полном смысле слова у разбитого корыта: пенсия еще далеко, полной выслуги нет, и повышения уже никто не предложит. К тем, кто слишком долго сидит на одном уровне, относятся с недоверием, вполне справедливо полагая, что если прежнее руководство человека не повышало, значит, либо не видело в нем потенциала, либо знает о тайных пороках и мешающих эффективной службе недостатках. Новое руководство тоже рисковать не станет. Почему не увольняли, если знали о пороках и недостатках? А из жалости.

При этой мысли Вадима передернуло, он даже зубами скрипнул, стоило в голове мелькнуть ненавистному слову. Невозможно допустить, чтобы кто-нибудь когда-нибудь подумал о нем такое. Из жалости!

Ни за что. Пусть шеф и дальше целуется в засос со своей Горбызлой, которую он считает самой умной. Пусть попробуют найти спеца вместо Вадима. Посмотрим, что у них выйдет. А он поглядит со стороны, как они без него обойдутся.

Каменская

Она не любила ездить в поездах, впрочем, как и летать на самолетах. Вообще не любила ни командировок, ни путешествий. Разумеется, ездила, когда нужно было, и по работе, и с Лешкой в отпуск, нос не морщила, не отказывалась. Но делала это без удовольствия.

Однако ж к Константину Веденееву ехать все-таки придется, никуда не денешься. Ромчик Дзюба отыскал данные на него уже к середине следующего дня: пациент, лежавший в одной палате с убитым Андреем Кисловым, проживал в областном центре в Нижнем Поволжье. Стасов согласовал вопрос с Латыповым и дал добро на командировку.

– Владик, а можно вместе со мной отправить Зою? – попросила Настя.

– В смысле – не возражаю ли лично я? Или не возражает ли Латыпов?

– Оба. Ты начальник, а Латыпов деньги платит, он должен одобрить расходование средств.

– Я не возражаю. Подозреваю, что наш гениальный продюсер тоже возражать не станет, это ж для него лишний повод пообщаться с предметом своей неземной страсти, проинструктировать перед командировкой, к примеру, или по возвращении истребовать устный отчет. А саму Зою ты спросила? Вроде ты говорила, что для нее важна возможность в будние дни сыну помогать или что-то такое...

– Зою еще не спрашивала, сначала хотела твоего позволения испросить. Что толку с ней разговаривать, если ты не разрешишь в итоге?

– Тоже верно, – согласился Стасов. – Разрешаю, но исключительно из любви к тебе, подруга. Зоя нам всем тут нужна постоянно. Поэтому ты уж спланируй как-нибудь так, чтобы она отсутствовала предельно короткое время.

Предельно короткое! Эк завернул! Расписание движения транспорта существует само по себе, потребностям людей не подчиняется. Настя села за свой стол, включила компьютер и минут через 10 составила план, согласно которому можно выехать поездом из Москвы вечером, рано утром прибыть на место, день посвятить разбирательству с Веденеевым и в 22.45 улететь в столицу самолетом. Вернуться в Москву по железной дороге никак не получалось, не было ни одного поезда, который шел бы в обратном направлении в удобное время. Проверила наличие билетов – свободных мест достаточно. Теперь можно и с Зоей поговорить.

– Даже предположить не могу, зачем я вам нужна, – удивленно

протянула Печерникова, когда Настя озвучила свою неожиданную просьбу.

– Для компании. Понимаете, меня терзает смутное подозрение, что автор книги именно Веденеев, а не Кислов. Если человек с раннего детства живет вдвоем с отцом и в двадцать с чем-то лет пишет книгу, в которой размышляет о том, почему родители могут не любить своих детей, то... Ну, в общем...

Она запнулась, не зная, как выразить мысль, чтобы получилось и точно, и одновременно деликатно.

– Вы думаете, у Константина напряги с отцом, – подсказала Зоя.

– Что-то в этом роде.

– И я... Должна буду этого отца взять на себя и отвлекать, чтобы не влиял на сына, пока вы будете разговаривать, – закончила она. – Понятно.

Настя с облегчением вздохнула. Грубовато, конечно, но в самую точку. Зоя Печерникова оказывала на мужчин поистине магическое воздействие. Обычно вскоре они начинали понимать, что, находясь рядом с Зоей, рассчитывать на какое-то приятное общение невозможно, но первые часы, пока не приходило такое понимание, можно было использовать достаточно продуктивно. Если книгу написал действительно Веденеев, то в присутствии отца ему вряд ли комфортно и удобно будет обсуждать главную тему повести о нелюбви родителей к детям.

– Если вы договоритесь с Веденеевым встретиться на нейтральной территории, не дома, то вряд ли его отец вам помешает, – задумчиво сказала Зоя. – Конечно, это не очень правильно, учитывая его инвалидность и проблемы с ногой, но...

– В том-то и дело, что я не хочу с ним договариваться. Не хочу заранее звонить и объяснять, кто я такая и что мне нужно. Можно было бы вообще по телефону все выяснить и никуда не ехать. Но вы сами видите: ситуация, которая изначально должна была быть крайне простой и незатейливой, вдруг оказалась чрезвычайно запутанной и непонятной, а это означает, что в ней много лжи, в которой нам и придется разбираться. Согласны?

Зоя молча кивнула.

– В таких случаях всегда лучше разговаривать лицом к лицу, это эффективнее. И не нужно, чтобы человек готовился к разговору.

– То есть вы уверены, что застанете Константина дома.

Зоя, по обыкновению, не спрашивала, а констатировала, но в голосе ее звучало сомнение.

– Нет, не уверена, – призналась Настя. – Но очень на это надеюсь. Из того, что вам удалось вытащить из Интернета, можно сделать вывод, что к дальним поездкам Веденеев интереса не питает. Я правильно поняла?

– Кажется, да. Даже в объявлениях он пишет, мол, доставьте свою технику к специалисту. То есть ездить к клиентам он не особо расположен. Насколько я могу судить, он специализируется на телефонах всех видов и мастей, ноутбуках, планшетах, ридерах и прочих гаджетах, которые легко перемещаются. Ясно же, что системный блок никто к нему домой не потащит.

– А... в личной переписке что-то интересное нашлось?

Зоя усмехнулась.

– Не рискнула. Его страницы очень хорошо защищены. То есть хакнуть я, конечно, смогу, только времени потребуется много, и есть опасность оставить следы. Думаю, что вам это не надо. Из того, что открыто и доступно для изучения, можно сделать вывод, что человек любит природу, романы Фаулза и Донны Тартт, рок-музыку нулевых и лекции Комарницкого.

– Комарницкого? – переспросила Настя.

– Психотерапевта, психолога и вообще гуру семейных отношений.

– Не слышала о таком.

– Я тоже. Вот пришлось поинтересоваться для полноты картины. Хорошо, Настя, если вам нужен мой ответ, то – да, я готова поехать с вами. Засиделась я, перемена обстановки и вправду не помешает.

– Спасибо, – от души обрадовалась Настя. – Тогда покупаю билеты. Едем завтра вечером.

– Я думала, едем уже сегодня, – взгляд Зои неожиданно стал лукавым. – Вы же сами все время твердите, что дело срочное.

Конечно, хорошо было бы уехать и сегодня, но беда в том, что авиакомпания выполняет каждый день по два дневных рейса до Москвы и обратно, а вечерний – только два раза в неделю. Завтра рейса не было, а вот послезавтра как раз был.

Заказав, оплатив и распечатав все билеты, Настя с чистой совестью отправилась домой. Погода была сухой и теплой, весь день ярко сияло солнце, и после заката Москва казалась какой-то вневременной: ни листвы, ни снега, ни слякоти, ни жары, ни мороза. Даже сырости в воздухе не было. Непонятно, какое время года, то ли осень, то ли зима, то ли весна. Настя поймала себя на неожиданном желании не то чтобы погулять, а просто походить и подумать. Что-то неладное у нее с настроением после вчерашнего визита в кафе. Или не после визита в кафе, а после разговора с Романом? Что так скребет у нее на душе, не дает покоя?

Дома она быстро приготовила еду, которую оставалось только разогреть, когда придет Чистяков и они соберутся ужинать. Что-то простое

и незамысловатое, что невозможно испортить даже при полном отсутствии кулинарных навыков, а ведь за последние годы Настя все-таки научилась кое-чему. Даже достигла, хоть и не без трудностей, определенных высот в приготовлении диетического питания, когда они с Лешей временно жили с племянником, пока его родители занимались за границей лечением младшей дочери. Во всяком случае, то, что теперь дымилось и шкворчало на сковороде, Настю вполне удовлетворило и видом, и запахом, и вкусом. Она натянула спортивный костюм, сунула ноги в любимые кроссовки, надела куртку, потянулась за сумкой, но передумала. Зачем ей эта обуза на прогулке? Телефон и на всякий случай кошелек – вот и все, что ей нужно. Для этого вполне достаточно небольшой поясной сумки, еще и ключи туда отлично влезут.

Застегнула ремень «набрюшника» поверх куртки, посмотрела на себя в зеркало: кошмар в джунглях. Свободного покроя куртка, будучи перетянутой в талии, выглядела ужасно. Настя расстегнула молнию, перевесила сумку под куртку. Вот так намного приличнее. Хотя животик теперь топорщится, как у беременной. Но все равно это лучше, чем «баба на чайнике».

Она неторопливо шла по улицам и переулкам, не глядя по сторонам и мысленно перебирая события вчерашнего вечера. В какой момент кольнуло? Что не понравилось? От чего испортилось настроение? Разговор с медсестрой Васильчиковой... Нет, здесь все спокойно. Раскладывание вещей? Да, был момент, она успела быстренько расстроиться, но Лешка успокоил ее, объяснил, и никакого эмоционального послевкусия от ситуации не осталось. Поездка в кафе? Пожалуй, нет, было любопытно и насчет участкового, и насчет бармена. Оставался разговор с Дзюбой в машине по пути из кафе домой.

Да, точно, это оно. Искреннее удивление Романа, когда она заявила, что не станет ломать голову над вопросом, кто же это такой умный и ловкий, кто организовал маленькую пакость по запросу Сорокина и Борзуна. Ромке она сказала, что, мол, не в том положении, не в том статусе, у нее нет прав и полномочий, и еще какую-то лабуду прогнала. На самом же деле ей... О господи, надо уже, наконец, сказать самой себе правду и признаться, что ей не хочется. Не интересно. Вот от чего настроение испортилось!

Как же это может быть, чтобы ей, Анастасии Каменской, вдруг перестало быть интересным то, что раньше не давало бы ни пить, ни есть, ни спать ночами, занимало все ее мысли, заставляло бы напряженно думать каждую минуту, каждую секунду, искать объяснения, строить версии,

выдвигать гипотезы и придумывать схемы сбора информации для их проверки? Как? Почему? Ей всегда было по-настоящему интересно и важно только это. Она так любила свою работу в уголовном розыске, так тосковала по ней, когда пришлось выйти в отставку, и даже вот еще совсем недавно унижалась и выпрашивала у Стасова задание, которое хотя бы в минимальной степени напоминало то, чем она с таким упоением занималась двадцать восемь лет. Ну ладно, не двадцать восемь, чуть меньше, если учесть, что первый год она прослужила не в розыске, а в учетной группе. Так что же произошло? Почему вдруг?.. Что с ней случилось?

Наверное, Лешка прав, люди постоянно меняются. И она меняется. Иногда очень быстро. Если ты что-то любил на протяжении многих лет, это не означает, что нельзя поменять приоритеты, заинтересоваться чем-то другим, привнести в свою жизнь новые краски, новые ощущения, новые впечатления.

Зоя... Почему-то мысли все время съезжают к ней. Ну а что Зоя-то? Да, красивая, умная, замкнутая, не любит задавать вопросы, не любит разговоров и пустой болтовни. И что с того? Почему нынешние Настины размышления постоянно утыкаются в рослую зеленоглазую красавицу? Выходит, те изменения, которые сейчас она пытается осознать и обдумать, как-то связаны с Печерниковой?

Не любит пустой болтовни... Не любит задавать вопросы... А что любит? Музыку. Скрипку. Работает в наушниках, слушает Баха. Вот!

Настя вспомнила свое желание «рассказывать музыку». Собственное насмешливое отношение к невесте откуда взявшемуся давным-давно интересу, который вроде как глупый и не имеет права на существование. Ну какая такая музыка, какие там еще сравнения историй, рассказанных разными исполнителями одного и того же произведения, о чем вообще можно говорить, когда кругом полным-полно задач, которые нужно решать, чтобы раскрывать преступления, разоблачать ложь и находить ответы на вопросы! Раньше – ловить преступников, теперь – удовлетворять запросы клиентов. В этом вся ее жизнь.

Была. До недавнего времени. Почему же так страшно признать, что хочется впустить в эту самую жизнь еще что-нибудь, кроме оголтелого интеллектуального соревнования непонятно с кем?

А ведь ей страшно. Вот глупость-то! Страшно констатировать, что работа, которой она посвятила столько лет, может вдруг оказаться не самым главным. Важным, нужным, правильным, но не таким Абсолютом, на алтарь которого необходимо класть все другие желания и потребности. Эти

другие желания вовсе не смехотворны, они не дурацкие, они живые и имеют право на существование. И – да, они могут потеснить Главное дело. Но почему это плохо? Тем более если это происходит не в разгар карьеры, а в жизненных сумерках, на пенсии, уже не ярким днем, но еще не поздним вечером.

«У меня жизненные сумерки, – улыбнулась про себя Настя. – Вот же додумалась! Филологи нервно курят в углу...»

Она вдруг вспомнила, как днем раньше бродила по супермаркету в поисках медсестры Васильчиковой и то и дело пыталась бросить в корзинку что-нибудь вкусненькое. Удержалась, ничего не купила, но ведь так хотелось! Appetit, вес, возможные проблемы с фигурой, будущие траты на обновление гардероба... Да пошло оно все! Вот зайдет по пути домой в магазин и купит коробку пастилы. Нет, две коробки. Или три. Кстати, и зубную пасту нужно купить, и пару упаковок влажных салфеток: в поезде они всегда бывают нужны, а домашние запасы закончились.

Вадим

Ну вот, вы предсказуемы, мадам Каменская. Походила-побродила – и пришла к тому самому супермаркету, который Вадим себе отметил как наиболее часто посещаемый. Скучно с вами, Анастасия Павловна. Даже фантазии негде разгуляться.

Он вошел в магазин через полминуты после Каменской. Она медленно двигалась вдоль стеллажей с шампунями, кремами и прочими товарами «для гигиены и красоты». Нет, это не годится. Подождем.

О, взяла с полки зубную пасту и еще какие-то длинные упаковки типа бумажных носовых платков. Неужели ей больше ничего не надо? Это плохо, придется импровизировать на скользком поле «жена попросила купить», а это в планы Вадима не входило. С женатым молодым человеком такая, как Каменская, в близкий контакт не вступит. Нужно будет очень стараться и придумывать нечто экстраординарное. Вообще-то Вадим всегда считал себя способным к эффективным экспромтам, фантазия работала безотказно, и шеф хвалил его быстрые придумки. Но после вчерашнего разговора появилась некоторая неуверенность. В собственных силах и умениях Вадим не сомневался, осечек у него прежде не бывало, но выходило, что с Каменской его навыки не всегда срабатывают, так что сейчас ему нужно дополнительное время на изучение объекта, чтобы лучше понимать его и подобрать правильные ключи, вот и все.

Он уже начал было лихорадочно продумывать первые фразы, с которыми сможет подкатить к Каменской, пока она что-то выбирает, стоя перед длинными рядами кремов, но та вдруг решительно повернулась и направилась к стеллажам с продуктами. Отлично! Для ситуации с продуктами у Вадима была надежная домашняя заготовка.

Он отлично ориентировался в товарах, потому что постоянно делал закупки для своих стариков, и ночью разбуди – ответит без запинки, у каких продуктов большой выбор, а у каких – нет, каких товаров с десятков разновидностей, каких – два-три, а то и вовсе одна-единственная марка. План заготовлен заранее и имел три подпункта: для стеллажа с консервами и соусами, для бакалеи и для кондитерки.

Каменская медленно продвигалась между рядами, рассеянно поглядывая на выставленные на полках продукты. Такое впечатление, что пришла не за чем-то конкретным, а присматривается и пытается решить, чего же ей хочется. Баба, что с нее возьмешь... На этом вся стратегия

шопинга и построена. Вернее, не самого шопинга, а маркетинга, который заставлял бы людей покупать то, что им в принципе не нужно, но вот внезапно прибило. И ходит теперь такая вот Каменская, смотрит на красивые баночки и пакетики и прикидывает: а чего бы ей такого захотеть, чтобы не получилось, что она понапрасну в магазин пришла, зря время потратила. Вадиму всегда становилось смешно при мысли о том, как легко люди позволяют манипулировать собой, причем всем подряд – и своим близким, и коллегам, и даже этим вот маркетологам, чужим и незнакомым людям, которые сидят в своих креслах за компьютерами и сутками напролет размышляют, как бы поглубже залезть в карман покупателю, заставить его раскошелиться. Как овцы на веревочках, честное слово! Неужели сами не понимают, что ими управляют?

Остановилась, наконец-то! Вадим чуть прибавил шаг, окинул взглядом товар. Каменская задумчиво смотрит на полки с зефиром и пастилой, там выбор обычно невелик, решение будет принято быстро, нужно поторопиться, чтобы не упустить. Он встал примерно в метре от нее, там, где полки уставлены коробками и прозрачными пакетиками с печеньем. Выбор обширный, немудрено растеряться. Каменская взяла в руки упаковку, поднесла к глазам, рассматривает. Пора. Вперед!

– Простите... Вы не подскажете?.. – жалобно заговорил Вадим.

Каменская повернулась к нему, приветливо улыбнулась, посмотрела вопросительно.

– Какое печенье из этих, – он указал на полки, – самое вкусное? Их тут так много, я разобраться не могу.

Каменская пожала плечами:

– Странный вопрос. Вы ищете что-то конкретное и не можете найти?

– В том-то и дело, что я вообще не знаю, что искать, – заторопился Вадим. – В своем районе я хожу в один и тот же маленький магазинчик много лет, там никогда ничего не меняется, и я точно знаю, что мне нужно и где оно лежит. А здесь я впервые. Похоже, у этой сети совсем другие поставщики. Того, к чему я привык, здесь нет, марки и производители незнакомые, и я как-то растерялся. Вот решил спросить, подумал, что если вы где-то рядом живете и постоянно здесь покупаете, то знаете все, можете посоветовать.

Вообще-то насчет «рядом живете» – это он зря, не надо было этих слов произносить. Прокोल. Но вроде ничего, прокатило. Каменская кивнула, подошла поближе, принялась рассматривать многочисленные упаковки с печеньем. Доброжелательная, незнакомцу в помощи не отказала, это хорошо. Вадим включил режим «легкая болтовня», и пока они изучали

ассортимент и разглядывали мелкие надписи с информацией о количестве калорий, сахара и усилителей вкуса, вполне непринужденно успел довести до сведения собеседницы, что какое-то время назад расстался со своей девушкой, в данный момент ни в каких отношениях не состоит и уже более или менее освоил самостоятельное ведение домашнего хозяйства, только пока не очень хорошо запомнил, какой товар чем можно заменять, чтобы получалось максимально близко по вкусу и качеству.

Печенья в этом магазине оказалось действительно очень много.

– Вы неправильно ищете, – сказала Каменская.

– В смысле? А как правильно?

– Вы давно покупаете то печенье, которое так любите?

– Года три, наверное. А что?

– Оно дорогое?

– Нет, одно из самых дешевых.

– Часто покупаете?

– Ну... Раз в месяц примерно. Беру большую упаковку, килограммовую, ее надолго хватает.

– Тогда вы зря пытаетесь найти его на тех полках, которые расположены на уровне ваших глаз. Большие упаковки товара эконом-класса, – она снова улыбнулась, – убирают либо вверх, либо в самый низ, а там, куда покупатели чаще всего смотрят, выставляют или новинки, или бестселлеры категории, или то, что подороже, или то, у чего срок годности истекает.

Вадим сделал вид, что задумался, потом радостно хлопнул в ладони.

– Слушайте, точно! Я же в своем магазине это печенье с верхней полки беру, оно там всегда стоит. Но я как-то привык, что оно там, и даже не задумывался почему. Думал, так надо. А вы в торговле работаете, да?

– Почему непременно в торговле?

– Ну, тонкости всякие такие знаете...

Каменская рассмеялась.

– Эти, извините за выражение, тонкости знают все, в них нет никакого секрета.

Про профессию свою не сказала, значит, познакомиться не торопится. Это жаль, но ничего, еще не вечер. Сделаем еще одну попытку.

– А я технарь, спец по информационным технологиям, в маркетинге совсем не разбираюсь.

Снова мимо. Никакой реакции.

– Давайте нижние полки посмотрим, – предложила она и присела на корточки. Вадиму ничего не оставалось, кроме как присоединиться.

– Вот оно! Вы были правы, внизу спрятано!

Он с торжествующим видом выхватил первую попавшуюся упаковку, легко поднялся и изобразил «любовное прижимание к груди».

– Как хорошо, что я к вам обратился за помощью, иначе никогда в жизни не догадался бы там поискать, – ликовал Вадим.

Больше всего мы расположены к тем людям, которым смогли помочь. Старое правило, но срабатывает в ста процентах случаев. Он продолжал еще что-то радостно приговаривать, пока Каменская поднималась в полный рост. С трудом. Медленно. Морщась от боли. Держась руками за поясницу. Встала, откинула плечи назад, выгибая позвоночник и массируя руками нижнюю часть спины. Свободная куртка натянулась спереди, и Вадим вдруг заметил... О черт! Да она же беременна! Вон пузо торчит, еще пока небольшое, но вполне заметное. Двигается медленно, встает с трудом. Все признаки налицо.

Она перехватила его взгляд, направленный на середину ее туловища, и Вадим не придумал ничего лучше, чем сказать:

– Я вижу, вас можно поздравить? Кого ждете?

Ему показалось, что на лице Каменской мелькнуло какое-то странное выражение. Впрочем, ничего странного: наверное, любая женщина смутится, если незнакомый мужчина вдруг ни с того ни с сего заговорит о ее беременности.

– А что, уже заметно? – ответила она вопросом на вопрос.

– Не очень, но видно, конечно. Мне так неловко, я заставил вас наклоняться, а вам же нельзя, наверное. Простите, бога ради!

Вадим в покаянном жесте прижал к груди руку с зажатой в ней упаковкой печенья.

– Позвольте мне искупить как-то свою вину.

Каменская вздернула брови, помолчала, потом слегка усмехнулась.

– Ну, искупайте. Что предлагаете во искупление?

– Давайте я оплачу ваши покупки.

– Не пойдет. Какие еще есть варианты?

– Тогда я провожу вас, куда скажете, и донесу покупки.

– Их не так много, они мало весят, а живу я недалеко.

– Ну... тогда не знаю...

– Плохо у вас с фантазией, – констатировала она и снова улыбнулась. Чего она улыбается-то все время? Зубы демонстрирует? Ну да, неплохие, ровные, и видно, что свои, не коронки. – Ладно, не надо ничего искупать. Удачи вам, любитель печенья.

Она направилась к кассам. Вадим смотрел ей вслед и видел, как

медленно и осторожно двигается женщина. И почему он сразу не обратил на это внимания? Или сначала она была полегче, пошустрее, а походка изменилась после того, как она просидела несколько минут на корточках? Беременная... Блин, в ее-то годы! У нее же нет детей, значит, ждет первого ребенка. Какой нормальной бабе придет в голову рожать первенца на пороге шестидесятилетия? Бред. Как так могло получиться, чтобы в молодости детей не было, а под старость – здрасьте, приехали?

Вадим смотрел, как Каменская расплачивалась на кассе за покупки, и быстро просчитывал варианты. Допустим, ей повезло, и природа наградила ее затянувшимся периодом фертильности. Вадим, конечно, не медик, но вроде слышал, что такое бывает. Почему не родила намного раньше? Не хотела и предохранялась? А теперь, выходит, захотела? Почему? Потому что ей скучно на пенсии, смысл жизни утрачен, а ребенок придаст этой пресной жизни новый смысл. Логично? Вполне!

Другой вариант: она всегда хотела ребенка, но проблемы были у ее мужа. Есть масса медицинских причин мужского бесплодия. Значит, этот ребенок не от мужа. Цепочка все та же: выход в отставку, скука, желание новых ощущений, новый мужчина. Завела любовника, по привычке не предохранялась, и вот тебе сюрпризик. С мужем, скорее всего, рассталась или вот-вот расстанется. Любовник тоже наверняка бросит, если уже не сделал этого. С работы попрут, как только уйдет в декрет. И с чем она останется? С пенсией и младенцем на руках? Немолодая, некрасивая, материально не обеспеченная мать-одиночка. Никому не нужная. Жалкая.

Жалкая.

Жалкая...

В груди словно звонко взорвался радужный пузырь. Как это, оказывается, приятно, когда можно самому и с полным основанием назвать кого-то жалким!

Вадим быстро подошел к только что освободившейся кассе, положил в круглый пластиковый лоток две сторублевые купюры, и едва кассир просканировала пакет – схватил печенье и бросил:

– Сдачи не надо.

Печенье стоило сто шестьдесят с чем-то, не обеднеет, тут каждая секунда дорога.

Каменская шла по-прежнему медленно, и догнать ее удалось всего в нескольких метрах от двери магазина.

– Все-таки я провожу вас, – сказал он. – Мало ли, вдруг поскользнется.

– Сегодня сухо, – равнодушно бросила она. – И заморозков пока не

было.

– Ну, споткнетесь или еще что. Я же вижу, у вас спина болит, и все из-за меня. Если бы я не приставал со своими просьбами, вы бы... Кстати, меня Вадимом зовут. А вас?

Она остановилась, посмотрела насмешливо.

– Я счастлива.

Интонация показалась ему странной. Не то язвительной, не то укоризненной.

– Счастливы? Потому что ждете ребенка?

– Потому что вас зовут Вадимом. Идите домой, или куда вам там надо было. Не нужно меня провожать, я уже давно взрослая девочка, а по вашим меркам – практически бабушка.

Нет, это не кокетство. Она и вправду не хочет ни знакомства, ни провожаний. Жаль, план был неплох. Но, с другой стороны, что с ней делать, с беременной-то? Конечно, если бы она повелась, можно было бы такую замутку провернуть, так обломать и унижить эту Каменскую, что ей небо с овчинку покажется. Поквитаться с ней и за Вику, и за выволочку от шефа, и за намеки на то, что Горбызла умнее него, Вадима. Беременные – они чувствительные, плаксивые, втоптать в грязь и довести до психологического срыва – раз плюнуть. Только почему-то... Рука не поднимается, что ли... Жалко ее, несчастную, престарелую мать-одиночку. Может, у нее одна радость в жизни осталась – ребеночек, а вдруг она его потеряла бы на нервной почве, когда Вадим ее бросил бы? Конечно, он ненавидит всех теток – ровесниц его мамани, это само собой, и поубивал бы их с огромным удовольствием, но малыш-то при чем? Он не виноват. Пусть родится здоровым. И вообще, пусть родится. Такой грех брать на душу Вадим готов не был.

Каменская

– Леш, я, наверное, никогда окончательно не повзрелею, – весело сказала Настя за ужином. – Елки-палки, мне уже до фига лет, а я все еще хулиганю, как подросток. Самой стыдно.

История с поясной сумкой и выпирающим животом изрядно позабавила Чистякова.

– Могу себе представить, что этот парень о тебе подумал.

– Ну а что такого? Он мог решить, что мне лет сорок, но я очень плохо выгляжу для своих лет, вот прям на все шестьдесят.

– Симпатичный хоть?

– На мой вкус – даже очень.

– Так, может, ты зря его отшила? Был бы у тебя молодой поклонник, чем плохо-то?

– А зачем он мне? – удивилась Настя.

– Затем, что ты в молодости не наигралась в ухаживания. Как взялась в пятнадцать лет меня приручать и организовывать, так и мужиков вокруг себя не видела. Каждая девочка хочет побыть принцессой, только это должно происходить вовремя, понимаешь? С младенчества и до свадьбы. Свадьба – последний день, когда ты носишь длинное пышное платье, а вокруг тебя все подпрыгивают, машут руками и отдают лучшие кусочки. Потом – все, принцесса становится королевой со всеми вытекающими последствиями, включая обязательные мероприятия, ответственность и дресс-код. А ты королевскую корону в раннем детстве как напялила – так и не снимаешь. Ты вспомни, наша классная тебя постоянно нам в пример ставила, мол, Настя самая ответственная из нас, самая серьезная, самая взрослая. Ты ребенком-то побыла хотя бы месяц в своей жизни?

– Думаешь, из меня теперь то и дело лезет не наигравшийся ребенок, потому я и валяю дурака? – спросила она задумчиво.

В словах мужа было много правды. И звучали они вполне логично. Пенсионерка-хулиганка, эдакая Старуха Шапокляк. Совсем недавно они с Лешкой уже говорили на тему о том, что в жизни все должно быть вовремя, потому что то, что должно происходить, так или иначе произойдет. Только если оно происходит в правильном возрасте, то выглядит естественно и мило, даже красиво, а если поторопиться или опоздать, то получается сплошное уродство. Пятилетняя девочка, накрашившая веки и губы, выглядит отвратительно, хотя в двадцать пять это

может быть потрясающе красиво. А все оттого, что не вовремя. Наверное, дурацкие поступки, совершаемые в пятьдесят девять лет, тоже выглядят не очень. Но так хочется порой отмочить что-нибудь хулиганское, повести себя так, будто тебе семнадцать! Чистяков прав: не сделанное или не пережитое вовремя все равно догонит рано или поздно.

Ну и ладно. Она не на государевой службе, никому ничего не должна. И будет валять дурака столько, сколько захочет. Даже если кому-то ее поведение покажется странным, глупым или смешным. Задавленный учебой и науками, не наигравшийся подросток имеет точно такое же право на существование, как и полковник милиции в отставке.

Андрей Кислов

Кислов всегда жил легко. Даже если было трудно – все равно легко. Не склонный ни к излишней рефлексии, ни к долгосрочному планированию, он без малейших сожалений расставался с деньгами, когда они были, и столь же беззаботно переходил на режим, который называл режимом «ЗД», что означало «Затворничество и «Доширак». Приятелям, которые в «режимные» времена пытались вытащить его на какую-нибудь тусовку в клуб, отвечал честно и весело:

– Давайте без меня, у меня «ЗД», проще говоря – я опять в глубокой заднице и с пустыми карманами.

Если работа получалась отлично и за нее хорошо платили, Андрей тратил деньги, не считая и не жалея, угощал, давал в долг, делал подарки. Если вдохновение коварно и незаметно покидало его и сценарий не принимали, сидел на пустой гречке и лапше «Доширак», ибо предыдущий гонорар был уже истрачен, а новый не получен.

История с книгой Костика случилась давно. Тогда Костику было двадцать восемь, а самому Андрею – двадцать шесть. Что он понимал в том возрасте? Пацан! Сегодня он взялся бы за раскрутку товарища совсем другим путем, не так глупо и топорно. Бездарно, одним словом. Своими тупыми действиями загубил всю идею. Книги, которые удалось пристроить на реализацию, продавались совсем плохо, никто неизвестным автором не интересовался, потому как и хорошо известных более чем достаточно, и какой дурак станет покупать непонятно что, если за ту же цену можно приобрести проверенное и заранее понятно какое. Не дождался Кислов ни славы, ни признания, ни гонораров для Костика.

За эти шесть лет Андрей успел жениться и развестись, чуть было не женился во второй раз, но все-таки передумал, заработал и благополучно истратил кучу денег, однако не растерял энергичности, доброты, любви к людям, готовности помогать всем и каждому и позитивного взгляда на жизнь. Слова про старухину клюку он запомнил и выводы сделал. С того времени каждый раз, получив очередное вознаграждение за принятый сценарий праздника или элитной вечеринки, он первым делом оглядывался и произносил волшебные слова:

– Какое бы доброе дело сделать?

Находил. Делал. Радовался, когда все складывалось удачно. Испытывал эмоциональный подъем, за которым неизменно следовал

подъем интеллектуальный. Писал сценарий. Сдавал. Получал деньги. Или не получал, если результат очередного «доброе дело» наступал не сразу и не было повода порадоваться. Случалось, что результат не наступал вообще. Всякое бывает в жизни, Андрей Кислов относился к этому философски, если огорчался, то ненадолго, а впадать в отчаяние и вовсе не умел. Когда деньги заканчивались, включался режим «ЗД». Если же деньги заканчивались совсем, то есть окончательно, и их не хватало даже на гречку и лапшу, искал мелкие, несложные и крайне дешевые заказы, которые можно было выполнить быстро и без напряжения. В конце концов наступал день, когда в фирму обращался сто́ящий клиент, готовый хорошо платить за организацию личного или корпоративного праздника, Андрей получал новый заказ... Хорошо, если к моменту получения заказа было чему порадоваться. Дело ведь не всегда в рублях, очень часто помощь можно оказать и без финансовых вливаний, вкладывая физические силы, время, энергию, душу, мозги. Можно даже позвонить в квартиру к соседям, молодой паре с четырехлетним ребенком, и заявить:

– Ребята, а хотите, я увезу вашего сына на неделю за город, на дачу к моим родителям, а вы отдохнете, выпитесь, побудете вдвоем и на все забьете? Или даже съездите куда-нибудь за границу, погуляете, посмотрите на красивое.

Чем не помощь? Чем не доброе дело? Бабушки-дедушки-тетушки, готовые сидеть с капризным визгливым малышом, есть не у всех, и средствами на няню тоже не все располагают, так что подобное предложение порой может оказаться весьма кстати. А можно позвонить в другую квартиру, где живет одинокая пенсионерка, и сказать, что Андрей готов заняться ее здоровьем, организовать если не полное обследование, то хотя бы диспансеризацию в поликлинике, до которой старой женщине самой уже давно не добраться. Он все организует, отвезет, сопровождает, поможет, привезет назад, если нужно – оплатит какие-то анализы или исследования. Какая разница, в чем состоит помощь и кому оказывается? Главное – увидеть радость в глазах другого человека и услышать от него слова благодарности, означающие, что усилия Кислова не пропали даром, принесли свои плоды. Тогда приходило вдохновение.

И так по кругу.

Но ничто, как известно, не стоит на месте. Было бы глупо рассчитывать, что придуманный Кисловым «личный подход» останется его эксклюзивом. Идею раскусили и начали использовать в других фирмах. Как это обычно и бывает, использовали поверхностно, ибо все хотят удовлетворить клиента и сделать его постоянным потребителем

услуг, но никто не хочет вкладывать в это адекватные усилия.

Рыбин нервничал, злился и пытался удержать эксклюзивность в своем агентстве.

– Их слабое место – непроработанность материала, они выкопают два-три факта, вставят в текст ведущего, придумают пару строчек для песни, и народ уже доволен. Они идут проторенной дорожкой, сперли все твои идеи для конкурсов и используют по шаблону, только чуть-чуть меняют тематику соответственно моменту. И репризы твои все в ход пошли, они только слова местами переставляют. Минимум напряжения – максимум профита. Для выпускного вечера студентов какого-нибудь колледжа, может, и сгодится, а для по-настоящему денежного клиента такой крючок не прокатит, он не поймается. Круг денежных мешков огромный, но в то же время тесный, они постоянно друг с другом общаются, все в одной куче тусуются, и если какой-нибудь председатель правления устроит себе пышный юбилей и будет радоваться тому, как много внимания уделено его уникальной личности, а через неделю его пригласят на свадьбу другого председателя другого правления, и он услышит там все то же самое, те же тексты и те же конкурсы, обратится он к нам еще раз? Порекомендует нас в своем кругу? Да никогда в жизни! Мы должны усилить именно это направление. Нас спасут только оригинальность и полная персонализация каждого мероприятия.

Он уговаривал Кислова набрать и возглавить группу, которая будет собирать фактуру и писать основу, Андрею же останется только креативная часть: текст для ведущего, репризы для артистов, стихи для песен, конкурсы. Кислов сперва согласился, но первый же опыт закончился блистательным провалом. Для того чтобы руководить даже маленькой группой, нужно уметь ставить цели, определять задачи, планировать, составлять график и следить за его соблюдением, распределять задания, требовать, ругать, в конце концов! Ничего этого Андрей Кислов не умел. При всей легкости характера он был все-таки природным одиночкой, способным отвечать только за себя самого. Талант творца не сочетался в нем с талантом управленца.

Творил он все медленнее, и теперь ему требовалось уже два-три месяца на ту работу, которую прежде он мог выполнить за месяц. Рыбин жестко бранил за явные повторы и самоцитирование, а разве легко придумать что-то новое, когда за плечами десятки написанных текстов? Каждая новинка давалась все с бо́льшим и бо́льшим трудом, а Рыбин, подстегиваемый появлением новых клиентов, делался все строже и придирчивее. Депутаты, сенаторы, министры, банкиры, председатели чего

угодно и прочая пафосная публика, прежде пользовавшаяся услугами «Ювенала», понемногу перемещалась к Рыбину, но процесс шел крайне медленно, и ни в коем случае нельзя было допустить ни единой промашки, чтобы не рухнуло достигнутое с таким трудом. Если раньше Кислов получал шесть-семь гонораров в год, и хорошо, если хотя бы один из них был действительно большим, то теперь зарабатывал не более чем на три денежных поступления. По-прежнему неунывающий, он быстро и широко растрчивал деньги и без проблем переходил на режим «ЗД». Попытка создать семью рухнула из-за того, что с Андреем невозможно было ничего запланировать и ни о чем договориться заранее: накануне отъезда в отпуск он мог вдруг схватиться за очередное задание, полученное еще две недели назад, только потому, что ему вдруг показалось, что он нашел ключевую фразу или придумал новую идею. В аэропорту, в самолете, на пляже, в отеле он сидел, уткнувшись в ноутбук, не ездил на экскурсии, отказывался идти в ресторан, заказывая еду в номер, и не обращал на молодую жену ни малейшего внимания. О том, чтобы подкопить денег на что-нибудь нужное, например, на новую машину, новую мебель или одежду, даже речь идти не могла, ибо копить Кислов не умел в принципе, он умел только либо тратить и шиковать либо жить в режиме «ЗД». Ну, и еще создавать сценарии умел, этого не отнять. Какой жене такое понравится?

Он был вполне доволен своей жизнью, занимался тем, что любил и умел, спокойно относясь к непостоянству доходов, вступал в недолгосрочные и необременительные отношения с хорошенькими девушками. И только одно опасение грызло и отравляло его безмятежное существование: а вдруг он, Андрей Кислов, уже достиг верхнего предела собственных возможностей? Вдруг он больше не сможет придумать ничего нового и оригинального? Вдруг пик творческих способностей остался далеко позади, и теперь единственная лежащая перед ним дорожка ведет вниз, к самому подножию высокого холма, а потом и в глубину оврага? В какой-то не то книге, не то статье он читал, что расцвет интеллектуальных сил у мужчин приходится на возраст 27 лет, а дальше уже идет постепенный спад. Если это действительно так, то очень скоро Рыбин убедится, что Андрей выработался и выгорел, найдет и зажжет на небосклоне другую звездочку, а на долю Кислова останутся шаблонные дешевенькие поделки для самых невзыскательных клиентов и, скорее всего, уже в другом агентстве, поменьше и попроще. Да, фирмешка Рыбина приподнялась благодаря Андрею, но разве прошлые заслуги являются гарантией спокойного и сытого будущего? Может, где-то и являются, но не в этой стране и не в этой жизни.

Каменская

В спальном вагоне было душновато, но проводница пообещала, что кондиционер заработает, как только состав придет в движение. Сумку с туалетными принадлежностями, сменой белья и прочими мелочами Настя засунула под полку, попросила проводницу запереть купе и вышла на перрон. Как обычно, приехала на вокзал минут за десять до начала посадки и в вагон вошла первой. Чистяков всегда насмешничал, говорил, что у нее патологический страх опоздать. До отправления еще сорок минут, которые можно было бы провести как-нибудь более интересно, а не болтаться взад-вперед по перрону с риском наткнуться на пассажира или налететь на чей-нибудь чемодан. «Ну и ладно», – подумала она и отметила, что в последнее время все чаще мысленно употребляет эти слова. Что бы это значило? Несерьезно звучит, не по-взрослому. Опять подросток из чуланчика высунулся и рожи корчит?

Зою она увидела издали. Рядом с ней шел импозантный седой мужчина, хорошо постриженный, в коротком расстегнутом темно-сером пальто, по виду – очень дорогое. Заметив Настю, Зоя остановилась, обменялась со своим спутником несколькими словами, потом они обнялись и поцеловались. Насколько Настя смогла уловить с расстояния метров в тридцать-сорок, целовались они довольно пылко. Правда, Печерниковой пришлось при этом слегка нагнуть голову. Совсем немного, потому что мужчина был, конечно, высоким, но все же не настолько, чтобы его даме, как в голливудских фильмах, можно было запрокидывать лицо вверх.

– Прячете кавалера? – с улыбкой спросила Настя, когда Зоя подошла к вагону.

– Он сам прячется.

– Что так? Он страшный убийца и находится в розыске? – пошутила Настя.

– Намного хуже. Он – психотерапевт. Так выматывается с пациентами, что вне работы каждое лишнее слово для него становится адским трудом. Если бы он подошел, пришлось бы вас знакомить, поддерживать какую-то беседу.

– Понятно.

Печерникова протянула проводнице паспорт и с полной невозмутимостью выдержала изумленный и даже несколько испуганный взгляд: проводница была миниатюрной, немногим выше полутора метров.

В купе Зоя первым делом вытащила из сумки и поставила на стол пакет с печеньем собственного изготовления.

– Печенье меня просто преследует последнее время, – засмеялась Настя. – Это такое же, как вы в офис приносили?

– Другое. Не люблю однообразия.

Следующим извлеченным из сумки предметом оказалась тоненькая пластиковая папка, которую Зоя протянула Насте.

– На всякий случай распечатала для вас, вдруг захотите ознакомиться.

– Что это?

– Цитаты из Комарницкого, которые постил наш Веденеев. На мой взгляд, довольно показательно. Я еще на форум Комарницкого зашла, почитала, посмотрела, в каких дискуссиях участвовал Веденеев и что писал. Пришлось повозиться, выбирать комменты, чтобы вам все подряд не читать.

– Зоя, вы бесценны! – искренне воскликнула Настя.

– Вы уже говорили, я не забыла.

– А... – Настя запнулась. Сейчас она ползет грязными ногами на чужую территорию. – Еще кто-нибудь говорил вам это?

Зоя молча пожала плечами:

– Сын как-то пару раз говорил. И его жена тоже. Но она – чаще, не хочу быть несправедливой.

Опять «жена сына». Не невестка, не сноха, не по имени. Это такой таракан в голове у Зои? Или в семье действительно есть проблемы?

– И все? – удивилась Настя. – А ваш психотерапевт? Неужели не понимает, какое вы сокровище?

– Понимает, наверное. Но мы это не обсуждаем. Мы вообще мало разговариваем. Он устает сильно, а я просто не люблю.

– Простите, если я нарушаю границы, но хочу спросить: вы давно вместе?

– Четыре года. И сейчас вы скажете, что не видите смысла в таких отношениях, если мы и не женимся, и не разговариваем. Мы даже не живем вместе, у каждого своя квартира.

– А если я так скажу – вы мне ответите?

Зоя слабо улыбнулась и покачала головой.

– Наверное, нет. Не потому, что не хочу отвечать, а потому, что не знаю. Мы не мешаем друг другу и не раздражаем друг друга. У меня сын и внуки, у него за спиной два брака и взрослая дочь. Разводы не скандальные и не грязные, с бывшими женами отношения достойные. Говорю это просто потому, что вы наверняка об этом тоже хотите спросить. Он умный

и порядочный человек, но с ним жить невозможно, он невыносим.

– Невозможно? Даже вам?

– Мне отлично. Я вполне могла бы с ним ужиться, если бы захотела. Но я не хочу. Мне это не нужно. Мы с ним одинаковые. Молчаливые, замкнутые, не любим, когда нас трогают. В общем, классические одиночки. Со мной тоже невозможно ужиться, я это понимаю. Один попробовал – быстро сбежал. Я еще более невыносима, чем мой друг.

Настя не успела отреагировать ответной репликой, потому что позвонил Стасов.

– Все в порядке?

– Конечно, – недоуменно ответила она. – А что должно было случиться?

– Вы уже едете?

– Пока нет, но сейчас поедem. Все живы-здоровы, никто не опоздал, сидим с Зоей в купе. Ты чего звонишь-то?

– Проявляю начальственную прыть, – Стасов коротко хохотнул. – Ладно, девочки, легкой вам дороги.

Поезд тронулся так мягко, что Настя в первый момент даже не заметила. Она раскрыла папку и начала читать, а Зоя вставила наушники, включила музыку в телефоне, подложила под спину подушку и сидела, подтянув колени к груди и прикрыв глаза. Похоже, Константина Веденеева интересовали многие вопросы, связанные с взаимоотношениями в семье, но активнее всего он включался в обсуждение, когда речь шла либо о любви-нелюбви родителей к детям, либо об информационном обмене между близкими людьми. Что скрывать можно, что нужно, а что нельзя? Соккрытие или недоговоренности – результат недоверия или обостренной потребности в охране своего личного пространства? Или же это попытка сохранить душевный покой другого человека? Если автором книги является все-таки не Андрей Кислов, а Веденеев, то на вопросы, которые волновали его шесть-семь лет назад, он, судя по всему, так и не получил удовлетворительных ответов.

Минут через пятнадцать проводница принесла чай, и, к изумлению Насти, за спиной миниатюрной девушки возникла до боли знакомая мужская фигура. Латыпов. Ну, кто бы сомневался.

– О господи, – невольно вырвалось у нее. – Buonasera, signor Baldacci!

– Про добрый вечер и синьора я понял, а почему Балдаччи? – весело и как ни в чем не бывало поинтересовался Латыпов, стоя на пороге купе.

– Потому что «Абсолютная власть» и «Тотальный контроль», – сердито ответила Настя.

Значит, вот зачем звонил Стасов: хотел выяснить, появился в их поле зрения настырный Николай Маратович или еще нет. Вероятно, получив от руководителя агентства запрос на оплату командировочных расходов для двух человек, один из которых – рослая зеленоглазая красавица Печерникова, продюсер решил присоединиться и даже выведал у Стасова номер поезда и вагона. Впрочем, с номером вагона можно было не заморачиваться, в составе только один СВ. Наверное, на завтрашний вечерний рейс тоже билетиком запасся. Целые сутки провести в обществе женщины, которая ему безумно нравится, и при этом иметь возможность держать руку на пульсе расследования – это ли не мечта Латыпова?

Она протянула руку и тронула Зою за колено. Та открыла глаза, увидела гостя и уставилась на него немигающим взглядом. Взяла со столика телефон, выключила музыку, вытащила наушники. И ничего не сказала, не спросила, не удивилась, только смотрела без всякого выражения. Настя снова восхитилась ее выдержкой. Вот бы ей тоже так уметь! И тут же вспомнился трехчасовой допрос в минувшую пятницу. «Чего ты прибедняешься? – строго сказала она себе. – Ты тоже кое-что можешь».

– Зоенька, мое почтение, – лучезарно улыбнулся ей Латыпов. – Что слушаете?

– Уже ничего.

Прозвучало это вполне миролюбиво, хотя по сути было не больно-то вежливым.

– Я вам помешал? Вижу, и Анастасия...

– Павловна, – быстро вставила Настя, чтобы не дать продюсеру думать, что теперь уже и панибратство допустимо. Если к Зое можно обращаться по имени, то почему к Каменской нельзя? С такими контролерами, как Николай Маратович, дистанцию нельзя сокращать ни на миллиметр.

– ...Анастасия Павловна с документами работает. Минутку.

Он выглянул в коридор и громко произнес:

– Оксаночка, можно мне тоже чайку в это купе?

Уже и с проводницей признакомился, и чай с ними пить собрался. Куда ж от тебя деваться, вездесущий ты наш? И конфликтовать с тобой нельзя, ты заказчик, ты деньги платишь.

Настя вздохнула и с неохотой сложила листы в папку.

Вадим

Ответ он дал еще вчера, как и требовал сотрудник службы внутренней безопасности. Понятно, что ничего еще не решено, и от согласия Вадима мало что зависит, на должность начальника нового отдела могут назначить кого угодно, поэтому никому ничего говорить пока не нужно. Рано еще.

Сегодня вечером шеф опять собрал не всю группу, а только Вадима и Алену Валерьевну, Горбызлу ненавистную. Впрочем, ненавистной она стала совсем недавно, буквально пару дней назад, когда шеф так явно выразил недоверие к способностям Вадима, а до этого пребывала в статусе никому не нужной неудачницы. Наверное, намечается новый сверхсекретный заказ.

Но Вадим не угадал: разговор пошел все о том же старом заказе, о котором нельзя было никому рассказывать.

– Какова степень готовности? – строго спросил шеф. – Алена Валерьевна?

– Все документы сделаны, работа проведена, выдержат любую проверку.

– Любую? – зачем-то уточнил шеф.

– Да, в рамках обычного. Разумеется, для правоохранительных структур и спецслужб они не годятся, но для всего остального подойдут.

Горбызла, как всегда, говорила тихо и сидела, втянув голову в плечи. Интересно, что будет, когда она облажается по-крупному? До сих пор у шефа не было к ней претензий, но даже при таком благоприятном раскладе она постоянно боится допустить ошибку. Не уверена в себе, хотя вроде оснований для этого нет никаких. А вот когда основание появится – тогда, наверное, вообще настанет полный караул.

– Прекрасно. Вадим?

– Полный комплект. Фото, видео, скрины переписок. Все хранится на анонимных страницах, ждет своего часа. Как только поступит команда – сразу все выбросим и взорвем Интернет.

– Надеюсь, все достаточно выразительное? Никаких двойных толкований?

– Все прозрачно, как слеза младенца, – заверил Вадим.

Его взгляд упал на блюдо с ванильными булочками, и почему-то страшно захотелось есть. Он протянул руку к блюду и вопросительно посмотрел на шефа.

– Можно?

– Что ты спрашиваешь? Это для всех. Алена Валерьевна, угощайтесь.

– Благодарю, – почти прошептала Горбызла, не поднимая глаз от лежащих на столе бумаг. Булочку, конечно, не взяла, она никогда не берет, не то шефа стесняется, не то растолстеть боится. Можно подумать, ее фигура когда-нибудь кого-нибудь волновала. На какого такого принца она надеется, если так себя блюдет? Смешно!

Вечно она делает вид, что читает документы или ведет записи, а на самом деле просто избегает поднимать голову и смотреть в лицо начальству. Пора тебе облажаться, Горбызла, давно пора, уж больно ты безупречна.

Вадим взял булочку, ощутив под пальцами хрустящую корочку и податливую мякоть. Сейчас откусит, прожует, запьет глотком хорошего кофе – как же ему будет вкусно! И можно начинать мечтать о том, как растеряется шеф, когда Вадим покинет благословенную приносящую доход Группу. Сначала растеряется, потом начнет искать специалиста на замену, долго не сможет найти, потом найдет, а новичок окажется или бестолковым, или неумелым, или вообще болтливым попугаем. Провалы заказов пойдут один за другим, а там и вся Группа прикажет долго жить. Хорошо-то как! Никому не позволено орать на Вадима и обвинять в некомпетентности. И уж тем более никому не позволено утверждать, что без кураторства Горбызлы он – никто.

Правда, его еще не назначили. И не факт, что назначат. Но почему не помечтать о прекрасном?

Настроение скакнуло вверх. Вадим с удовольствием прожевал первый кусок и небрежно произнес:

– Так когда начинаем? Все готово давно. Сколько можно на низком старте стоять? Насколько я помню, вы говорили, что последний транш оплаты заказчик переведет, когда все состоится. Новый год скоро, потом каникулы, так что насчет бабок хотелось бы понимать поконкретнее.

– До Нового года больше месяца, – сухо ответил шеф. – И я предупреждал: сроки исполнения указывает заказчик. Не «по готовности», как ты привык, а именно тогда, когда он укажет.

– Ну и когда он укажет? – не унимался Вадим. – Через год? Через пять лет? Прделана огромная подготовительная работа, а в результате мы должны ждать, когда у заказчика жареный петух яйца снесет? Вы сами-то знаете? Или вас тоже за болвана держат?

Он упивался собственной отвагой, позволяя себе в разговоре с шефом подобный тон. А чего ему бояться? Если его назначат на должность – он

тут же уйдет из Группы, и шеф ему не страшен, а если не назначат – придумает, как элегантно подставить Горбызлу, чтобы она утратила доверие и потеснилась, освободив для Вадима место правой руки шефа. Элементарно же.

Сегодня он ничего не боялся. Если назначение состоится, то не раньше, чем через два-три месяца, а то и дольше ждать придется, а за это время заказчик сто пудов подаст сигнал, и через неделю-другую после этого можно ждать последний транш. Огромный. У Вадима две предыдущие оплаты лежат нетронутыми, молодец, что не истратил ни копейки, как чувствовал, что пригодится. Финальную часть гонорара обещали в разы выше, чем две первые вместе взятые. Денег у этого заказчика, видать, до фига и больше. Так что накопленных средств при разумном и бережливом расходовании хватит надолго, папа и Бабу ни в чем не будут нуждаться. Так чего ему бояться?

– Я что, похож на человека, которого можно держать за болвана?

Голос у шефа ровный, но в нем слышны неудовольствие и предостережение, мол, аккуратнее, выбирай выражения. Выходит, шеф знает о сроках. Знает, но не говорит. Или просто делает вид, что он весь из себя такой крученный-верченный и для него нет тайн в этой жизни. Именно чтобы болванчиком не выгладеть.

И вдруг Вадим перехватил взгляд, брошенный шефом на Горбызлу. Быстрый, невольный, нежеланный.

Внутри похолодело. Он мгновенно все понял. Горбызла тоже знает о сроках. Она – доверенное лицо, правая рука. Они оба в курсе. Не знает только Вадим.

Он – никто. С ним можно не считаться. От него можно скрывать информацию. Вот, значит, как... Ну что ж, они сами подписали свой приговор. Так тому и быть.

– Что у нас с Каменской? – Шеф переменял тему так внезапно, что Вадим даже в первый момент не понял суть вопроса.

При чем тут Каменская, если речь только что шла о том большом сверхсекретном заказе, к которому Каменская вообще никаким боком не прислонялась? Но во второй момент Вадим подумал, что это мелкая месть шефа за слова о болване. Эдакое незатейливое напоминание о проколе с кафе. Мол, думай о последствиях, когда разеваешь пасть на вышестоящих. Наверное, шеф уверен, что Вадим сейчас начнет бляеть и мяться, и устроит второй акт унижительного разноса, но на этот раз не по телефону, один на один, а при Горбызле. Ничего у него не выйдет, подстраховочка имеется.

– После визита в кафе Каменская никаких настораживающих

телодвижений не делала, занимается своей прямой работой, взяла билеты на поезд, едет в командировку.

– Одна?

– С адреса агентства оплачены два билета на поезд и два билета на самолет. Каменская и Печерникова.

– Кто такая? – шеф чуть приподнял брови.

– Сотрудница их агентства.

– И все? Только эти две дамы?

Ах ты боже ж мой, сколько уточнений! Словно Вадим – не давний проверенный сотрудник и, на минуточку, офицер, а первоклашка на уроке. Недоверие выражает, хочет при Горбызле унизить. Сволочь.

Вадим молча включил айпад, вывел на экран скриншот, который сделал, когда сегодня залез в базу РЖД, протянул шефу.

– Список людей, на чьи имена куплены билеты на тот же поезд, с разбивкой по вагонам. С Каменской едет только Печерникова.

Шеф пробежал глазами страницу, положил девайс на стол перед собой, улыбнулся ехидно так, противно.

– А Латыпов как же? Разве не с ними едет?

– Латыпов? Кто это?

– Латыпов – клиент агентства «Власта». Странно, что ты этого не знаешь. Вот тебе образчик твоей работы. Сплошная халтура. В одном ты прав: если с ними едет клиент, то командировка рабочая, для выполнения заказа, с кафе никак не связана. А вот то, что ты Латыпова просмотрел, – показательно. Тщательнее надо работать, мой друг. Здесь упустил – и как я потом смогу быть уверен, что ты в другом месте не упустишь?

Горбызла еще ниже пригнула голову, буквально носом уперлась в свои бумажки. Даже ей неловко стало, что Вадима так унижают.

Ну что ж... Как там говорилось насчет последней капли? Вот это она и есть.

Шеф взял в руки айпад Вадима, собрался было уже протянуть его хозяину, но внезапно снова поднес к глазам. Проверяет, гад, хочет еще какую-нибудь ошибку выискать, еще фамилию, которую Вадим не заметил. Какой-то Латыпов... Откуда он взялся? В информации, наспех собранной Вадимом, когда шеф поручил быстренько разработать комбинацию с задержанием Каменской, никакой Латыпов не мелькал. Выходит, шеф получает сведения еще из какого-то источника. Поручает кому-то параллельную работу? Или перепроверяет Вадима? Темнит он что-то. Это плохой знак. Нужно успеть нанести удар первым.

– Вы полистайте, если что, там штук десять этих скринов, список-то

длинный, – зло бросил Вадим. – Вам мелко, наверное, плохо видно?

Лицо шефа изменилось прямо на глазах, стало каменным и не обещающим ничего хорошего.

– Когда мне плохо видно, я надеваю очки. Тебе тоже советую.

Положил айпад на стол и толчком отправил по гладкой поверхности в сторону Вадима.

– И сотри это. Сейчас, при мне, чтобы я видел. На сегодня все. Свободен. Алена Валерьевна, останьтесь.

Алена Валерьевна. Горбызла. А что, если...? По возрасту, правда, не подходит, она заметно моложе ровесниц его матери, зато морального удовлетворения принесет три кучи. Не обязательно подставлять ее перед шефом, достаточно просто раздавить морально – и она уже не сможет работать эффективно. Тут и подстав не понадобится, шеф сам ее выгонит.

Все будет легко и просто. За пару минут, которые понадобились Вадиму, чтобы дойти до лифта, спуститься вниз и выйти на улицу, в его голове прокрутилась вся последовательность действий по уничтожению соперницы. Однако, когда он сел в машину, вся задумка показалась ему пустой и глупой. Зачем ему Горбызла? У него есть план получше. Намного лучше.

Каменская

В молодости покачивание вагона и ритмичный стук колес казались Насте уютными, убаюкивающими, успокаивающими, теперь же отсутствие тишины и физического покоя раздражало и не давало заснуть. Полка, на которой тридцать лет назад она могла сладко проспать всю ночь, а то и полдня, теперь была неудобной, принять привычную позу, в которой спина не болела бы, никак не удавалось. Настя переворачивалась с боку на бок, то подтягивала ноги к груди, то вытягивала, и вроде даже мутная тяжелая дрема подступала, но в сон не переходила. Зоя, свернувшись калачиком, тихо и ровно дышала на соседней полке и, похоже, крепко спала.

Кондиционер действительно работал, как и обещала проводница Оксана, но легче от этого не становилось. Все равно кислорода в спертom вагонном воздухе не хватало. А ведь это спальный вагон, где купе двухместные и пассажиров в два раза меньше, чем в купейном, что уж говорить о плацкартном, где вообще, наверное, не продохнуть? Но хотя бы не жарко, и на том спасибо. И зачем в поездах так сильно топят?

Она решила выйти постоять в коридоре. Все лучше, чем так маяться. Села на полке, принялась в темноте натягивать джинсы, стараясь не производить никаких звуков, чтобы не разбудить Зою. Но та все равно проснулась.

– Включайте свет, не стесняйтесь, я уже не сплю, – раздался с соседней полки ее голос.

Настя смутилась, расстроилась и принялась многословно извиняться.

– Вы не при чем. Не могу нормально спать, когда все окна закрыты и слишком тепло. Мне для сна и вообще для жизни нужны холод и свежий воздух. И вы правы, нужно открыть дверь и проветрить, надеюсь, станет полегче.

Они обе вышли в коридор, постояли, глядя в окно, за которым не было видно ничего, кроме мелькающих огней, изредка переговаривались шепотом, чтобы не потревожить спящих пассажиров, потом вернулись в купе, но дверь закрывать не стали.

– Может, прикроем все-таки? – предложила Настя. – Вдруг ваш поклонник встанет ночью в туалет, пройдет мимо нас, увидит, что мы не спим, и... Потом ведь не отвяжемся. Он и так весь вечер нам мозг выносил.

– Это правда, – с легкой улыбкой согласилась Зоя.

– Надоел? Устали от него?

– Ничего, я выносливая. Вы же знаете, я умею не слушать, но интеллигентно делать вид.

– А его мужское внимание не напрягает? Он же глаз с вас не сводит, ну и вообще... Утомительно, наверное?

Зоя пожала плечами:

– Привыкла.

Настя помолчала, собираясь с духом. Ничего такого уж страшного она спрашивать не собиралась, но все равно было отчего-то неловко, поэтому решила последовать примеру самой Зои и использовать повествовательную форму. На самом деле, это более правильно, ведь когда задаешь вопрос – подразумевается, что ты ждешь или даже требуешь ответа, иными словами, обязываешь человека говорить. А то и принуждаешь, что уж совсем не к месту в сложившихся обстоятельствах. Повествовательная форма никого ни к чему не обязывает, она всего лишь доводит до собеседника информацию о том, что ты чего-то не знаешь, но не возражал бы узнать.

– Для меня было неожиданностью, что ваш сын знаком с Василием.

Зоя вздохнула.

– Женька пошел третьего августа на митинг. Вы помните, наверное, что там произошло.

– Помню, – кивнула Настя. – Он у вас борец за гражданские свободы и избирательную реформу?

– Вроде того. Активист. Он пошел на митинг, а у его жены схватки начались, она мне позвонила, я примчалась, повезла ее в роддом. И Женьке написала, что жена рождает. Остальное знаю только с его слов, так что за точность не поручусь.

...Евгений Печерников не выпускал из рук смартфон: его предупредили, что Росгвардия может повести себя неадекватно, и он готовился записывать инциденты на видео. Когда звякнуло пришедшее сообщение, он тут же прочитал его и остановился, пытаясь сообразить, что делать. Бросить все, выбираться из толпы и ехать в больницу? Или остаться? Ребята надеются на него, они рассредоточены от Пушкинской до Трубной площади, чтобы записать максимальное число столкновений с силами правопорядка, и если он сбежит, то получится, что оголит свой участок.

Кто-то сзади взял его повыше локтя, не больно, но крепко, хватка железная, не вырвешься. В ухе зашелестел незнакомый тихий голос:

– Парень, вали отсюда, сейчас винтить начнут. Первыми выдернут тех, у кого в руках телефоны. Я твое сообщение видел, у тебя жена рождает, если тебя задержат – ты ее долго не увидишь.

Женя обернулся: слева и чуть позади стоял невысокий худенький парень и делал вид, что смотрит куда-то в сторону. Ощущение сильных пальцев на руке никак не вязалось с образом хрупкого мальчишки, и Женя закрутил головой в поисках того, кто сейчас держал его и разговаривал с ним.

– Не вертись. Прячь телефон и иди за мной, я тебя выведу, – скомандовал голос.

«Провокатор, – обреченно подумал Женя. – Сейчас вытащит меня и прямо в кутузку наладит. Сколько времени он шел у меня за спиной? Или рядом? А я ведь несколько раз с ребятами переписывался, мы действия координировали, он, наверное, сбоку смотрел и все прочитал. Конечно, я первый на посадку. Прикинулся добреньким, отдаст меня этим выродкам с палками и пойдет себе дальше, следующую жертву искать. Может, удастся выкрутиться как-нибудь...»

Откуда-то из толпы раздались крики, сначала возмущенные, потом истерические.

– Ну вот, началось, – нервно проговорил парень за спиной. – Давай быстрее, шевелись, я знаю, где их нет и пока еще можно выскочить. Через пять минут будет поздно, все отходы перекроют.

– Да я ничего не сделал же! – возмутился Женя. – За что меня задерживать?

– А это никого не волнует, ты что, маленький, сам не понимаешь? Разбираться никто не станет, можешь мне поверить, всех одним скопом утолкают. У тебя, блин, сын сейчас родится, а ты его только в пять лет увидишь.

– Мы девочку ждем, – зачем-то пробормотал вконец растерявшийся Женя.

– Да без разницы! Пошли.

Женя послушно позволил вывести себя в безопасное место и бегом помчался до ближайшей работающей станции метро: из-за митинга весь центр перекрыли еще с утра, вызывать такси смысла нет – машина не сможет подъехать. Он был совсем юным, безумно влюбленным в свою жену и ждал первого ребенка...

– Наверное, опасности были сильно преувеличены, Женке ничего не угрожало, но я все равно была безмерно благодарна этому мальчику. Ну, я так думала в первые несколько дней, а потом пошли сообщения о задержаниях, в Сети видео стали появляться и фотографии. Картонные стаканчики, пожилые женщины, которым выкручивают руки... В общем, я поняла, что Бог отвел. Если бы не этот мальчик, все могло бы закончиться

очень плохо. Я много думала о нем, пыталась представить себе, какой он, как живет, чем дышит. Не знала о нем ничего.

– А имя откуда узнали? – поинтересовалась Настя.

– Я имени не знала. Впервые услышала только тогда, в офисе, когда Женя его назвал и добавил: «Тот самый». Оказывается, Василий удостоверение Женьке показал, когда вывел его дворами туда, где было безопасно. Женька зачем-то потребовал у него документы. Наверное, хотел понять, какая структура его спасает или, наоборот, подставляет, МВД или ФСБ. Прочитать успел только имя, на остальное времени не хватило. Вы, наверное, догадываетесь, какое у меня мнение о нашей полиции, я ведь его не скрываю. Когда я познакомилась у вас в агентстве с Василием и мне сказали, что он только что уволился из органов, я все недоумевала: почему? Умненький парнишка, мог бы и карьеру сделать, и денег заработать, как они все там зарабатывают. Решила, что его просто выгнали за нерадивость. Теперь понимаю, что он сам ушел. Порядочным оказался, не вынес этого свинства.

Н-да, неожиданно... То, что Василий – «умненький мальчик», Настя и сама видела, а вот то, что ушел со службы не по карьерным или финансовым соображениям и не потому, что его выгнали, а потому, что не захотел мириться с наглым беззаконием, стало для нее открытием. Она прекрасно знала, что во время мероприятий, подобных августовскому митингу, мобилизуют весь личный состав, задействуют не только патрульно-постовую службу, но всех подряд, включая оперов. Сотрудники полиции, помимо всего прочего, должны находиться в толпе и вычленять тех, кто может оказаться активистом, организатором массового неповиновения, координатором групповых действий. По-видимому, именно эта функция и досталась Васе Мамуту. А потом, когда всех, кто под руку попался, скрутили, повязали и развезли по отделам полиции, весь личный состав стройными рядами уселся за составление протоколов. О каком бы то ни было индивидуальном подходе и речи быть не могло, дело ставилось на поток, что и неудивительно, учитывая количество задержанных. Протоколы штамповались по образцу, никаких объяснений не принималось, и человек, мирно шедший к теще на блины теплым летним днем, оказывался правонарушителем, подлежащим наказанию в административном порядке, проводил в «обезьяннике» несколько часов, а то и суток, и не мог доказать, что он тут вообще ни при чем. Хотя и с теми, кто был «при чем», обходились так, словно понятие «верховенство закона» в российской цивилизации не существовало вообще. Что командир отделения приказал сегодня утром – то и закон, а Конституция, кодексы там всякие, что

уголовный, что административный, что гражданский, Закон о полиции – это все мура, никому не нужная. Похоже, терпение у Василия лопнуло примерно в этот момент. Участие силовиков в августовских событиях послужило триггером для многих офицеров, которым стало противно принимать участие в этом шабаше. Только рапорт об отставке написали не многие. Остальные успокаивали совесть другими способами.

Прежде Настя никогда не слышала, чтобы Зоя так много говорила. В исполнении любого другого человека ее рассказ мог бы показаться коротким и скудным, но для Зои это был поистине подвиг. Поэтому свой второй вопрос Настя Каменская решила пока не задавать, пощадить коллегу, дав ей возможность помолчать.

Они снова улеглись на своих полках и попытались заснуть. Не очень, впрочем, успешно.

* * *

– Николай Маратович, мы с вами вчера уже говорили об этом, но я повторю еще раз: в дом вы не заходите и при беседах с Веденеевым не присутствуете, – напомнила Настя, едва они вышли из вагона на перрон.

– Да понял я, понял, – досадливо отмахнулся Латыпов. – Я появлюсь на горизонте, только если вы скажете, что Веденеев – автор и готов уступить права. Тогда я сразу с ним и порешаю все вопросы, чтобы не затягивать, а то время идет.

Адрес, по которому проживали Максим Викторович и Константин Максимович Веденеевы, Настя получила от Дзюбы, и вся надежда была только на то, что удастся застать дома хотя бы одного из хозяев. В противном случае перспективы становились более чем смутными.

Латыпов заметил на здании вокзала табличку со стилизованным изображением автомобиля и указывающей вверх стрелкой и выразил намерение взять машину в аренду.

– А на такси не проще? – усомнилась Настя.

Барские замашки продюсера смущали.

– Вам – да, проще, а мне? Вы пойдете разговаривать с Веденеевым, а я что буду делать? На лавочке сидеть и ждать? На машине можно хоть по городу проехаться, посмотреть окрестности, остановиться, где понравится, прогуляться.

– Так вы же города не знаете, – насмешливо заметила она. – Вы сами сказали, что никогда здесь не были.

– На самом деле был в далекой юности и всего полдня, проездом, так что можно считать, что и не был, тем более за последние двадцать лет все города очень сильно изменились, ничего не узнать. Хорошо, вы меня убедили, берем машину с водителем.

Латыпов уже снова чувствовал себя командиром-руководителем и быстро шагал вперед, в том направлении, куда указывала стрелочка. Длинноногая тренированная Зоя держалась вровень с ним без всякого напряжения, а вот Насте приходилось прилагать усилия, чтобы поспевать за продюсером. Она даже отстала немного, совсем чуть-чуть, но этого оказалось достаточно, чтобы в потоке пассажиров и встречающих, который двигался от перрона к выходу из здания вокзала, между ней и Зоей вклинился какой-то мужчина, и на Настю пахнуло удушливой смесью запахов бензина и жженой резины. Она на мгновение замешкалась, пытаясь сообразить, как лучше сделать: то ли притормозить, чтобы пропустить ароматного дяденьку подальше вперед, то ли прибавить шагу и обогнать, оставив его позади. На увеличение темпа силенок, пожалуй, не хватит, а вот отстать не страшно – Зоину голову в красной бейсболке хорошо видно издалека.

Настя чуть замедлила шаг и сместилась вправо, не упуская из виду своих спутников. Движение в сторону оказалось, похоже, слишком резким и неожиданным для идущих рядом людей, и Настя довольно ощутимо толкнула кого-то. Она хотела извиниться прежде, чем услышит сакраментальное: «Смотри, куда прешь, слепая корова!», но внезапно парень, которого она задела сумкой, пробормотал:

– Сорян, барышня.

Нырнул в толпу и исчез. «Барышня!» Ишь как... Похоже, он сам слеп, как крот, а очков не носит из ложной бравады. Настя развеселилась и прибавила шагу.

* * *

Парень, которого Анастасия Каменская сочла плохо видящим, имел на самом деле превосходное зрение. Просто он не ожидал, что стройная блондинка толкнет его и захочет посмотреть в лицо. Он четко соблюдал инструкцию: не светиться, просто наблюдать, кто столичную компашку встречает, куда пойдут, к кому, что будут делать. Дистанцию на перроне и в вокзале выбрал такую, чтобы не попасться на глаза москвичам и в то же время не упустить. Вокзал и аэропорт – места стремные, парковки

большие, и никогда не угадаешь, в каком месте стоит транспорт, на котором люди поедут в город. Возьмешь для безопасности слишком большую дистанцию, и может получиться, что нужные люди сядут в машину, припаркованную близко к входу, а тебе до своей тачки еще пилить метров сто. Догоняй их потом, ищи... Короче, геморрой.

С встречающими слиться несложно, особенно если заранее знаешь номер вагона; на вокзале своего родного города он мог с закрытыми глазами безошибочно найти любой вагон на платформе, будь то состав дальнего следования или местная электричка. Выбрал место, занял позицию минуты за три до прибытия поезда. Этим троим определил сразу, едва увидел. Сперва мужик с усами вышел, потом очень высокая женщина в красной бейсболке, которой усатый подал руку зачем-то, помогая шагнуть на платформу, а за ними та блондинка. Обалденная. Он прямо обмер, как увидел ее. Эх, жалко, что они вечером уедут, день всего в городе проведут... А то можно было бы попытаться... Усатый-то явно не ее мужик, а той каланчи с косицей до пояса и в красной бейсболке, он и руку ей подал, а блондиночка сама выходила, без посторонней помощи. Хороша, зараза!

Москвичей никто не встречал, они как вышли из вагона – так и потащились к зданию вокзала, не ждали никого, не искали, никому не звонили. Усатый и блондиночка о чем-то говорят на ходу, каланча молчит, как воды в рот набрала. Дуется, что ли? Может, цапнулась с кем-то из друзей-товарищей. Бабы – они такие, не поймешь их, вроде только что улыбалась и ластилась, как кошка, – и уже обиды какие-то, предъявы на пустом месте. Но блондиночка-то до чего аппетитная, прямо съел бы на месте! Даром что не молоденькая, неземная какая-то, легкая, изящная, как фея.

И вот теперь, когда блондинка так неудачно столкнулась с ним и цепкими светлыми глазами словно впиалась в лицо, он понял, что, видать, не судьба. Притормозил, издали посмотрел, куда идут, убедился, что троица приехавших направляется к офису аренды автомобилей, и с облегчением усмехнулся. У них на весь город всего одна фирма, где можно взять тачку напрокат. Одна, зато большая, с несколькими отделениями, и Тайман, хозяин всего этого благолепия, исправно отстегивает долю не только чиновникам, но и самому Аржо. Тому самому, который и послал посмотреть за москвичами.

Подошел поближе, стараясь оставаться незаметным, дождался, когда москвичи выйдут из офиса в сопровождении рослого крепкого мужика. Прокатные автомобили стояли сбоку, немного, штук пять всего.

Приехавшие выбрали самый дорогой из имеющихся в наличии, черный «Гелендваген». Шикуют! Хотя, может, все дело в каланче, куда ей с такими длинными ногами в маленькую машину-то... Записал номера в телефон и тут же позвонил.

– Аржо, это я, – произнес он, услышав в трубке знакомый сердитый голос. – Я, кажись, спалился. Но все решаемо.

– Что решаемо?!

Аржо, само собой, тут же начал орать. Как обычно. Он всегда орет, вспыхивает моментально и долго не может успокоиться. Сам о себе говорит, мол, нервы ни к черту. Пришлось в двух словах обрисовать расклад.

– Они уехали на одной из машин Таймана. Позвони ему, пусть свисток издаст своему командиру на вокзале, чтоб не кочевряжился. Скажи, что я через пару минут подойду.

– Поучи меня...

– Да помилуй, Аржо, разве я учу? Я прошу. Косяк свой признаю, прошу помочь исправить.

С ним только так и можно разговаривать. Не оправдываться, не объяснять и уж тем более не наезжать. Лишь каяться и просить, тогда обычно можно добиться желаемого.

Аржо еще побушевал какое-то время, перемежая оценки деловых качеств собеседника с затейливым выразительным матерком, и в конце бросил:

– Ладно, перезвоню.

Перезвонил он минут через пять, сказал, что в офисе прокатной конторы ждут и готовы оказать содействие. Еще через три минуты парень фотографировал телефоном договор аренды автомобиля с водителем, подписанный Н.М. Латыповым. Наемный водитель – это хорошо, это огромная удача. Было бы куда хуже, если бы усатый Латыпов сам сел за руль.

– Напиши водиле эсмэску, пусть скинет адресок, куда их отвез, – велел парень.

– А позвонить? – недоуменно спросил менеджер. – Они же адрес водителю назвали, он его уже знает, скажет без проблем.

– Ты тупой совсем? – парень презрительно хмыкнул. – Он что, прямо при пассажирах будет говорить тебе, куда их везет?

– А что такого? Я – менеджер, имею право в любой момент поинтересоваться, где мой водитель и через сколько времени освободится.

– Ну ты точно тупой, – парень удрученно вздохнул. – Ты договор-то

сам читал? В нем черным по русскому написано, что автомобиль арендуется до половины девятого вечера. То есть на весь день. Так с какого рожна ты будешь интересоваться, где там твой водитель ездит? До половины девятого это вообще не твое собачье дело. И если он начнет при пассажирах отвечать на твои тупые вопросы, они могут забеспокоиться, а мне оно не надо. Усвоил, урод?

Менеджер обиделся, поджал губы. Чистенький мальчик в аккуратной голубой рубашечке с темно-серым галстуком. Фасонит Тайман, во всех филиалах велит работникам одеваться одинаково в придуманную им же самим форму. Хочет, чтоб у него было, как у больших. Ну да, не Нью-Йорк, и даже не Москва, но все ж областной центр – не хухры-мухры.

– Пиши давай. И не отправляй, пока я сам не посмотрю.

Менеджер в голубой рубашке набрал текст и повернул телефон экраном к визитеру. Тот прочитал, покачал головой. Офисный планктон. Ничего не понимают в этой жизни. «Сообщите, пожалуйста, адрес, по которому доставили пассажиров». Прочитает водитель такое сообщение и что сделает? Скорее всего, удивится и начнет рассуждать, зачем это менеджеру понадобилась такая информация. И, скорее всего, вслух. А пассажиры-то, судя по всему, не пальцем деланы. Частные детективы, Аржо предупреждал.

– Дай сюда, я сам напишу.

– Со своего телефона и пиши, – внезапно огрызнулся менеджер. – Я к тебе на работу не нанимался.

Ого, планктон с зубами! Новый биологический вид.

– Ты нанимался к тому, кто тебе вот только недавно звонил. И исключительно из уважения к твоему хозяину я проведу с тобой разъяснительную работу, а не вкачу в пятак без всяких слов. Если водила прочтет мессагу с незнакомого номера, да еще с вопросом об адресе, он станет отвечать? Вот то-то. Поэтому давай сюда мобилу, я напишу, как надо, чтоб без накладок вышло.

Написал и сам отправил. Теперь придется ждать, пока ответит. Не во время движения же отписываться, значит, либо на длинном светофоре, либо уже с адреса, когда москвичи выйдут и водитель останется в машине один.

Ответ пришел минут через двадцать. Парень прочитал сообщение, небрежно хлопнул менеджера по плечу.

– Спасибо, братан, выручил, Тайман тебе зачет.

Адрес есть, но проблемы на этом не закончились: оказалось, что женщины вышли на улице Панфилова, а усатый собрался еще куда-то, но места назначения пока не назвал. С такой информацией лезть к Аржо –

только нарываться. Может, промолчать насчет усатого, не говорить ничего? Не будет же Аржо сам лично проверять, что там написал водитель, правильно? И Тайман не будет, не его уровня такой мелкий контроль. Если насчет усатого по фамилии Латыпов промолчать, то выглядеть будет так, будто косяк полностью исправлен. Адрес известен, машина отпущена на час-полтора, стало быть, можно посылать человека, пусть ждет и потом садится на хвост. Тот факт, что из дома выйдут не все втроем, а только две бабы, усатый же подъедет на машине, легко можно списать на изменения, который произошли во временно́м интервале между телефонными переговорами и появлением нового наблюдателя.

Отойдя от пункта проката метров на пятьдесят, парень снова позвонил Аржо.

– Они вышли на Панфилова, дом восемнадцать, второй подъезд.

В ответ прозвучало короткое, но все еще напряженно-сердитое:

– Лады. Прощен.

Каменская

Дверь им открыли сразу. На пороге стоял рыхлый мужчина за шестьдесят с болезненно-одутловатым лицом и спокойным приветливым взглядом. Поношенные спортивные брюки, серая свободная футболка, в мокрых руках полотенце, на ногах шлепанцы-сланцы, возле локтя пузырится и тает прямо на глазах ошметок мыльной пены. Наверное, хозяин стирал или мыл посуду.

Прихожая маленькая, вдвоем еле-еле развернешься. Но порядок в ней царил удивительный: каждая вещь на своем месте, на своей полочке, на своем крючочке.

– Максим Викторович? – спросила Настя.

– Да, слушаю вас.

Голос у старшего Веденева был приятным, не очень высоким, глуховатым.

– Нам нужен Константин Максимович. Он дома?

– Дома. Судя по тому, что вы знаете мое имя, вы не телефон в ремонт принесли. Что-то случилось?

– Надеюсь, что нет, – Настя улыбнулась, стараясь выглядеть беззаботной. – Так мы можем увидеть Константина?

– Костик! К тебе пришли! – крикнул Максим Викторович.

– Да, пусть заходят, – послышалось откуда-то издалека.

Прежде чем последовать приглашению, Настя повернулась к Зое:

– Подождите меня здесь, если Максим Викторович не возражает. – Она бросила вопросительный взгляд на хозяина квартиры. – Можно, Максим Викторович? Или пусть на улице ждет?

– Ни в коем случае, – решительно ответил Веденев. – У меня на кухне уборка, я сейчас закончу и угощу вас чаем. Будете чай?

– Буду, – кивнула Зоя. – Могу помочь с уборкой, чтобы вышло быстрее, очень чаю хочется.

– Нет-нет, я сам, там совсем чуточку осталось домыть. Но за предложение спасибо. Пойдемте со мной. А вам, – он посмотрел на Настю, – туда.

Чтобы попасть в обиталище Константина, нужно было пройти через комнату попросторнее. Настя толкнула дверь и оказалась в помещении, принадлежавшем словно бы другой квартире или, по крайней мере, другому хозяину. Если в прихожей и в первой комнате царил продуманный

порядок, то здесь главенствовал хаос. Стены от пола до потолка увешаны самодельными книжными полками, плотно набитыми литературой, издания разномастные – солидные тома собраний сочинений классиков не стоят подряд, как принято, а рассредоточены по разным местам и соседствуют с тонкими потрепанными брошюрками в бумажных обложках. Узкий раскладной диванчик занимает совсем мало места, все остальное пространство занято большим прямоугольным столом, заваленным разнообразной цифровой техникой. Насколько Настя успела заметить, техника была далеко не последнего поколения и даже не предпоследнего. Это и понятно: клиентура Константина Веденева – люди, которые не могут себе позволить новые модели и до последнего пользуются тем, что куплено давно и за что уже не берутся в «офисах по ремонту», где молодые мастера, наверное, даже в глаза не видели раскладные кнопочные мобильники или простенькие электронные «читалки» пятнадцатилетней давности.

Именно такой кнопочный телефон-раскладушку и держал сейчас в руках Константин, пытаясь возродить к жизни тот самый элемент, который первым выходит из строя при постоянном открывании-закрывании. Под направленным светом лампы на гибкой ножке он рассматривал что-то через специальные очки с сильным увеличением, какими пользуются ювелиры и часовщики.

– Вы от Золотарева? Что у вас? – спросил он, не глядя на Настю.

– Я не от Золотарева.

– А от кого?

– Ни от кого. Сама по себе.

– Да? – он по-прежнему не отрывал глаз от того, что рассматривал. – Тогда как...

Наконец он все-таки сообразил, что что-то идет не так, положил телефон на стол и снял очки.

– Мы с вами договаривались? Вы писали мне или, может, звонили? Извините, если я забыл.

– Нет, я не звонила и не писала.

– Тогда почему вы здесь? Как вы меня нашли? Если человек приходит чинить технику, то либо я сам дал ему адрес, либо его прислал кто-то из моих знакомых или клиентов. Вы говорите, что вы «ни от кого», но и я вам адреса не давал. Вы кто вообще?

– Вообще я Анастасия. Если вас смущает мой возраст, то Павловна. Я приехала из Москвы, чтобы задать вам несколько вопросов об Андрее Кислове. Помните такого?

Константин смотрел на нее с изумлением.

– Об Андрюхе? А что случилось?

Значит, медсестра Васильчикова не ошиблась. Глаз – алмаз!

– Вы давно с ним общались?

– Ну... Где-то неделю назад, может, полторы. Если вам надо точно, я посмотрю в телефоне. А что, Андрюха сам не помнит, не может сказать? Или он во что-то вляпался?

Настя помолчала. Этот момент был одним из самых нелюбимых во время ее службы. И за последние девять лет, к счастью, не случался.

– Мне очень жаль вам это говорить, Константин, но Андрей погиб. Его убили.

– Как...

Веденеев словно захлебнулся словами, замер. Лицо исказилось болью. Он откашлялся и произнес хриплым шепотом:

– Не может быть...

– Мне жаль.

– Кто? За что?

– Скорее всего – его сестра-наркоманка. Следствие еще не закончено, но поскольку я не работаю ни в полиции, ни в следственном комитете, то могу вам сказать.

– Кто вы тогда? Если не полиция и не следователь, то кто? ФСБ?

– Ну зачем так круто, – Настя слабо улыбнулась. – Всего лишь частный детектив, то есть, по сути, никто. Непонятное существо без прав и полномочий. Кстати, если вы не хотите со мной разговаривать, имеете полное право указать мне на дверь, и вам за это ничего не будет.

– Да при чем тут...

Он растерянно оглянулся, будто что-то искал, потом оперся руками о столешницу, поднялся и снова обессиленно опустился на стул.

– Господи... В голове не укладывается... А ко мне-то какие вопросы? Вы же сами сказали, что сестра его убила. Что вы хотите еще узнать? Не жаловался ли Андрюха на нее, не подозревал ли, что она что-то задумала?

Настя достала телефон, вывела на экран фотографию книги Кислова, протянула Константину.

– Вам это знакомо? Можете что-нибудь рассказать?

Скулы Веденеева вспыхнули неровными багровыми пятнами.

– Так я и знал, что ничем хорошим это не кончится. Кто вас прислал?

– Продюсер Латыпов. Он вложил большие деньги в проработку проекта и хочет понимать, что происходит и какие у него перспективы.

Андрей Кислов

Неожиданный звонок девушки из продюсерской компании окрылил Кислова. Редактор по имени Леся попросила о встрече, явилась в назначенное Андреем место – симпатичное кафе неподалеку от его дома – и объяснила, что один из телеканалов заинтересовался покупкой прав на экранизацию его книги, и если продюсерская компания представит руководству канала убедительный материал, свидетельствующий о том, что есть возможность сделать хороший сериал, господину Кислову будет сделано финансовое предложение. В настоящий момент ей, Лесе, дано задание прочесть книгу, написать синопсис на три страницы и сделать предварительный вывод о том, на сколько серий можно растянуть историю. Если вообще это в принципе можно сделать.

– Вашу книгу трудно найти, – с укоризненной улыбкой произнесла она. – Наш продюсер Латыпов убежден, что в ней рассказана интересная история, но книги у него нет, а я ничего не смогу сказать, пока сама не прочитаю. Если у вас есть еще что-то написанное, даже пусть и не опубликованное, тоже сгодится.

Андрей воспрянул духом. Вызвался сбегать домой за книгой, попросив подождать буквально десять минуточек. Принес и положил перед редактором два экземпляра – все, что у него было.

– И больше ничего нет?

Леся с сомнением оглядела далеко не толстую книжку в бумажной обложке. Андрей развел руками:

– Больше ничего. Мне во всех издательствах отказали, и я поверил, что у меня нет таланта. Эту единственную рукопись напечатал за свой счет, просто чтобы труд даром не пропал, жалко все-таки. А дальше рисковать не стал.

– Но если бы вам не отказали и издали, писали бы еще? Идеи были?

– Ну как сказать...

Андрей замялся. Собственных идей было навалом, но мысль написать книгу его не посещала. А вот Костик, наверное, писал бы, придумывал не менее классные истории, если бы злобный Максим Викторович не обломал сына своей нелюбезной критикой. Ничего, вот и наступил звездный час Константина Веденева! Леся составит синопсис, продюсер пригласит сценаристов, они сделают из Костиной книги такую конфетку, что у людей с телеканала слюнки потекут. Тогда Андрей расскажет им правду и

направит напрямик к Костику заключать договор и покупать у него права. Максим Викторович убедится, что был не прав, перестанет шпынять сына, и Костик развернется в полную мощь: напишет множество отличных повестей и романов и станет, наконец, популярным автором и состоятельным человеком. Сериал покажут по телевидению, и вся страна увидит в титрах заветные слова: «По одноименному роману Константина Веденеева». Или «Андрея Кислова»? Черт его знает, как там правильно с точки зрения авторского права... Сразу же начнется бум спроса на книги, а пока сериал снимается, у Костика есть года полтора-два, чтобы написать еще несколько произведений.

Перспектива открывалась совершенно замечательная! Лишь бы не сорвалось... Поэтому на вопрос о наличии идей для других сюжетов Кислов после некоторого молчания ответил:

– Были, конечно.

– Дело вот в чем, Андрей Вячеславович, – лицо редактора Леси стало серьезным. – Сценаристам нужно платить, за просто так никто сейчас не работает. Поэтому при нормальном течении дел сперва канал покупает у автора права, и только после этого появляется возможность перечислять деньги продюсерскому центру. Из этих денег центр оплачивает работу сценаристов. Пока нет договора о передаче прав, ни одна бухгалтерия ни копейки никуда не переведет, понимаете? Есть финансовая дисциплина, и за ее нарушение карают очень строго. Господин Латыпов выразил крайнюю степень заинтересованности в экранизации вашей повести, но канал нужно убедить.

– Так пусть там, на канале, прочитают и убедятся, что история хорошая. Какие проблемы?

– Видите ли, Андрей Вячеславович, я бы не рискнула показывать вашу книгу руководству канала или их редакторам. В издательствах не дураки сидят, поверьте мне. Я пока еще не читала, – она легко провела пальцами по глянцевой картинке на обложке, – но я сама редактор, и мы все учились примерно одному и тому же. Если они отказали, значит, текст написан очень плохо, даже если сама история хороша. На канале прочтут первые три страницы и бросят. История еще не началась и уж тем более не закрутилась, а впечатление уже составилось. Если мы пойдем по этому пути, то до экранизации не дойдем никогда. Господин Латыпов действует на свой страх и риск, он хочет, чтобы на канале увидели отличный синопсис сценария, а не слабый текст книги. Он считает, что ваша история достаточно хороша для сериала, и готов сам договариваться со сценаристами и платить им. Так почти никто не поступает. Но в вашем

случае мы готовы сделать исключение, потому что господин Латыпов очень настаивает.

– То есть вы сами еще не читали, но уже уверены, что повесть плохо написана?

– Я доверяю мнению своих коллег, – спокойно сказала Леся. – До настоящего времени наши оценки никогда не расходились.

Кислов немного помолчал, обдумывая услышанное. Нельзя, чтобы сорвалось. Такого шанса для Костика больше не представится, и будет непростительным идиотизмом его упустить.

– Если это имеет какое-нибудь значение, то я готов уступить права по чисто символической цене. Как автор, которому многократно отказали, я нуждаюсь в экранизации не как в источнике дохода, а как в толчке для будущих переговоров с издателями.

Его собеседница улыбнулась с видимым облегчением.

– Я рада, что мы с вами одинаково понимаем проблему.

Она сунула книги в сумку и поднялась.

– Свяжусь с вами, как только прочитаю и переговорю с руководством, – пообещала Леся на прощание.

Сквозь стекло большого окна Андрей смотрел, как девушка стремительными шагами двигалась в сторону платной парковки. Понял, что не может дольше терпеть, вытащил телефон, нашел в контактах номер Костика, которому очень давно не звонил, больше трех лет. «Если он сменил номер – напишу имейл, а если и почту сменил – тогда придется ехать. А вдруг он и адрес поменял, переехал... Ничего, найду», – пронеслось в голове, пока в ухо били длинные гудки.

Но Костик номер телефона не поменял и на звонок ответил. Молча выслушал рассказанную взалех эпопею о встрече с редактором продюсерского центра и ответил коротко и твердо:

– Нет.

Андрей опешил.

– Почему «нет»?

– Потому что «нет».

– Думаешь, снимут какую-нибудь байду и скомпрометируют тебя как автора? – догадался Кислов. – Если ты видишь здесь угрозу своей репутации, можешь оставить мое имя как псевдоним, мне-то по барабану. Даже если снимут плохо, все равно найдутся тысячи телезрителей, которым понравится. Они заинтересуются твоей книгой, а дальше...

– Не в этом дело, – прервал его Костик.

– А в чем тогда?

– Андрюха, просто услышь меня. Я сказал: нет.

– Ты все-таки подумай, – растерянно пробормотал Андрей. – Я понимаю, это все для тебя как снег на голову, неожиданно. Подумай как следует, а я завтра снова позвоню, и если ты не передумаешь, постараюсь тебя убедить. А если передумаешь, сам набери меня, лады?

– Я не передумаю. Но спасибо, что беспокоишься обо мне, – мягко и, как обычно, негромко сказал Веденеев.

Растерянность Андрея прошла довольно быстро. «Ну да, конечно, – с усмешкой говорил он сам себе, возвращаясь домой и глядя под ноги, чтобы не ступить в лужу, – если бы мне прямо сейчас ни с того ни с сего предложили жениться на наследнице какого-нибудь престола, я бы тоже сразу отказался. На фига мне такие приключения, от которых не знаешь, чего ждать? У меня своя жизнь, не всегда спокойная, не всегда благополучная, но устоявшаяся, привычная, понятная. А тут авантюра какая-то, сильно смахивающая на старую сказку... Понятно, что Костик так отреагировал. Пусть успокоится, подумает, прикинет и поймет, что нужно соглашаться. Он умный парень, примет правильное решение».

Но Костя и на следующий день ответил отказом без всяких дополнительных объяснений. Андрей, за шесть лет набравшийся кое-какого жизненного опыта, решил не давить и не торопить, сделал вид, что принял слова приятеля во внимание. Пусть пройдет время, мысль отлежится в голове у Костика, пустит корни, потом появятся почки, за ними – клейкие бледно-зеленые листочки, а там и плоды, глядишь, завяжутся. Никогда не нужно полагаться на первое впечатление, никогда не нужно считать первую реакцию окончательной и бесповоротной. Симпатичная девочка-редактор описала весь предстоящий процесс, на который, судя по всему, уйдет не один месяц. Этого вполне достаточно, чтобы изменить любое мнение, особенно если придать этому изменению толчок в виде сценария одной серии и синопсиса всего сериала целиком. Уж кому, как не Андрею Кислову, знать, какие чувства могут охватить человека, увидевшего визуальное или какое-нибудь иное воплощение собственных придумок! Да под влиянием этих сильнейших чувств люди могут горы свернуть, не то что изменить собственное решение!

Спустя некоторое время Леся позвонила и сказала, что готова показать синопсис и вариант сценария первой серии. Андрей выразил живейший интерес, ничем не дал понять, что в дальнейшем могут возникнуть некие проблемы, радовался, улыбался, искренне хвалил работу сценариста. Затем прошло еще несколько недель, и Леся предупредила, что ему в ближайшее время позвонят с телеканала, чтобы обсудить условия передачи прав.

Настало время действовать. Кислов нашел в почте письмо из «Старджета» с вложенными файлами – синопсисом и сценарием – и переслал Костику, сопроводив короткой фразой: «Прочти, пожалуйста, побыстрее, завтра позвоню». Он не сомневался, что Веденеев передумает. Да кто бы не передумал, прочитав такой замечательный сценарий?!

Но Костик оставался непреклонным.

– Нет, – ответил он, когда Андрей позвонил на следующий день.

– Но почему? Хороший же сценарий! И синопсис классно сделан. Ты станешь знаменитым, – упорствовал Кислов.

– Если ты это сделаешь, я покончу с собой, – сказал Веденеев тихо. – Я не шучу.

И по его голосу Андрей понял, что тот действительно не шутит.

– И что мне теперь делать? – растерянно спросил он. – Я ведь уже согласился передать права, люди деньги вложили... Что я им скажу?

– Я тебя просил не делать этого. Ты меня не услышал и поступил по-своему. А теперь ты спрашиваешь меня, что тебе делать. Какой совет ты хочешь получить? Если ты решишь наплевать на мое мнение и передать права от своего имени, я обвиню тебя в краже интеллектуальной собственности, предупреждаю сразу. Будет скандал, судебный иск на большую сумму и куча проблем.

Андрей задохнулся и долго молчал, переваривая услышанное. Спокойный вежливый Костик, такой миролюбивый и добрый ко всем – и вдруг жесткость, угрозы, да чуть ли не злость!

– Я же для тебя стараюсь, идиот! – почти выкрикнул он в трубку. – Хочу, чтобы у тебя была нормальная жизнь, нормальное лечение, слава и признание. Почему ты не понимаешь таких элементарных вещей?!

– Я сам решаю, что делать со своим текстом. И я говорю: нет. Никаких объяснений не будет, не жди. Просто прими мою позицию. Если не знаешь, что ответить продюсерам и чем мотивировать свой отказ, расскажи все как есть. Сошлись на меня как на автора, я сам им откажу.

Они разговаривали долго. Костик больше ни разу не упомянул ни судебный иск, ни угрозы покончить с собой, но и от своего твердого «нет» не отступил ни на миллиметр.

Андрей не мог поверить, что все закончилось, едва начавшись. Он не понимал, почему Веденеев упирается. Пришлось озвучить свой отказ редактору Лесе, но Кислов все еще продолжал мучительно искать выход и на что-то надеяться, поэтому о настоящем авторе повести пока никому не говорил. Если перенаправить продюсеров прямо к Костику, то никакой экранизации не будет, это понятно. Но вдруг он сумеет найти какие-то

аргументы, которые сломят сопротивление приятеля? Ведь не может же такого быть, чтобы прикладывались такие усилия, прошло столько времени, прямо под ноги свалилась огромная удача, на которую и рассчитывать-то не приходилось, – и все это вместе взятое не принесет никакого результата из-за одного-единственного «нет», необъяснимого и тупого!

Аржо

Обычно Аржо принимал решения быстро, поспешно, особенно когда нервничал или злился. Вся интеллектуальная энергия уходила на негативные эмоции, и на разумный холодный расчет ее уже не хватало. Люди более сдержанные и рациональные, которые имелись в окружении криминального авторитета, удивлялись тому, что этот человек вообще еще жив. По их мнению, за те непродуманные скоропалительные действия, которые он то и дело предпринимал, его давно пора было ликвидировать. Либо как одного из двух конкурирующих хозяев города, либо как биологическую единицу, то есть совсем. Непонятно, на чем держится его живучесть. Разве что на поддержке и покровительстве Мародера, так где он, тот Мародер... Его в городе уже много лет не видели. Хотя разговоры о его немыслимой ловкости и неисчислимом богатстве циркулируют давно и упорно.

Узнав, что москвичи, которых поручили его негласному попечению, заявили во второй подъезд дома 18 по улице Панфилова, Аржо немедленно вызвал своего ближайшего подручного.

– Позвони своему ментенку, – велел он, – пусть пробьет. И в адрес пошли кого-нибудь, пусть пропасут.

С Интернетом Аржо не дружил, пользоваться им для получения информации считал ниже своего достоинства. Для чего тогда нужны подручные, если все можешь сам? А авторитет, который все или почти все делает сам, это уже не авторитет, а так, шестерка, шавка подзаборная.

Подручный по кличке Вайс молча кивнул и вышел. Вообще-то фамилия у него была простая – Белов, но Вайс красивее. Так, во всяком случае, казалось ему самому.

Через некоторое время Вайс вернулся и доложил:

– Дом практически аварийный, очень старый, ветхий фонд. Два этажа, два подъезда. Во втором подъезде четыре квартиры, по две на этаже, с пятой по восьмую. В пятой – бабка, одинокая, восемьдесят шесть лет, глухая и в маразме. В шестой семья с двумя детьми. В седьмой жильцы-арендаторы, откуда-то из Средней Азии. В восьмой отец с сыном. Вот список с фамилиями.

Взяв из рук Вайса листок, Аржо бегло просмотрел его и присвистнул.

– Веденеев? Максим Викторович? Судьба, однако.

– Ты его знаешь? – удивился Вайс.

– Ну а то! Он был замом по воспитательной работе на той зоне, где я по малолетке чалился. Хотя, может, просто однофамилец и тезка, черт его знает... Дерни еще раз ментенка своего, пусть проверит.

Вайс снова вышел и вернулся через несколько минут.

– Тот самый, ты угадал.

Аржо удовлетворенно усмехнулся, потер руки.

– Теперь можно не думать, в какую из четырех квартир москвичи заявились. Сто пудов – к Веденееву.

– Уверен?

– Ну а то! Мародер вместе со мной сидел, мы с ним еще там скорешились, ты же знаешь. Так что Веденеев – наш общий знакомец. Если Мародера интересуют какие-то люди, которые приехали к нам в город, и эти люди прямо с вокзала тащатся в дом, где живет Веденеев, то какова вероятность, что они приехали к кому-то другому?

– Маленькая, – признал Вайс. – Что будешь делать?

Аржо задумчиво посмотрел в окно. Вид был некрасивым, особнячок стоял на участке, густо засаженном деревьями и кустарниками, летом здесь зелено и тенисто, но сейчас, во второй половине ноября, перед глазами торчали только серые и коричневые стволы да голые, какие-то беззащитные и оттого жалкие ветки.

– Ты ведь помнишь, – неторопливо начал он, – сколько бабла мы должны Мародеру?

– Конечно, – кивнул Вайс.

Сумма была такой, что Аржо страшился даже произнести ее вслух.

– За работу с москвичами он обещал списать два процента. Так?

– Так. И что?

– А то, что мы ведь можем сделать больше. Больше и лучше. И нам скосятят долг еще на сколько-то.

– Это не решит проблему, – осторожно заметил Вайс. – Даже если Мародер спишет тебе еще два процента, ну пусть не два, а пять, пусть десять – остальной суммы у нас все равно нет и в ближайшее время не будет. Тебе нужно не проценты списывать, а искать, где взять бабок и как их быстро прокрутить.

– Долг можно сильно уменьшить, если правильно прогнуться под Мародера.

– Послушай, Аржо...

– Нет, это ты меня послушай! – вмиг вскипел Аржо. – Здесь я – главный, и только я один решаю, что и как будет. Выйди отсюда, мне позвонить нужно.

Вайс шагнул к двери, и Аржо не успел рассмотреть выражение его лица. Да и какая разница, в конце-то концов! Будет еще он обращать внимание на выражение лица каких-то там вайсов! Пусть знают свое место. Приближенный – да, но это не означает, что он второй в иерархии группировки, то есть следующий после бога. Вторых у Аржо нет. Есть он, первый, царь и бог, и все остальные – последние.

Мародер ответил на звонок после четвертого гудка. Не торопится. Стало быть, не ждет плохих новостей.

– Гости приехали к Веденееву. Помнишь такого? – спросил Аржо, с трудом сдерживая злорадство.

– Веденеев, – рассеянно повторил за ним следом Мародер. – Нет, не припоминаю. А должен?

– Зам по воспиталке в нашей с тобой первоходке. Неужели забыл?

– Ах, этот... Ну да, был такой. Сука та еще, вечно в душу лез, добреньким прикидывался. Толстый такой, да?

– Ну! – подтвердил Аржо. – Гнида.

– Гнида, – согласился Мародер.

И добавил целый ряд непечатных выражений, демонстрирующих его отношение к офицерам, служащим в местах лишения свободы.

– И что гостям надо от Веденеева?

– Так откуда ж я знаю. Ты просил выяснить, к кому они приехали, – я выяснил.

– Я не просил, Аржо, ты меня не путай. Я велел, – холодно произнес Мародер. – И не «к кому приехали», а «к кому и зачем». Разницу улавливаешь? И не за спасибо, а за денежку немалую.

– Я выясню, – торопливо пообещал Аржо. – Ты только скажи: плохо это или ровно, что они приехали к Веденееву? Ты сам-то как думаешь?

В трубке повисла пауза, мертвая и ледяная, для Аржо мучительно-невыносимая.

– Как я думаю, ты узнаешь позже. А пока иди работай, долг списывай, иначе придется отдавать целиком.

Каменская

За годы службы бывали в практике Анастасии Каменской разговоры и подлиннее, и потруднее, это правда. Оперативные опросы, допросы по поручению следователя, просто беседы с потенциальными свидетелями, которые, может быть, знают что-то важное, но даже не догадываются об этом, или с преступниками, которые ни за что не хотят ни в чем признаваться. В общем, опыт был. Поэтому ничего необычного для нее сейчас не происходило. Разговор топтался на месте, никуда не двигаясь и не развиваясь. Веденеев-младший закрылся полностью и наглухо, в глаза почти не смотрел, отвечал коротко, но предельно вежливо и негромко. Не возмущался, не гневался, но и на контакт не шел. И причин тому могло быть только две: сложный характер, своеобразие суждений и оценок, в результате чего принимаемые человеком решения и ход его мыслей абсолютно непонятны окружающим, либо ложь и желание ни в коем случае не сказать правду.

Настя колебалась, склоняясь то к одному объяснению, то к другому.

– Я понимаю ваше нежелание публиковать текст, который получил негативную оценку знатока литературы и филологии, – говорила она. – Но почему вы отказываетесь от экранизации? В сериале будет только история и персонажи, все слова напишут сценаристы. Вы получите деньги, в конце концов, разве они помешают? О том, что вы написали неудачный текст, никто не узнает. Что вас останавливает?

– Андрюха говорил, что в титрах будет написано «по повести» и имя автора.

– И что? Если вы не хотите признавать свое авторство, оставьте псевдоним «Андрей Кислов» или любой другой возьмите. Книгу все равно не купить, кто ее прочитает? Если к вам будут обращаться издатели – отказывайте. В конце концов, можно договориться с производителями сериала, что в титрах вообще не будут указывать литературную основу. Кино – и кино. Какие проблемы?

– Нет, Анастасия Павловна. Не уговаривайте меня, я сказал «нет». Никакой экранизации не будет.

Она меняла формулировки, искала аргументы, но каждый новый виток разговора утыкался в глухую стену. Почему-то вся ситуация казалась ей очень похожей на приснопамятный допрос в минувшую пятницу с той лишь разницей, что следователь новых подходов и аргументов не искал,

долдонил одно и то же, как механический попугай, стараясь вывести ее из себя и додавить. Сходство же состояло в том, что ей снова приходилось напряженно слушать и думать, успевая переключиться с мысли на мысль в секундных паузах между словами. Как живут отец и сын Веденевы? Какие они? Как думают? О чем мечтают? Как понять Константина, чтобы найти к нему подход?

Она пыталась извлекать информацию из всего, что на данный момент доступно.

Много книг. Настя во время то и дело возникавших пауз обводила глазами полки, выхватывая названия и имена авторов. Состав библиотеки, собранной человеком, может о многом рассказать.

Голосов Максима Викторовича и Зои совсем не слышно, сперва изредка доносились кое-какие «кухонные» звуки: что-то звякнет, чайник засвистит, но потом наступила полная тишина. Чайник со свистком... Это семидесятые-восьмидесятые, позже основная масса людей перешла на модные электрические, Настя даже рекламу помнила, ее все время крутили по телевизору. Значит, семья привыкла жить не просто экономно, а крайне экономно, Веденевы пользуются старыми вещами, пока те еще служат, и не тратят ни одной копейки, если в этом нет острой необходимости. Судя по одежде, аккуратно поклеенным новым обоям и недавно покрашенным деревянным оконным рамам, они не бедствуют, просто ведут бюджет рационально. Скорее всего, копят на что-то. Наверное, на очередное лечение Константина или на новое жилье.

Но почему же не слышно голосов? Допустим, дверь в кухню закрыта, дверь в комнату Константина – тоже, и между помещениями расположена еще одна комната. Звукоизоляция. Дом ветхий, но постройка старая, довоенная, тогда, наверное, стены возводили более толстые, чем сейчас. Но звяканье-то доносилось... Впрочем, высокие звуки всегда слышнее. Неужели они пьют чай молча? Или разговаривают шепотом? Или хозяин закрыл двери и в кухню, и в проходную комнату? Интересно, почему? Отец трепетно относится к работе сына и привык соблюдать тишину, чтобы не мешать? Может ли быть так, что Константин в семье главный и поставил отца «на подпевки»? Но при этом уважает профессиональное мнение Максима Викторовича, которому не понравилась рукопись, и не хочет его расстраивать? Не вяжется. Расклад должен быть каким-то другим.

Идем дальше. Сын увлеченно зарабатывает на пропитание, отец взял на себя роль хозяйки в смысле быта. Готовит еду, стирает, делает уборку. Нет, совсем не получается. Чувствовал бы себя «хозяйкой» – непременно постучал бы в дверь, предложил гостю и сыну принести чаю. А он не

стучал и не предлагал. Увлёкся Зоей, созерцая ее красоту? Вполне возможно. Только Дзюба говорил, что отец Константина работает в двух местах на суточных сменах, отдыхает и отсыпается полностью хорошо если через день. Как-то плохо такой график сочетается с ролью «главного по быту». А если вспомнить о том, что Константина уже довольно давно интересует вопрос любви-нелюбви между родителями и детьми и лжи между близкими людьми, то становится понятно, что... что ничего не понятно.

– Со мной приехал Латыпов, продюсер из «Старджета», он твердо намерен добиться от вас уступки прав, если я скажу ему, что автор – вы.

– Латыпов? Андрюха говорил о нем. И еще о какой-то Лесе.

– Это редактор. Вы готовы встретиться с Латыповым?

– Не вижу смысла.

Константин впервые за весь разговор слегка улыбнулся и даже посмотрел Насте в глаза.

– Я не могу запретить ему позвонить в нашу дверь. И, наверное, папа ему откроет.

О как, «папа», не «отец». Ласково. Примем к сведению.

– Но ваш продюсер ничего не добьется. Пусть не тратит время попусту. Ему я тоже скажу «нет», – продолжал Веденеев.

– Но поговорить с ним вы согласитесь?

– Я вежливый человек, не привык с порога разворачивать людей, которые пришли ко мне. Если Латыпов захочет лично услышать от меня отказ, он его услышит, мне не трудно.

– То есть вы вежливый и очень упрямый?

– Ну, если вам так удобнее, то – да.

Ничего, Николай Маратович тоже не лыком шит, упрямством природа его не обделила, большим половником в миску наливала. Свою часть работы Настя выполнила, автора повести нашла, наличие препятствий к экранизации установила, а про «уговорить передать права» или «устранить то, что препятствует экранизации» в договоре с агентством ни словом не упомянуто. Вот пусть продюсер сам и уговаривает, и выясняет, откуда взялись эти препятствия, и устраняет их, это его часть. Латыпов все равно захочет лично убедиться, на слово не поверит, он же априори считает, что без его квалифицированного надзора и контроля все будет сделано плохо и неправильно.

Ей очень хотелось спросить, почему Константин так озабочен проблемой нелюбви между родителями и детьми, но она сдерживала свои порывы, вспоминая жену Стасова. Татьяна терпеть не могла подобных

вопросов и ужасно злилась, когда слышала их от журналистов. «Если это действительно личное, то такие вопросы вынуждают меня говорить о том, о чем я говорить не хочу именно потому, что это личное, я по каким-то причинам не могу обсуждать это от своего имени, поэтому использую выдуманных персонажей и выдуманные ситуации. А если это не личное, то журналистам уже не интересно. Никогда нельзя спрашивать писателя о таких вещах, это глупо и неприлично», – неоднократно говорила Таня. Конечно, Каменская не журналист, а всего лишь частный детектив, да и Веденеев не маститый автор, как Татьяна, но урок Настя усвоила: таким вопросом можно человека рассердить. А этого ей совсем не надо.

– Хорошо, – она поднялась и шагнула к двери. – Спасибо, что уделите мне так много времени. Жаль, что у меня не получилось договориться с вами. Но вам еще предстоит беседа с Латыповым, возможно, Николай Маратович окажется более убедительным.

Константин тоже встал из-за стола.

– Я провожу вас.

Ага, вежливый. Ну понятно.

– Не стоит, я помню, где дверь.

Он молча двинулся к выходу из комнаты, медленно, сильно хромя, но без палки. Выйдя в маленькую прихожую, Настя убедилась, что ведущая в кухню дверь действительно закрыта. Но звукоизоляция в квартире точно плохая: едва они с Константином вышли из большой комнаты, раздался голос Максима Викторовича. Значит, шаги он слышал.

– Костик, вы закончили?

– Да, пап, я провожу, не беспокойся.

Отец возник на пороге кухни, у него за спиной возвышалась Зоя.

– Не ты проводишь, а мы проводим, – спокойно поправил Веденеев-старший.

Выражение лица Константина было странным. Безмерное удивление вдруг сменилось озабоченностью и тревогой. Почему? Понятно, он не ожидал, что гостей на самом деле было двое, уверен был, что Каменская пришла одна. Ну, удивился – и удивился, ладно. Но тревога-то откуда? Чем он вдруг так озаботился? Чего испугался? Увидел красивую женщину и забеспокоился, что отец увлечется новой знакомой, влюбится, женится? Глупость какая! Этого обычно боятся подростки, а не взрослые мужчины, когда после смерти матери прошло лет тридцать.

– Я не знал, что вы не одна, – Константин говорил по-прежнему негромко и почти без эмоций, но в его голосе проступили какие-то новые нотки не то холода, не то недоверия.

Настя дружелюбно улыбнулась.

– В нашей профессии женщины редко ездят в командировки в одиночестве, это небезопасно. С напарником все-таки надежнее.

* * *

– Вы голодны? – спросила Настя, когда они с Зоей вышли из дома на улице Панфилова.

– Нет, гостеприимный хозяин влил в меня столько чаю с сухариками, что мне даже дышать трудно. Наверное, нужно звонить нашему командиру, сказать, что мы освободились.

– Давайте сначала поговорим. Без командира.

– Конечно, – Зоя вздохнула. – Однако мне не совсем понятно, почему вы утаиваете от него информацию. Сначала не разрешили ему идти вместе с нами к Веденевым, теперь не хотите, чтобы я при нем рассказывала. Честно признаться, меня напрягают такие игры.

– Это не игры. Это этические правила. Заказчик имеет право получать от нас полную информацию о том, что непосредственно касается предмета договора. В данном случае это авторское право на книгу и обстоятельства, препятствующие экранизации. Но ведь люди, с которыми мы разговариваем, рассказывают не только об этом, понимаете? Мы используем профессиональные навыки, чтобы вызвать к себе доверие, а когда человек тебе доверяет, он может даже ненамеренно рассказать много такого, что не предназначено для... Ну, одним словом, вы меня поняли. Ведь поняли?

Зоя кивнула и снова вздохнула.

– Мне Константин сказал, что книгу действительно написал он, – продолжила Настя, – что Кислов прилагал огромные усилия к ее опубликованию. Что сам Константин был против публикации, потому что считал книгу слабой и плохо написанной, ссылаясь на мнение отца – преподавателя русского языка и литературы, но Кислов не внял его доводам, сделал за свой счет тираж и привез его Веденеву в надежде, что друг обрадуется. Константин своего мнения о книге не переменял за эти годы, поэтому отказался и от экранизации. Кислов был очень расстроен, уговаривал передумать, они созванивались по этому поводу несколько раз. Ну, как-то так, если коротко. Кстати, поведение сестры Кислова теперь выглядит более понятным. У нее были ключи от квартиры брата, она являлась к нему без предупреждения, когда хотела, вполне могла слышать

переговоры Андрея со «Старджетом», сначала его согласие, потом отказ, и быстро сообразила, как можно заработать. А у вас что? Максим Викторович эту информацию подтверждает? Он действительно читал повесть сына и дал резко отрицательный отзыв?

– Мы об этом почти не говорили. Вернее, говорили, но совсем мало. Знаете, Настя, мне кажется, вы были правы, когда взяли меня в эту поездку.

– Почему?

– Вы же знаете, я не люблю много рассказывать. За долгие годы я неплохо овладела искусством задавать такие вопросы, чтобы собеседник часами мог разливаться соловьем, а мне останется только вовремя кивать и приятно улыбаться. Похоже, сегодня у меня удачно получилось.

– И какой же вопрос вы задали? – с любопытством спросила Настя.

– Я всего лишь задумчиво сказала: «Хотела бы я знать, что чувствует отец, когда читает рукопись первой книги, написанной его сыном». Как ни странно, этого оказалось достаточно.

Максим Викторович Веденеев

Он когда-то начинал учителем в школе, затем прошел весь путь от воспитателя отделения до заместителя начальника воспитательной колонии, где отбывают наказание несовершеннолетние осужденные. Не сказать, чтобы Максим Викторович страстно любил свою работу, все-таки он хотел преподавать русский язык и литературу, а не перевоспитывать юных преступников. Не любил, но был благодарен ей за возможность содержать семью.

О том, что в колонию, где он служил, прибыл для отбытия срока сын прокурора области Гнездилова, знали, конечно же, все сотрудники. Знали и недоумевали: как такое могло произойти? Почему прокурор не отмазал сыночка? И ладно бы еще, если б парня за убийство упекли, все-таки тяжкое преступление, хотя при нынешних нравах отмазать можно даже при стопудовых доказательствах, за примерами далеко ходить не надо. Но за кражи... Сошлись на том, что прокурор, наверное, действительно честный. Верилось в это слабо, но других объяснений придумать не смогли.

Примерно через полгода Максим Викторович спохватился, поняв, что давненько не слышал фамилию Гнездилова. Неужели ни прокурор, ни его жена за шесть месяцев ни разу не приехали повидать сына? Несовершеннолетним свидания разрешены без ограничений, и ехать недалеко, малолетки отбывают срок в той области, где проживали и были осуждены, далеко от дома их не отправляют, так еще при советской власти было заведено.

Веденеев вызвал к себе воспитателя отделения, спросил, как ведет себя осужденный Гнездилов, получает ли письма и посылки. Оказалось – ни писем, ни посылок.

– Свиданий тоже не было? – уточнил Максим Викторович. – Может, я пропустил?

– Никак нет, товарищ майор, не было.

– Какой режим у него?

– Пока обычный, согласно ориентировкам из СИЗО. Для перевода на строгий ничего не натворил, облегченного пока не заслужил, льготного тем более.

– Переживает, наверное, что родители не приезжают?

– Да не похоже, – усмехнулся воспитатель отделения. – Скользкий он, если честно. Нехороший парнишка.

– Пришли-ка мне его, хочу посмотреть, поговорить, – распорядился Веденеев.

Когда через полчаса в его кабинете появился Леонид Гнездилов, Максим Викторович даже растерялся на мгновение. Высокий, ширококостный, гориллоподобный парень, которому только-только исполнилось шестнадцать, никак не выглядел на свой возраст. Сладенькая улыбочка не вязалась с наглым взглядом маленьких быстрых глаз.

– Осужденный Гнездилов, третий отряд, статья сто пятьдесят восемь, срок пять лет, – заученно отрапортовал Леонид. – Явился по вашему вызову.

– Ты присядь, – мягко начал Максим Викторович. – Давай побеседуем просто так, без протокола.

Беседа не задалась. Леонид проявил полное равнодушие к тому обстоятельству, что к нему не приезжают, не пишут писем и не шлют передачи.

– Мне ничего не нужно, – повторял он.

– Леня, но это же твои родители, – увещевал его Веденеев. – Твои мама и папа. И старший брат у тебя есть. Неужели ты не скучаешь, не хочешь с ними увидеться?

– А если и хочу, так что, гражданин начальник? Они все равно не едут.

– Можно им написать, попросить навестить тебя. Леня, я в курсе, кто твой отец, и понимаю, что он мог бы не допустить... В общем, мог бы сделать так, чтобы ты здесь не оказался. Но ты здесь. Может, в этом все дело? Ты обижен на него и на всю семью? Тебе кажется, что тебя не защитили?

Будучи профессиональным педагогом, Веденеев ни минуты не сомневался в том, что общение ребенка с родителями бесценно в любом возрасте, но в детском и подростковом – особенно.

– Ничего я не обижен. Они мне не нужны. И никто не нужен. Я сам по себе.

Первая попытка наладить контакт ни к чему не привела. Но мысли о Лене Гнездилове не покидали Максима Викторовича. Он решил не торопить события, подождать, присмотреться к парнишке и к ситуации в целом. Ходили разговоры о том, что прокурор области вот-вот переедет в Москву со значительным повышением, и Веденеев – сам любящий отец сына-подростка, ровесника Лени – был уверен, что уж перед отъездом-то семья наверняка приедет на свидание.

Но никто так и не приехал. И ни писем, ни посылок по-прежнему не было. Воспитатель отделения и начальник отряда то и дело докладывали,

отвечая на вопросы о Гнездилове, что осужденный не демонстрирует раскаяния, грубых нарушений режима не допускает, но отрицательно влияет на других осужденных, провоцирует их, подстрекает, однако сам всегда остается в стороне.

– Была б моя воля – я б его на строгач перевел, – вздыхал начальник отряда. – Но ведь не подпишут, видимых оснований нет.

Решение о переводе с режима на режим принимал начальник воспитательной колонии по представлению начальника отряда. Но если в этом представлении нет выразительных и доказанных фактов, начальник разрешения не даст – хоть лопни. Никому не хочется подставляться под прокурорскую проверку. Зампрокурора по надзору за местами лишения свободы в их области – зверь, обожает проверки и инспекции, докапывается до каждой буковки, по любой жалобе трясет всех подряд. Поговаривают, что после каждой проверки карманы у него оттопыриваются: нарушения можно найти у всех, было бы желание, и каждый закрытый на конкретное нарушение глаз имеет свою цену. Два глаза стоят в два раза дороже.

Наступило лето. Прокурор области давно оставил свой пост и обосновался в Москве. В том году Максиму Викторовичу повезло наконец: отпуск пришелся на июль, не то что в предыдущие годы – или поздняя осень, или ранняя весна. У сына Костика учеба, куда ж уедешь? Только если на рыбалку на три-четыре дня с друзьями, да и то вся душа изболится. Веденеев был так привязан к сыну, что ситуация с Леной Гнездиловым казалась ему невыносимой. Он даже представить себе не мог, как это – по собственной воле не видеть своего ребенка целый год. Должна быть веская причина, и причина эта находится, скорее всего, в самом подростке, а не в его родителях. Не могут взрослые люди в здравом уме добровольно отказаться от своего ребенка, это аксиома. А вот ребенок с дурна ума может наделать глупостей, наговорить черт знает что, и наврать, и оскорбить, и дверь хлопнуть «навсегда». Собственные отцовские чувства казались Веденееву совершенно естественными и имманентно присущими всем, у кого есть дети. Он слишком давно ушел из школы, где можно было бы наблюдать многочисленные вариации отношений родителей с детьми, и слишком давно работал там, где каждая встреча с родственниками – долгожданный подарок и для самого осужденного, и для тех, кто к нему приехал. Свидания с членами семьи являются неотъемлемым элементом процесса воспитания в колониях, и с этой позиции Максима Викторовича было не сбить.

Поскольку путь к месту отпуска лежал через Москву, Максим

Петрович твердо решил разыскать родителей Лени Гнездилова и поговорить с ними. Ничего страшного, если они с Костиком задержатся в столице на пару дней, и город посмотрят, и в дома-музеи Чехова, Цветаевой, Брюсова зайдут, Веденеев давно мечтал об этом, да все как-то случая не было. Заблаговременно напряг приятелей из областного управления внутренних дел, те связались с московскими коллегами и раздобыли новый адрес Виктора Семеновича Гнездилова, ныне судьи судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации.

Москва Костику не особо понравилась, сперва показалась скучной и неприветливой, и в музей идти ему не хотелось, зато потом оказалось, что в магазинах и на радиорынках есть масса интересного для тех, кто дружит с техникой. Максим Викторович не настаивал, снабдил сына картой города и карманными деньгами и отпустил в самостоятельное плавание, твердо зная, что Костя мальчик разумный и спокойный, глупостей не наделает. Однако ж к дому, где жил новоиспеченный судья Гнездилов, поехали вместе: Костик уже успел выяснить, что в том же здании на первом этаже расположен огромный магазин электроники, и собирался тщательно обследовать его, пока отец будет ждать и решать свои вопросы. Максим Викторович сделал предварительные прикидки и пришел к заключению, что ждать появления Ленкиного отца имеет смысл с семи до восьми вечера. Запустил Костика в магазин и занял наблюдательный пост.

Расчет оказался верным. Примерно в половине восьмого к дому подъехала машина, открылась задняя дверь, вышел пассажир. Тот самый, бывший прокурор области, лицо которого было хорошо знакомо. Припарковаться у самого подъезда водителю не удалось, Гнездилову пришлось идти метров двадцать. Вот на этих двадцати метрах Веденеев и подошел к нему. Поздоровался, вежливо представился, назвал имя и звание. Гнездилов удовольствия не выказал, само собой, но остановился.

– Я работаю в воспитательной колонии, где отбывает наказание ваш сын.

Гнездилов ничего не сказал, только молча и выжидательно смотрел на него. Судя по выражению лица, начало ему не понравилось.

– Виктор Семенович, мальчика никто не навещает. Это неправильно, поверьте мне как педагогу, – горячо начал Максим Викторович. – Общение с семьей, с родными необходимо подростку, особенно находящемуся в травмирующей ситуации...

– Вы напрасно стараетесь, – холодно и резко перебил его Гнездилов. – Леонид – вор, преступник, негодяй. В моей семье не может быть вора.

– Но он же ваш сын! – в отчаянии проговорил Веденеев, внезапно осознав, что продуманные и заготовленные заранее слова уже не пригодятся.

– У меня больше нет сына. Старший – есть, младшего – нет. Разговор окончен.

– Ну хорошо, пусть у вас сына нет, но у вашей жены... И у вашего старшего сына есть брат. Неужели можно вот так запросто выбросить ребенка из жизни трех человек?

Максим Викторович изо всех сил цеплялся за остатки надежды, приводил какие-то аргументы, приходящие на ум по ходу дела, но результата не добился. Гнездилов слушал, не перебивая, и ничего не отвечал. Когда Веденеев умолк, сухо бросил:

– Вы напрасно приехали. Мне нечего вам сказать. Леонид больше не является членом моей семьи. Он выбрал жизнь вора, и нам с ним не по пути. Прошу извинить, мне нужно идти.

Максим Викторович развернулся и пошел прочь. Он был так ошеломлен жестокостью судьи, так расстроен, что даже забыл о Костике, болтающемся по огромному магазину среди полок с компьютерами, ноутбуками, телефонами, телевизорами и прочими устройствами, так завораживающими молодежь. Прошагал, ссутулившись, вдоль всего длинного дома, заметил скамейку, присел, достал сигареты, закурил, прокручивая в голове только что состоявшийся разговор. Может, он сам виноват, не с того начал, не так сказал, не те слова подобрал? Как же такое может быть, чтобы все в семье... все как один... выбросили мальчишку за борт и даже руку не протянули, не попытались спасти... ведь подростки – это не закоренелые преступники, им еще можно помочь выправиться, многие из них оступаются по глупости, а не по убеждению или неискоренимой злобности души...

Подростки... Господи, а Костик-то! Веденеев вскочил со скамейки и кинулся назад, к входу в магазин. Сын разгуливал по залу в сопровождении низкорослого черноволосого молодого менеджера в ослепительно-белой сорочке с короткими рукавами и черных брюках, они что-то очень живо обсуждали. Заметив отца, Костик с видимым сожалением распрощался с собеседником и подошел к Максиму Викторовичу.

– Полный отстой, – презрительно заявил он. – Я в компах в сто раз больше понимаю, чем тутошные продавцы.

– Здешние, а не тутошные, – машинально поправил отец.

Он с самого детства старался привить мальчику правильную речь. Пусть не богатую, не образную, не стилистически выверенную, но хотя бы

просто грамотную.

– А я видел, как ты мимо витрины проходил, – сказал Костик. – Хотел за тобой бежать, думал, ты меня потерял, а тут дядька тот вошел и стал по мобилке звонить.

– Какой «дядька тот»? – недовольно нахмурился Веденеев, собираясь в очередной раз сделать сыну замечание.

– Ну тот, прокурор бывший, к которому ты ехал. Я его сразу узнал, ты же мне фотку показывал.

– Фотографию.

– Ну пап... Тебе интересно про прокурора или нет? Я лэптоп рассматривал, а он рядом совсем стоял и разговаривал. Между прочим, про тебя.

Максим Викторович опешил.

– Про меня?

– Ну да. Позвонил и говорит, мол, почему какой-то Веденеев ко мне пристаёт? У него что, есть основания? Как ему вообще пришло в голову ко мне обратиться?

– И все? Больше ничего не сказал? Не спрашивал, как там Леня, здоров ли, все ли в порядке?

– Не, ничего такого не спрашивал. Только ругался с этим Котовым и пугал его.

– С каким Котовым? – не понял Максим Викторович.

– Ну, пап, откуда я знаю, с каким? Он по телефону сказал... Ща, погоди, я вспомню точно.

– Не «ща», а сейчас.

– Сейчас... Вот: «Ты мне клялся, что у Котова ошибок не бывает. А не много ты на себя берешь? Будь любезен, сделай так, чтобы никакие веденеёвы и иже с ними меня больше не беспокоили. И не вздумай попасть в цейтнот, Котов недоделанный, сам знаешь, чем это кончается».

Они уже вышли из магазина и медленно шли в сторону метро. Станция находилась далековато, без малого километр нужно пройти. Начал моросить мелкий теплый дождик, Костик натянул капюшон легкой ветровки, Максим Викторович шел с непокрытой головой и ничего не замечал, задумавшись.

Слова Гнездилова звучали странно и неестественно. Наверное, сын что-то перепутал или не так понял. Кто такой Котов? И почему «недоделанный»? Очень хотелось успокоить себя мыслью о том, что судья звонил кому-то по совсем другому вопросу, но ведь он назвал фамилию... Причем дважды, если верить Костику: сперва сказал, что к нему пристаёт

Веденеев, а потом – «веденеёвы и иже с ними». И почему нужно было звонить немедленно? Почему не подождать пару минут, зайти домой, раздеться и спокойно решать вопросы по телефону? Потому что дома жена и старший сын? При них нельзя разговаривать о том, что приезжал человек из колонии и просил навещать Леонида?

Все равно ерунда какая-то получается. При чем тут цейтнот? И чем это обычно заканчивается? Если речь идет о цейтноте, получается, что некий Котов должен сделать что-то в отношении Лени Гнездилова, и это что-то имеет жестко установленные сроки. Что это может быть? Ну не убийство же... О господи! Вот же чушь какая порой в голову лезет.

– Ты ничего не перепутал? – осторожно спросил Максим Викторович. – Гнездилов именно так сказал?

– Слово в слово, – уверенно подтвердил Костик. – А тебе он что сказал? Пообещал ездить на свидания?

О Лене, к которому никто не приезжает и которому не присылают посылки, Веденеев сыну рассказывал, так что парнишка был полностью в курсе проблемы.

– Нет, сынок, не обещал, – вздохнул Веденеев. – Отказался категорически. Сказал, что у него не может быть сына-вора.

Костик помолчал, потом спросил негромко:

– Ты очень расстроился, да, пап?

– Очень, – признался Максим Викторович. – Мальчишку жалко.

– Ты вроде говорил, что он... ну, нехороший. Чего его жалеть, если он нехороший?

Веденеев усмехнулся.

– Жалеют, сынок, не тех, кто хороший, а тех, кого жалко. Жалеют не по человеческим качествам, а по обстоятельствам.

– Это как?

– Вот, например, внезапно рухнет дом, и все жильцы погибнут. Жильцов много, и они разные. Есть хорошие, достойные люди среди них, а есть и отъявленные мерзавцы, или алкоголики, допустим, мошенники и все такое. Разве тебе придет в голову сказать: «Жалко людей, конечно, но не всех»?

– Пап, до метро далеко еще?

Максим Викторович удивился внезапной смене темы.

– Минуты две-три, а что?

– А давай до следующей станции пешком пойдем, – предложил Костик. – Поговорить охота, а в метро этом дурацком толпа и шум, не слышно ничего.

– Не «охота», а «хочется», – улыбнулся Максим Викторович. – Конечно, давай прогуляемся.

– Ничего, что дождик, а ты без зонта?

– Не растаю. Я же офицер, а офицеры на погоду не смотрят. Да и дождик ерундовый, можно внимания не обращать.

Самыми драгоценными в непростой жизни Максима Викторовича Веденева были вот такие минуты, когда обычно немногословному сыну хотелось подольше поговорить с отцом. Не о компьютерах, не о спорте, а о человеческом. О душе, о чувствах и мыслях.

* * *

Когда Леонида Гнездилова приговорили к пяти годам лишения свободы, ему было пятнадцать с половиной. Через два с половиной года встал вопрос: переводить ли его в исправительную колонию для взрослых или оставить в воспитательной колонии с несовершеннолетними. Закон позволял, если считалось, что «для закрепления результатов воспитательной работы» конкретного осужденного целесообразно оставить в воспитательной колонии до полного отбытия срока либо до условно-досрочного освобождения. Имелось, правда, одно ограничение: оставаться в колонии для несовершеннолетних можно только до 21 года. У Лени Гнездилова со сроками все было в порядке. Даже если он не освободится условно-досрочно, а будет тянуть от звонка до звонка, все равно срок выйдет, когда ему будет только 20 с половиной.

Воспитатель отделения и начальник отряда не любили Гнездилова, называли «тихушником» и «мародером», который никогда открыто не использует свою немалую физическую силу, а действует исподтишка и терпеливо ждет, когда противник истощится и ослабеет, чтобы обобрать его до нитки и в прямом смысле слова, и в переносном. Добивать поверженных, давливать морально раненных, униженных и обиженных – вот что было его коньком. Леонид не стремился быть признанным лидером, находящимся на виду, его прельщала позиция серого кардинала, которого все считают рядовым членом сообщества, но без согласия и волеизъявления которого не принимается и не реализуется ни одно решение.

Максим Викторович все это знал. И про Леонида почти все понимал. Нехороший парнишка, это правда. Гнилой насквозь. Но ведь как жалко его – подростка-недоумка, изгнанного из круга самых близких, самых

родных... Гнездилова переводили на строгий режим, затем снова на обычный, шли месяцы, парню исполнилось 17, через год придется решать вопрос о переводе в исправительную колонию. Веденеев каждый месяц вызывал к себе осужденного Гнездилова и втолковывал, что на взрослой зоне небо покажется с овчинку, и Лене нужно очень постараться, чтобы его не перевели. Если вести себя хорошо, искренне раскаяться, добросовестно учиться в школе, то можно заслужить и облегченный режим, и льготный, то есть досидеть оставшийся срок в достаточно комфортных условиях, иметь возможность даже выходить в сопровождении воспитателей за пределы зоны и посещать всякие культурные мероприятия, например, в музей сходить, на выставку, на концерт или спектакль, на городской праздник. Третья часть срока, после отбывания которой можно ставить вопрос об условно-досрочном освобождении, уже позади, на Гнездилова ходатайство не подавали, потому как не показал себя исправившимся, но ведь впереди еще три с лишним года, так зачем же проводить их за колючкой, если можно постараться и выйти пораньше.

Леонид терпеливо выслушивал майора Веденева, не сводя с него маленьких наглых глаз, потом произносил:

– Все, гражданин начальник? Мне можно идти?

– Ты хоть понял, о чем я тебе говорю? – безнадежно спрашивал Максим Викторович. – Если ты обижен на родителей, это не означает, что нужно нарочно и назло им гробить свою жизнь. Подумай над моими словами, Гнездилов, прошу тебя.

– Так я могу идти?

Каждый раз после таких бесед Максим Викторович давал себе слово больше попыток не предпринимать, но уже через несколько дней понимал, что будет пробовать достучаться до Лени снова и снова. С таким упертым взаимным отвержением внутри одной семьи он сталкивался впервые в жизни. Наличие и матери, и отца у несовершеннолетнего преступника – вещь нечастая, и Веденеев отчетливо видел, что в каждом таком случае оба родителя по-разному относятся к случившемуся. Один из них, чаще всего отец, занимает позицию более непримиримую, мать же готова жалеть и прощать, а то и вовсе не верить в виновность своей деточки. Случается и наоборот, конечно, но в любом случае отношение у двух родителей почти никогда не бывает одинаковым. А вот чтобы так, единым фронтом ополчиться на мальчишку и отрезать его от семьи, – такого Веденеев не припомнил.

Увещевания майора впрок не пошли, и весной 2003 года осужденного Гнездилова перевели в исправительную колонию.

Больше Максим Викторович Леонида никогда не встречал. Спустя годы слышал из разных источников, что Гнездилов, он же Леня-Мародер, круто поднялся в криминальной среде, сделал большие деньги на наркотиках, отсидел второй раз, получив не очень большой срок, а ныне процветает и благоденствует где-то далеко от родных краев. Но связей с областью не утратил и активно поддерживает местного авторитета Аржаева по кличке Аржо, который «держит» половину города.

Веденеев много говорил с сыном о Лене, причем не по собственной инициативе: Костик сам задавал вопросы и мучительно раздумывал о том, почему родители отвергли сына, а брат – брата. Потом вопросы стали реже, а затем и вовсе прекратились, и Максим Викторович сильно удивился, когда Костик дал ему прочесть свою рукопись. Оказалось, что сын думал об этом все годы. Веденею даже на какую-то минуту стало неприятно и обидно, ведь если для Кости такой значимой оказалась проблема нелюбви родителей к ребенку, значит, эту проблему он считает своей. Важной для себя. Актуальной. Неужели Косте кажется, что его недолюбили? Конечно, он рано лишился матери, но Максим Викторович так старался, чтобы мальчик получал всю возможную заботу, внимание, уважение. Он очень любил своего сына и по-настоящему уважал его личность. Может ли быть, чтобы Костя этого не почувствовал?

Впрочем, обида быстро улеглась, хотя надо признать, что в первый момент Максим Викторович не справился с эмоциями и в довольно резких выражениях раскритиковал повесть. Текст и в самом деле был слабым и с точки зрения языка, и с точки зрения композиции, это правда, но ведь можно было и помягче высказаться, поделикатнее...

Оба они, отец и сын, много работали и не очень много общались. Жили бок о бок, любя друг друга и твердо зная, что рядом – родной и надежный человек. Максим Викторович старался задавать сыну как можно меньше вопросов, по опыту зная, что может получиться из гиперопеки и насколько тонка грань, отделяющая родительское внимание от назойливого любопытства. Он никогда не входил в комнату Кости без стука, не спрашивал, куда тот уходит, есть ли у него девушка и почему у него плохое настроение. Хороший педагог, Веденеев-старший всегда вовремя умел показать, что готов выслушать и обсудить, если у его немногословного сына появится желание поговорить и чем-то поделиться.

Желание такое появлялось у Костика в последние годы редко, но отец не считал это проявлением отчуждения или даже нелюбви. Характер, что ж тут поделаешь. А может, это и неплохо.

И вдруг появилась эта женщина, сноха судьи Гнездилова, со странным

именем Лиана. Судья к тому времени уже умер, и вот жена его старшего сына решила найти Леонида, потому что ее овдовевшая свекровь очень уж тоскует. Причина показалась Максиму Викторовичу резонной. Если жена судьи вынужденно терпела разлуку с сыном под нажимом сурового и непреклонного мужа, то воссоединение с Леонидом могло бы и в самом деле вернуть ей радость жизни хотя бы частично. Но зачем Лиана Гнездилова приехала к Веденееву? Неужели она думала, что Максим Викторович назовет ей адрес Леонида? Какая наивность!

– На это я не надеялась, – сказала Лиана. – Понимаете, у меня совсем нет никаких связей в МВД, ни одного знакомого, которого я могла бы попросить собрать для меня информацию. Ленино имя было полным табу при жизни Виктора Семеновича. Если свекор что-то и знал, то никогда не говорил. Единственное, что мне известно точно – в какую колонию его направили после осуждения. Вот туда я и поехала. Там мне сказали, что вы очень интересовались Леней, пока он сидел, наблюдали за ним, и дали ваш адрес. Нужно же было с чего-то начинать, – она виновато улыбнулась. – Да и адрес давать не хотели, говорили, что не положено, пришлось прибегать к весомым аргументам.

Понятно. Если в советское время «кадры решали все», то теперь все решают деньги. А чем он мог помочь? Немногим. Максим Викторович знал только три факта: номер колонии, куда перевели Леонида, наличие второй судимости да его кличку – Мародер. Веденеев поделился с Лианой своими воспоминаниями об осужденном Гнездилове, ничего не утаил и под конец добавил:

– У меня много знакомых осталось в полиции и в службе исполнения наказаний, могу их попросить что-нибудь выяснить, если хотите. Но на это потребуется время.

– Конечно, я понимаю. Спасибо вам.

– Запишите мой телефон и позвоните через два-три дня. Возможно, я уже что-нибудь смогу узнать.

В это время вернулся Костик, и они долго и весело пили чай втроем, обсуждая сначала Леню Гнездилова, потом американский фильм «Отступники», потом психологов-блогеров. Лиана собралась уходить, Костик через свое приложение вызвал ей такси и вышел проводить до машины. Вернулся через десять минут спокойный и молчаливый, как обычно; от недавнего веселого оживления не осталось и следа.

Максим Викторович свое обещание выполнил, позвонил нескольким старым знакомым. Ему было что сообщить Лиане.

Но она больше не объявлялась. Наверное, нашла другую возможность

собрать информацию. А может, решила, что криминальный авторитет Мародер, сделавший колоссальные деньги на наркотиках, – не такая уж большая радость для вдовы судьи Гнездилова.

Аржо

Мародер перезвонил через два часа. Голос его звучал по-прежнему холодно и ровно.

– Отвечаю на твой последний вопрос, Аржо. Это не очень хорошо. И вполне вероятно, что даже плохо. Ты что-нибудь еще узнал?

– Пока ничего. Гости только недавно вышли от Веденеева, я не успел пока...

– Они что, больше двух часов с ним разговаривали?

– Ну... Выходит, что да.

– Тогда это плохо. Будь здоров, Аржо. Работай. Хорошо сработаешь – спишу еще.

Работай! Вот как хочешь – так и понимай. Осторожным стал Мародер, слова лишнего не скажет, не верит никому. Раньше он таким не был. Меняют деньги человека, ох, меняют.

Но что-то в голосе Мародера пугало Аржо. Пугало так, что он буквально терял рассудок.

– Вайс! – завопил он, распахивая дверь, ведущую в длинный коридор. – Быстро ко мне!

Каменская

Когда Зоя закончила пересказ своей беседы с Веденеевым, мороженое в ее креманке совсем растаяло. Они сидели в маленьком кафе, куда от улицы Панфилова дошли минут за пять.

– Все-таки филолог есть филолог, – задумчиво проговорила Зоя.

– Вы имеете в виду оценку рукописи Константина?

– Да нет, я про Котова. Максим Викторович несколько раз возвращался к тому телефонному звонку, который случайно подслушал Константин, ему прямо покоя не давало словосочетание «Котов недоделанный». Оно и вправду слух режет.

– Режет, – согласилась Настя. – И я даже знаю, почему. А что сам Веденеев считает?

– Говорил, что «недоделанный» должно относиться к роду занятий, к профессии, но никак не к фамилии. Можно сказать, например, «писатель недоделанный», или танцор, даже политик – и то можно. Но в сочетании с фамилией все теряет смысл. «Иванов недоделанный»... Глупо.

– А если фамилия является общеупотребительным синонимом профессии? Вот вы играете на скрипке, приведу понятный вам пример: скрипача, который считает себя виртуозом, но на самом деле играет очень плохо, как можно назвать?

– «Гарретт недоделанный», – Зоя рассмеялась. – И в самом деле. «Плисецкая недоделанная» – балерина, которая плохо танцует, но претендует на роль примы. Станиславский – синоним профессии режиссера, Лев Толстой – писателя. Да, вы правы. А Котов... Я даже не припомню известных людей с такой фамилией.

– Я тоже, – призналась Настя. – Но ведь это поправимо, правда? Теперь можно звонить отцу-командиру, он, поди, весь извелся уже. Только давайте договоримся: рассказывать буду я сама. Хорошо? Мы с вами влезли в очень деликатную ситуацию, придется проявлять крайнюю осторожность.

Брови Зои чуть приподнялись, выражая недоумение.

– Мы с Константином общались около двух часов. Разговаривали о его книге. Я задавала великое множество вопросов. И он ни разу – понимаете? – ни разу не назвал фамилию Гнездилова, не рассказывал о поездке в Москву и ни словом не упомянул о том, что Леонида искала некая Лиана. Вся повесть написана под влиянием истории Леонида Гнездилова, Константин обдумывал ситуацию много лет, обсуждал

неоднократно с отцом, она не шла из головы. И когда приходят и расспрашивают о твоей первой и единственной повести, разве не естественным было бы как-то осветить предысторию?

– Наверное, характер такой, – предположила Зоя. – Замкнутый, недоверчивый, лишнего слова не произнесет. Или травма в прошлом.

– Например?

– Например, был очень открытым и разговорчивым, а потом кто-то выговорил ему, что болтает много лишнего, растекается мыслью по древу и забывает эфир тем, что никому не интересно. Это весьма болезненно, поверьте. После такого человек вполне может начать тщательно фильтровать все, что говорит, и следить за каждым словом.

– Да, такое может быть. Или кто-то воспользовался его разговорчивостью ему же во вред. Но возможно, дело не только в характере Константина, но и в Лиане Гнездиловой, о которой он столь старательно умалчивал. Вы заметили, как он испугался, когда понял, что вы все эти два часа разговаривали с его отцом?

– Не заметила, – покачала головой Зоя. – Я на вас смотрела, хотела понять, довольны вы результатами беседы или нет.

Пока Зоя вычерпывала ложечкой растаявшее мороженое, теперь больше похожее на йогурт, Настя позвонила Латыпову, тот перекинулся парой слов с водителем и сказал, что подъедет к дому на улице Панфилова через 6–7 минут.

– Побежали, – скомандовала Настя. – Мы с вами ни в каком кафе не были и никакой информацией не обменивались, это понятно?

Зоя молча кивнула, торопливо натягивая куртку. Настя оставила на столе деньги, не дожидаясь счета, сейчас каждая минута дорога: когда подъедет Латыпов, обе дамы должны стоять возле подъезда с невинными лицами. Как школьницы, прогулявшие урок, проскальзывают мимо директора с таким видом, будто выходили из здания просто воздухом подышать на перемене, так и они... Одна бабушка уже, другая пенсионерка. Смешно.

* * *

Вечерних рейсов из местного аэропорта оказалось немало, и Настя порадовалась, что зарегистрировалась по телефону и, поскольку все трое летят без багажа, можно не стоять ни в каких очередях. Латыпов мрачно молчал: разумеется, он захотел сам встретиться с автором книги и,

разумеется, ничего не добился. Впрочем, лично для него это было не «разумеется», как для Насти Каменской, а «как ни странно», ибо Николай Маратович был уверен в своих возможностях уговаривать и убеждать.

Они распечатали посадочные в автомате неподалеку от стоек регистрации, подошли к воротам на посадку, достали паспорта с вложенными в них талонами, и вдруг продюсер обратился к девушке в униформе авиакомпании:

– Пусть дамы проходят в салон, а я остаюсь. Вы там пометьте у себя в компьютере, что я отказался от полета.

Зоя изумленно посмотрела на него, а Настя импульсивно схватила Латыпова за рукав и тут же отдернула руку.

– Николай Маратович... – начала она.

Но Латыпов словно не слышал ее, он уже был полностью нацелен на выполнение своего решения.

– Ну что там? – раздался сзади сварливый женский голос. – Проходите уже, не задерживайте.

– Без вас не улетят, – насмешливо ответил какой-то мужчина. – Куда вы так торопитесь, мама? Разбиться поскорее?

Очередь недовольно загудела, и непонятно было, то ли сердились на неожиданную задержку, то ли на циничную шутку в не самый подходящий момент. Зять и теща... Хрестоматийная ситуация из расхожих анекдотов.

– Пометьте, – настойчиво продолжал Латыпов. – Не считайте меня опоздавшим и не объявляйте по громкой связи. Я никуда не лечу. Насчет того, что возврат денег за билет уже невозможен, я в курсе.

Настя собралась было уговаривать его передумать, но остановилась. Да пусть делает что хочет! Ей-то какая разница? Намерен попробовать еще раз – ради бога. Она устала, ночь в поезде отзывалась песком в глазах и мутью в голове, и еще полночи предстояло не спать. В конце концов, она не нянька заказчику, а всего лишь исполнитель договора.

– Удачи вам, Николай Маратович, – коротко бросила она, получила назад свой отсканированный талон и пошла по коридору к автобусу.

Через несколько шагов ее догнала Зоя.

– Круто он.

– Деньги, – пояснила Настя. – Ну и самолюбие, конечно, не без этого.

Аржо

Человек, отправленный наблюдать за московскими гостями вместо неудачно спалившегося на вокзале парня, сначала посылал сообщения: «Подъехали к аэропорту», «печатают талоны», «покупают жвачку и кофе», «пошли на безопасность». Потом позвонил.

– Слышь, Аржо, мне через безопасность не пройти, у меня билета нет. Но там гейт недалеко, мне отсюда видно. Они в очередь на посадку встали.

– Точно они?

– Да точно, там одна баба три километра в высоту и бейсболка красная на голове, их ни с кем не перепутаешь. Короче, ты... это... Ну, можешь не париться, они улетают. Даешь отбой?

– Даю. Можешь идти.

Вроде ничего такого, из-за чего Мародеру нужно было бы волноваться. О чем эти люди два часа разговаривали с Веденевым? Неизвестно. Но ведь потом мужик по фамилии Латыпов заходил в дом еще раз и тоже надолго. Зачем? Что такого они там выясняли? С другой стороны, кроме Веденева москвичи ни к кому больше не ходили, сначала в ресторане посидели втроем, никто из местных к ним не подсаживался, потом погуляли по улицам немного. Ни к полиции, ни к другим нехорошим местам даже близко не подходили. Мародер говорит, что Латыпов этот вроде киношник, продюсер какой-то, снимает сериалы. Продюсер и две бабы – частные детективы? Ничего себе компания!

– Ты напрасно дергаешься, Аржо, – заметил Вайс. – Если продюсер и два частника притащились в такую даль к тому, кто много лет пахал на зоне, это может означать только одно: они хотят снимать кино про конкретно эту зону. Им консультант нужен или человек, который может посоветовать, к кому лучше обратиться, чтобы разрешили съемки неподалеку от закрытого объекта и провели киношников внутрь, показали, что там и как устроено. Вот тебе весь расклад до копейки.

– Думаешь? – с сомнением спросил Аржо. – С чего такая уверенность? Самый умный, да?

– С того, что на фиг им было переться в такую даль, когда и в самой Москве, и рядышком полно людей, которые могут их проконсультить. В столице вообще целая ФСИН, хватай любого и бабки плати – он тебе даже внутренний план зоны нарисует и места караулов пометит.

– С чего тогда им наша областная зона упала? Других нет?

– Бабушки, – спокойно заметил Вайс. – Разрешение на натурную съемку денег стоит. В Москве вообще запредельные цены, в провинции существенно дешевле. Они прозондировали почву в нескольких областных администрациях, сравнили стоимость, выбрали, где самая низкая.

– Допустим, – согласился Аржо.

Аргумент ему понравился, он был логичным. Аржо всегда видел логику там, где речь заходила о деньгах.

– А частники зачем?

– Ну ты даешь, Аржо! Да они не частники в данном случае, а тоже консультанты, разве не понятно? Собираются снимать кино про зону, причем события происходят не сейчас, а сколько-то лет назад. Кто может быть лучшим консультантом, если не бывший ментяра? И кто может рассказать про зону десятилетней давности, если не ее бывший сотрудник?

Это успокаивало. С одной стороны. Но с другой – выбивало из рук прекрасный повод прогнуться перед Мародером и списать еще немножко с того огромного долга, который висит на Аржо. То, что говорил Вайс, не нравилось, крылья подрезало. Само собой, Мародер будет рад хорошим новостям, но хорошие новости, равно как и плохие, уже, как говорится, входят в стоимость. А вот если представится возможность сделать что-то сверх того, то...

Получив от своего человека отчет об отъезде москвичей, Аржо даже огорчился немного. Было бы славно, если бы они с кем-нибудь из полиции встретились или хоть в здание УВД зашли, тогда можно было бы поднять волну, заставить Мародера нервничать и под эту марку оказать ему бесценную услугу. Хотя какая уж тут услуга? Почему Мародер должен психовать из-за того, что какие-то столичные людишки встретились с бывшим сотрудником зоны, где оба они, Мародер и Аржо, мотали свои первые сроки? Ничего эдакого ни за одним из них не числилось. Ну да, Аржо подстукивал в оперчасть, за это и облегченку получил в свое время, а Мародер... Хотя хрен его знает, может, и он тоже? Мародер умный и осторожный, еще пацаном таким был, мог так зашифроваться, что никому и в голову не пришло. И от облегченки отказался, чтоб никто не задался вопросом: за что? Правда, Аржо не припоминал, чтобы Ленька-Мародер в оперчасть шастал или хотя бы к начальнику отряда. Но к Веденееву его вызывали неоднократно, это Аржо помнил хорошо. Да и Мародер сам признал сегодня, что зам по воспиталке вечно в душу к нему лез со своими праведными разговорами... Ведь это мог был хитрый ход. Аржо как дурак стучал напрямую операм, а Ленька – по-умному, через Веденеева, к которому ходил на якобы воспитательные беседы. Стучать нехорошо.

Среди малолеток законы не такие строгие, но Мародера перевели на взрослую зону, и как знать, не передали ли «источник» из рук в руки новым операм на новом месте. Если передали, а теперь просочилось... Тогда Мародеру не позавидуешь. Его авторитет будет подорван бесповоротно.

Вайс – голова. Все объяснил и по полочкам разложил. Чем больше Аржо думал, тем больше верил в слова своего ближайшего сподвижника. Мародер тоже умный, но не такой, как Вайс. Он про съемки кино никогда в жизни не сообразит. Значит, нужно, чтобы он думал о плохом и только о плохом.

Аржо присел за письменный стол в кабинете, взял ручку и обычный лист белой бумаги, написал число. То самое. Его долг Мародеру. Посмотрел задумчиво – выглядело противно. Внутри все задержалось, подкатила тошнота. Оторвал от стопки стикеров желтый квадратик, написал число на нем. Вышло еще хуже: число заняло всю бумажку от левого края до правого. Нулей-то до фига. И с этим нужно что-то делать. Хотя бы один нулик скостить – уже полегче было бы.

Открылась дверь, заглянула подруга.

– Ты идешь? А то я там скуча-аю, – многообещающе протянула она.

– Пошла вон отсюда! – грубо выкрикнул Аржо. – Я занят. Освобожусь – приду. Сгинь.

Подруга фыркнула, но дверь закрыла молча, ничего не ответила. Привыкла, наверное. Впрочем, за такие бабки, какие он ей выдает, и не к такому привыкнешь.

Пора звонить Мародеру. Только нужно настроиться и сосредоточиться. Подготовиться как следует, момент-то ответственный.

– Москвичи улетели, – сообщил Аржо, пытаясь контролировать голос, чтобы не выдать нервозности и напряжения. – Но Веденева как следует потрясли.

– Два часа – это, по-твоему, много? – язвительно осведомился Мародер.

Он всегда, еще с зоны, вел себя так, словно Аржо на три порядка глупее. Аржо всегда принимал это как должное, но сейчас почему-то разозлился.

– Не два часа, а намного больше, – он повысил голос. – Они потом еще раз приходили. Сначала вышли, о чем-то совещались, потом вернулись. Похоже, Веденеев рассказал им много интересного.

– Ага, о своей тяжелой жизни, – равнодушно откликнулся Мародер. – О том, как он таких, как мы, перевоспитывал, живота не щадя.

Аржо слушал внимательно. Так внимательно, что уловил в словах и в

тоне собеседника нечто совсем не похожее на равнодушие. Врет Мародер, прикидывается незаинтересованным, думает, Аржо совсем тупой. Сам же говорил, что визит москвичей к Веденееву – скорее плохо, чем ровно, а теперь делает вид, что ему фиолетово. Было бы фиолетово – он бы вообще в голову не взял, что какие-то столичные частники в его родной город приехали. Мало, что ли, людей туда-сюда ездят? И уж тем более не стал бы денег предлагать в счет списания долга. Нет, крутит что-то Мародер, точно крутит, темнит. Пора начинать атаку.

– Мне этот Веденеев еще тогда не нравился, – заявил Аржо. – Мутный он был тип, опера все у него на подсосе сидели, он им инфу сливал.

– Операм все сливали. И ты тоже.

Все еще изображает спокойствие, а голосок-то дрогнул. «Зацепил я тебя, – злорадно подумал Аржо. – Надо быстрее крутить дальше, пока ты не опомнился».

– Я слышал тут по случаю, тема такая нарисовалась, в общем, менты себе кусок бюджета отгрызли, чтобы платить бывшим сотрудникам, которые сдают свои источники. Сам знаешь, у них в ментовке бардак и постоянные внутренние войны, информационные связи давно нарушены, преемственности нет. Теперь вот спохватились. Особенно по малолеткам шустрят. Кто двадцать лет назад был малолеткой, тот теперь в силу вошел, многие в авторитете, а кто и в политику двинул, компра на них не помешает. Сечешь, к чему я веду? Веденеев-то как раз из таких, кто может много полезного рассказать.

Про разрушение информационных связей и преемственности Вайс без конца талдычит, даже debil выучит. Все остальное было, конечно, наспех состряпанной лажей, но достаточно правдоподобной, чтобы заставить в первый момент вздрогнуть.

Мародер молчал. И не поймешь, то ли скучно ему слушать про такое, то ли страшно.

– Вот и из Москвы к нему приехали поэтому. Ментам в открытую соваться резона нет, они частников наладили, своих бывших коллег, а киношник этот, Латыпов, вообще не при делах, он с любовницей приехал за компанию.

– С любовницей?

– Ну да, с одной из этих баб. Мне человек мой сказал, который на вокзале их встречал. Говорит: видно невооруженным глазом. Так что Веденеева они вытрясли до основания, можешь не сомневаться. И вообще Веденеев...

– Заткнись! – вдруг проорал Мародер. – Достал уже! Сделай так,

чтобы я больше этого имени не слышал! Никогда!

– Как скажешь, Мародер, – с улыбкой ответил Аржо. – Доброго тебе здоровья и спокойной ночи.

Ну вот и хорошо. Он положил телефон на стол, нажал кнопку диктофона, чтобы отключить запись. Теперь можно сделать все, что нужно, и потребовать у Мародера очередную финансовую поблажку. Основания? Уже есть. И не отвертится.

Каменская

Их с Зоей места были в салоне эконом-класса, Латыпов, как настоящий барин, взял себе билет в бизнес-класс, и теперь его кресло пустовало. У Насти сердце кровью обливалось, когда она смотрела, как длинноногая Зоя пытается устроить конечности в невообразимо узком пространстве между своим сиденьем и спинкой впереди стоящего кресла.

– Давайте попросим бортпроводников пересадить вас на место в бизнесе, – предложила она. – Все равно же оно оплачено. Надо было мне сразу сообразить и еще на посадке договориться!

Но Зоя отказалась пересаживаться.

– Не переломлюсь. А вот жена моего сына наверняка согласилась бы. Более того, еще и селфи сделала бы с хорошим обзором, чтобы точно было видно, что бизнес, и тут же в «Инстаграме» разместила бы с соответствующим комментарием.

Опять «жена сына»! Может, перестать уже стесняться и спросить?

– Вы правы, – ответила Зоя с усмешкой. – Я благодарна ей за то, что она делает Женю счастливым, поэтому терплю молча. Но именно терплю. У нас с ней непримиримые идеологические разногласия.

– В политических вопросах?

– Если бы! В политике любая позиция имеет право на существование, о ней можно спорить, не переставая уважать оппонента. А то, что делает... – Зоя запнулась на мгновение, – что делает жена сына, это потворство саморазрушению. У меня к этому такое же отвращение, как к наркоторговле. Но она этим зарабатывает, к сожалению. И основную часть работы может выполнять удаленно, что также немаловажно для кормящей матери.

– Господи, да что ж такого страшного она делает?

Включилась громкая связь, и им пришлось прерваться, чтобы не перекрикивать мерное оглашение правил поведения «в целях безопасности полета» и порядка использования кислородных масок. Наконец динамик щелкнул и умолк, самолет подрулил к взлетной полосе, бортпроводники уселись на откидные сиденья.

– Так что про жену сына? – настойчиво спросила Настя, опасаясь, что Зоя уже забыла вопрос и не собирается отвечать.

– Она зарабатывает на обмане. На тупом и бессмысленном вранье. И хуже всего то, что на такое вранье есть спрос, причем очень высокий. Она –

дизайнер-реквизитор для фейк-фото. Это один из множества сайтов, на которых можно заказать арендную фотосессию. И еще делает сайты для тех, кто торгует брендовыми упаковками. Пакет от Шанель – до трехсот пятидесяти рублей, если нетронутый, а от Луи Виттона – до пятисот пятидесяти и даже дороже, цена зависит от размера. Если бэушные – то существенно дешевле, можно рублей за пятьдесят приобрести. Покупаешь на сайте такой пакет, кладешь в него три майки, купленные на распродаже или в секонд-хенде, и фотографируешься, типа ты только что отоварилась в «Луи Виттоне» и идешь домой с покупками, счастливая и довольная. Выкладываешь фотки и собираешь лайки и завистливые комменты, мол, с ухажером повезло, денег на шопинг не жалеет, ну а как иначе, ведь ты такая красавица. Самое противное, что девочки, которые видят эту фотографию, прекрасно знают, что пакеты можно купить без проблем, и сами точно так же поступают, но в комментариях никто об этом даже не заикается. То есть они приняли правила игры – не жить в реальном мире, а поселиться в мире фальшивом и выдуманном и изо всех сил делать вид, что этот выдуманный мир – настоящий.

Про пакеты Настя знала давно. Когда-то к ним в агентство обратилась супруга весьма состоятельного бизнесмена с требованием найти среди прислуги их огромного загородного дома того, кто ворует у нее эти пакеты.

– Вернусь с шопинга – пакетов десять-пятнадцать как минимум домой приношу, – сетовала клиентка. – Еще раз все перемерю, посмотрю, как и что с чем сочетается, а горничная потом развешивает в гардеробной. И несколько раз я замечала, что горничная еще не убрала вещи, они так и лежат, как я их оставила, а пакетов явно меньше. Сначала решила, что показалось. Но во второй раз уже прицельно пересчитала. И в третий тоже. Туфли от Джимми Чу стоят, коробочка рядом валяется, а пакета нет. Но я же в чем-то эту коробочку принесла! Не в руках же тащила. Платье от Лагерфельда есть, а пакета снова нет. Вы поймите, пакеты все равно выбрасывать, мне их не жалко. Но если кто-то их берет – я должна знать, кто и зачем. Воров среди своего персонала я не потерплю.

Договор заключили, хотя и долго смеялись после ухода клиентки, а пропажу пакетов разъяснили буквально за несколько часов. Тогда еще Семен работал в агентстве, это был его заказ... Оказалось, пакеты брали двое. Один – когда их уже выносили, чтобы выбросить, поэтому пропажу хозяйка никогда не замечала. Второй подключился позже, узнав о легком способе непыльного заработка, но первый, более проворный и предприимчивый, уже всю торговал упаковками с собственного сайта и делиться не захотел. Осталось только проявлять ловкость на начальных

этапах, пока пакеты еще не вынесли из хозяйских покоев. Много брать нельзя: первый, он же главный, сразу сообразит, что к чему, если пакетов станет заметно меньше. А по две-три штучки – в самый раз.

– Про пакеты я поняла, – сказала Настя. – А арендная фотосессия?

– Такая же гадость. За четыре-пять тысяч рублей можно заказать себе фотосессию в любом интерьере вплоть до средиземноморской яхты. Если еще приплатить, причем совсем немного, тебе в аренду предоставят не только якобы яхту или личный самолет, но и красивого самца с параметрами по запросу. Рост, возраст, цвет волос, тип телосложения. Даже расовую принадлежность оговаривают. Самец за свой гонорар оденется, как вы захотите или как посоветует дизайнер-реквизитор, и будет принимать красивые позы, которые свидетельствуют о том, что он от вас без ума и готов прямо сейчас сначала тащить в койку, потом жениться и отдать вам все свое состояние. Вам кажется, что это бред?

Настя покачала головой. Он знала совершенно точно, что это не бред. Приходилось сталкиваться, когда искали и анализировали информацию о фигурантах, особенно при выполнении заказов на проверку кандидатов в женихи-невесты. Но ей интересно было выслушать точку зрения Зои. У самой Насти все эти постановочные картинки вызывали только смех, но никак не отвращение или презрение. Все не то, чем кажется. Надо просто очень хорошо, накрепко вбить этот закон себе в голову, тогда отношение ко многим вещам станет легче и проще.

– Это не бред, это реальность. Но мне кажется, что ваша реакция несколько... избыточна, что ли. Цифровой мир предоставляет людям массу возможностей развлекаться, и что плохого...

Она не успела договорить, Зоя резко прервала ее:

– Цифровой мир отрывает людей от реальной жизни, живя в цифровом мире, они теряют представление о том, как устроен мир реальный. Можно до бесконечности строить из себя принцессу на горошине, которую жених катает на личном самолете в Милан за тряпками, и можно даже более или менее успешно морочить голову окружающим, выдавая себя за того, кем не являешься. Но реальная жизнь тебя все равно достанет, и что ты станешь тогда делать? Забеременеешь – и никакой цифровой гаджет за тебя ребенка не выносит, беременность не сохранит, и когда схватки начнутся – не родит вместо тебя. Нехватку лекарств и оборудования в больнице тебе, принцесса, придется испытать на собственной шкуре, а не на любимом айпадишке. И смириться с тем, что ребенок, не приведи господи, родился с неизлечимым заболеванием, тоже придется тебе самой. И все решения в связи с этим принимать. Живя в цифровом мире, можно ничего не решать и

ни за что не отвечать. Можно врать себе и другим, поливать людей грязью, хамить и оскорблять, спрятавшись за ник и аватарку с кошечкой и точно зная, что тебе за это ничего не будет. Не придется смотреть в глаза обманутому или оболганному. Не придется рисковать реально получить в дыню. Можно не объясняться с обидчиком, а за полсекунды забанить его. Все легко и просто. Снимаются внутренние запреты и ограничения, расцветает коммуникационная распушенность, но самое главное – атрофируется способность понимать окружающий реальный мир, принимать его и адаптироваться к условиям. Цифровой мир полон соблазнов, как и мир наркотиков: минимум усилий – максимум удовольствия. У меня нет претензий к ребенку, который предпочитает играть на компе, а не читать бумажную книгу или смотреть детский спектакль в театре. Он – ребенок, и он более подвержен соблазну. Он – ребенок, и его можно и нужно простить. Но у меня есть серьезные претензии к его родителям, которые уступили соблазну «заткнуть» любознательное и активное чадо компьютером и не тратить силы и время на то, чтобы разговаривать с ним, читать ему вслух или рассказывать что-то интересное. Ведь для того, чтобы стать для ребенка интереснее компьютера, нужно очень и очень постараться, нужно приложить немалые усилия, а напрягаться никто не хочет, потому что отвыкли: компьютер давно приучил их гуглить, а не думать, копировать, а не осмысливать и запоминать. Поэтому у меня такие же серьезные претензии к жене сына. Она не ребенок, она взрослый человек, имеющий двоих детей, и она не может не понимать, в какую игру люди играют с ее помощью и чем эти игрища в конце концов закончатся. Жена сына помогает людям обманывать даже не других, а самих себя. Я уже говорила: других не обманешь, они все такие и прекрасно знают, откуда берутся самолетики, яхточки, интерьерчики и мальчишки. Девочки, которые за пять тысяч рублей создадут себе иллюзию и будут в этой иллюзии жить, никогда не смогут выстроить нормальных отношений ни с кем. Ни с мужчинами, ни с подругами, ни с собственными детьми. Мальчиков это тоже касается, с ними та же история, и девочку для фотосессии можно нанять любого вида и качества. Я не могу уважать человека, который сознательно строит свой пусть небольшой, но все-таки бизнес на чужой глупости и слабости, зная, что потребителя услуг ждет катастрофа. Для меня это все равно что пьяного обобрать.

Зоя умолкла и достала из сумки наушники.

– За сегодняшний день я исчерпала ресурс говорения на ближайшие две недели. Надеюсь, вы не обидитесь, если я помолчу.

– Конечно, отдохайте. День был непростым.

Настя откинула спинку кресла и прикрыла глаза. Заказ, похоже, выполнен до конца. Хотя... Если настырный Латыпов сумеет завтра разговорить Константина Веденева и тот расскажет ему про визит Лианы Гнездиловой, то все может обернуться продолжением банкета. Очень похоже, что у Константина с этой Лианой случился роман. Лиана – замужняя дама, супруга старшего сына судьи Гнездилова, посему понятно, что отношения скрываются. Не только от посторонних, но и от родного отца, единственного близкого человека. Может ли Лиана быть причиной того, что Константин отказался от экранизации? Повесть прочитана, она понравилась, по ней хотят снять сериал, и негативный отзыв отца, данный много лет назад, уже может быть отодвинут на задний план. Если стесняешься неудачного текста – продай права и попроси не указывать в титрах литературную основу, это же элементарно. Но ведь и на это предложение Веденев твердо ответил отказом. Выходит, теперь дело не в критических высказываниях отца. А в чем тогда? Может, и в самом деле в Лиане?

Настя вздрогнула, услышав: «Уважаемые пассажиры! Наш самолет совершил посадку в московском аэропорту Домодедово имени Михаила Васильевича Ломоносова...» Оказывается, она задремала и не заметила. Домодедово имени Ломоносова. В совокупности с гневной речью Зои о фото-фейках и пакетах эти слова только усиливали ощущение бредовости и безумия окружающего мира. Может, ей, Анастасии Каменской, тоже пора уйти во внутреннюю эмиграцию? Мир никогда не станет окончательно безумным, если сохранить разумность и нормальность хотя бы в своем крошечном личном мирке.

Вадим

Заведение было, прямо скажем, «не Версаль». Бар с претензией на некоторый шик при средней руки бордельчике. Ну, в полном смысле слова это был, конечно, никакой не бордель, а вовсе даже мини-отель, где номера сдавались почасово, и люди сюда приходили не в поисках партнера для быстрых утех, а уже сложившимися парами. Другое дело, что пары эти далеко не всегда были устойчивыми, и зачастую сюда тащили того, с кем познакомились всего полчаса назад. Есть, конечно, и постоянные парочки, и постоянные клиенты, приходящие с разными партнерами. Одним словом, народец разнообразный, но настоящих проституток здесь можно было встретить крайне редко.

Доступ к домашнему компьютеру Светланы Дмитриевны Гнездиловой Вадим получил давным-давно, еще когда только приступил к тому непонятному, но очень дорогому и сверхсекретному заказу. Делов-то... С того момента он знал о каждом ее знакомстве на сайте и о каждой встрече. И о том, что Светлана после короткой череды «красивых» свиданий в более или менее приличных местах быстро скатилась вниз, до уровня вот этого самого бара, ему тоже было прекрасно известно, как известно и то, что своих кавалеров она домой не приглашает и к ним не ездит. Номер в таком отелечике – самое оно: и близко от места встречи, и квартиру не обнесут, и вообще не так опасно, как дома за запертой дверью.

Сегодня у Светланы Дмитриевны очередное свидание. Можно было бы разыграть типовую комбинацию, написать ей на сайте знакомств, вступить в контакт, поморочить голову всякими бреднями, насыпать кучу комплиментов ее внешности и уму, ну, короче, все как обычно. Потом договориться о встрече в реале. Не обманывать, вывесить настоящие свои фотографии: Вадиму стесняться нечего, внешность у него хорошая.

Но такая схема требует времени и возни. Подгоняемый обидой на шефа и ненавистью к Горбызле, он не хотел ждать. Поэтому выбрал путь легкий и быстрый, хотя и чуть более затратный. Кроме того, необходимо внести разнообразие в ситуацию, уйти от привычного шаблона «сайт – отель», чтобы Светлана повела себя иначе.

Гнездилова заметно сдала за последние полгода. Все-таки алкоголь не идет на пользу женской внешности, особенно в таком возрасте. Но все равно она была очень хороша для своих лет, а по сравнению с тем, как выглядела при жизни мужа, – вообще звезда экрана. Кавалер у нее сегодня

так себе, средней паршивости, суетливый и какой-то потрепанный, но пьет, к сожалению, совсем немного, так что на «мордой в салат» рассчитывать, похоже, не придется. Ладно, пустим в ход тяжелую артиллерию, даром, что ли, деньги заплачены.

Эффектная брюнетка с потрясающей фигурой и длинными гладкими блестящими волосами уселась за барной стойкой рядом с кавалером Светланы именно в тот момент, когда Гнездилова отошла попудрить носик. Молодец, девчонка, отлично работает, гонорар отрабатывает по полной. Когда Светлана вернулась, мужичонка уже сидел один и с озабоченным видом держал перед собой телефон, изображая чтение неожиданного и важного сообщения. Вадим видел, как огорченно вытянулось лицо Светланы, когда кавалер уходил, и каким ошарашенным и раздавленным оно стало, когда женщина увидела, как у самой двери на улицу красивая молодая брюнетка в меховом жилете прильнула в страстном поцелуе к тому, с кем сама Светлана Дмитриевна собиралась провести время сначала здесь, а потом в номере на втором этаже.

Гнездилова заказала очередную порцию, бармен кивнул и потянулся за стаканом на стойке. Стакан, не бокал. Значит, что-то крепкое. Пора.

Вадим неслышно подошел сзади и, когда бармен поставил перед Светланой напиток, протянул руку через ее плечо и отодвинул стакан.

– Не нужно, – проговорил он мягко. – Вы такая красивая женщина, и он вас не стоит. Поберегите себя.

– Для кого? – Светлана подняла на него полные злых слез глаза. – Для тебя?

– Это было бы идеально, – улыбнулся Вадим. – И я был бы счастлив.

В целом все оказалось не так уж сложно, все-таки месяцы наблюдений дали свой результат: Вадим неплохо изучил вдову судьи Гнездилова. За сексуальную составляющую он не опасался, с этим вопросом у него всегда был полный порядок, и ни возраст женщин, ни их внешность роли не играли. Он знал, что ему нужно, чтобы все прошло хорошо.

В отеле они пробыли до утра и, расставаясь, договорились встретиться здесь же вечером. Пока все шло как по маслу.

Латыпов

Николай Маратович не мог простить себе вчерашней минутной слабости. Нужно было, услышав, что первый раунд переговоров прошел без успеха, сразу принять решение остаться в этом городе, спокойно все продумать, подготовиться и на следующий день прийти к строптивому Веденееву с новым набором аргументов. Но Латыпов изначально настроился на то, что проведет как минимум полдня в обществе Зои, потом аэропорт, перелет, снова аэропорт, предложение подвезти ее домой, а там – кто знает... Он влюбился мгновенно и неожиданно для самого себя, ощущал непривычную растерянность и даже какую-то несобранность, не рассчитывал ни на что и не загадывал, просто очень хотел быть рядом, смотреть на нее, пусть даже она молчит. Эта ночная поездка в машине так глубоко засела в его надеждах, что мысль «остаться и не лететь» не имела шансов быть вовремя услышанной. Николай Маратович после разговора с Каменской и Зоей тут же рванул объясняться с Веденеевым. И потерпел фиаско.

Успех не с первой попытки, а со второй – дело обычное. А вот третья попытка после двух предыдущих провалов редко заканчивается победой, Латыпов знал это по собственному опыту. Но сдаться? Отступить, не исчерпав весь арсенал? Ни за что! Николай Латыпов никогда не проигрывает. Если бы не вчерашний морок с несбыточными надеждами, сегодняшняя попытка была бы лишь второй и – он не сомневался – удачной. Ночь, проведенная в местной гостинице, позволила выстроить план разговора, и к Веденееву продюсер явился во всеоружии. Разумеется, без предварительного звонка по телефону во избежание вежливого отказа.

Дверь долго не открывали, Николай Маратович слышал приближающиеся неровные звуки шагов и понял, что Константин дома один, иначе дверь давно бы уже открыл Максим Викторович. Латыпову не были рады, он сразу это понял. Однако Константин проявлял вежливость и воспитанность, гостя не выгнал и даже предложил чаю. Предложение было, разумеется, тут же принято с огромной благодарностью.

– Тогда нам придется разговаривать на кухне, – предупредил Константин. – У меня в комнате весь стол занят.

– Конечно-конечно, – торопливо и радостно согласился Латыпов.

Он был готов разговаривать с Веденеевым где угодно, даже в санузле, лишь бы заставить автора повести выслушать его доводы.

Когда на столе в кухне появились чашки с дымящимся чаем, Николай Маратович предусмотрительно выждал некоторое время, давая напитку чуть-чуть остыть, а потом провернул свой обычный трюк, который так хорошо срабатывал с женщинами: опрокинул чай на себя, залив джемпер и джинсы. Трюк был старым, хорошо известным и дешевым, но от этого не менее эффективным: не имеет значения, понимает ли собеседник, что ты сделал это нарочно, все равно одежда у тебя мокрая и в таком виде ты на улицу выйти не можешь.

– Не обожглись? – встревоженно спросил Константин, когда Латыпов театрально чертыхнулся и вскочил с места.

– Не особенно, это уже не кипяток. Но мокро...

Николай Маратович принялся демонстративно оглядывать себя и с виноватым видом ощупывать залитую чаем одежду. На светло-сером джемпере, наверное, останется пятно, придется в химчистку сдавать, а если не выведут – выбрасывать, но это фиг с ним, лишь бы делу помогло.

– Мне так неловко... Как бы это все высушить?

Худой узкоплечий Константин задумчиво посмотрел на статного, атлетически сложенного гостя.

– Мои вещи вам не подойдут. Если только папины.

– Да мне какие угодно! Лишь бы не сидеть перед вами в одних трусах, пока одежда подсохнет. У вас стиральная машина с сушкой?

– Да. Я сейчас подотру здесь и принесу папин спортивный костюм.

Николай Маратович смотрел, как медленно двигается Константин, собирая тряпкой воду с пола и стола, и как сильно он припадает на одну ногу, иногда непроизвольно морщась от привычной боли, и у него щемило сердце. Ну почему, почему он упирается? Да, деньги «Старджет» предлагает не бог весть какие, другие компании платят авторам побольше, а если автор именитый – то еще больше. Но все равно, если закладываться на восемь серий и платить автору литературной основы по сто пятьдесят тысяч рублей за серию, сумма выйдет солидная. На нее можно и лечение какое-никакое организовать, и начинку квартиры подновить. Хороший ведь парень, честный, скромный, работающий, к тому же инвалид, такому заплатить – одно удовольствие, не то что какому-нибудь зазвездившемуся мэтру, не просыхающему от водки и чувства собственной гениальности и считающему, что все должны пасть ниц и описаться от восторга, когда он снизошел и соизволил.

Константин принес старенький, но чистый и аккуратно сложенный спортивный костюм, еще из тех, что лет тридцать назад массово завезли в Россию «челноки». Латыпов, в те годы совсем юный, и сам такой носил,

купил на вещевом рынке в Лужниках. От костюма едва заметно пахло стиральным порошком, значит, бережливый Максим Викторович до сих пор его носит. Веденеев деликатно отвернулся к окну, пока Николай Маратович переодевался, потом забрал джемпер и джинсы, засунул в стоящую здесь же стиральную машину, включил режим сушки.

Теперь Латыпов чувствовал себя куда свободнее. В ближайшие полчаса ему уж точно не укажут на дверь, как бы разговор ни повернулся. Но Константин – пассажир тяжелый, это Николай Маратович признал еще накануне. С эмоциональным человеком, бурно реагирующим на то, что ему говорят, и не жалеющим слов для возражений, договориться куда легче: главное – внимательно слушать, и обязательно найдешь, за что уцепиться, чтобы выстроить новый довод, если старых недостаточно. С Веденеевым так не получалось, он был спокоен, по крайней мере, внешне, сдержан и отвечал настолько коротко, что нивы для вспахивания Латыпов найти не мог. Пришлось использовать аргумент, который самому Латыпову ужасно не нравился, но который был в ходу у сценаристов. Спасибо Каменской, она вчера невольно навела его на эту мысль, когда рассказывала.

– Константин, я прошу вас подумать вот о чем, – начал Николай Маратович и ощутил во рту кислотоватый привкус, который всегда появлялся, стоило ему наткнуться в сценарии на нечто подобное. – Если бы вы не запретили вашему другу Андрею передавать права на экранизацию, все могло бы повернуться совсем иначе. Но вы запретили. Его сестра Юлия об этом узнала, ведь она постоянно толкалась у него в квартире, высматривала, что можно украсть, подслушивала, чтобы знать планы брата и сообразить, когда лучше в следующий раз прийти, чтобы его не было дома. Наверняка и в бумагах его рылась и наши первичные предложения по договору видела. Юлия – наркоманка со стажем, вы знали об этом? Такие люди невероятно лживы, изворотливы и предприимчивы, когда дело идет о добыче денег на дозу. Она услышала очередной разговор Андрея, может быть, даже с вами, а возможно, со мной или моим редактором, и поняла, как можно обогатиться. Если Андрей продает права, то все деньги останутся у него. Часть из них можно будет попробовать украсть. Но только часть и только если получится. Если он отказывается от уступки прав, то никаких денег не получит. А вот если их продадут наследники, то... Вам понятен ход ее мысли?

– Вполне, – кивнул Константин.

– Если бы Андрей согласился с нашим предложением, он остался бы жив. Но вы вынудили его отказаться, и случилось то, что случилось. Я ни в коем случае не хочу сказать, что в этой трагедии есть часть вашей вины,

нет, помилуй Боже! – Николай Маратович сделал выразительный жест рукой, словно отрещиваясь от кощунственной мысли, хотя на самом деле именно ее он и намеревался внедрить в сознание Веденева. – В гибели вашего друга виновата только его сестра. Ну и ее поделщик тоже, разумеется. Полиция считает, что она действовала не одна. Но получилось так, что Андрей погиб, защищая ваше право распоряжаться судьбой своей книги. Ваше, Константин, право. Так неужели эта жертва была напрасной? Кислов хотел блага для вас, он радовался возможности сделать вас известным и богатым. Он ничего не хотел для себя лично, а заплатил за это своей жизнью.

В последней части тирады явно хромала логика, Латыпов это понимал, но надеялся, что собеседник не заметит, погружившись в обдумывание формулы «жертва – искупление».

Тренькнул дверной звонок. Константин недоуменно взглянул на наручные часы, и Латыпов сообразил, что Веденев, вероятнее всего, ждет клиента в другое время, попозже. Как бы там ни было, никакой клиент сейчас не нужен, Константин не должен отвлекаться. Опытный переговорщик, продюсер нутром чуял, что попал в болевую точку, пошатнул несгибаемое упрямство Веденева, и теперь останется только дожимать. Любой отвлекающий фактор будет совсем некстати.

Звонок тренькнул снова, издав уже не один, а два длинных звонких сигнала. Константин начал подниматься, опираясь руками о столешницу. Но Латыпов оказался проворнее и легко вскочил на ноги.

– Сидите-сидите, я сам открою.

Да, он сам откроет дверь, скажет, что Константин занят, и предложит посетителю зайти попозже, скажем, через час-полтора. Николай Маратович решительно распахнул дверь, заранее заготовив строгое и недовольное выражение лица.

Потом он понял, что почему-то лежит.

А затем почувствовал, что не может сделать вдох. И еще отчего-то сильная боль в груди. Сознание плыло и ускользало, стало очень страшно и одновременно почему-то весело. Латыпов попытался повернуть голову и краем глаза увидел лежащего на полу рядом с ним Константина. Он слышал какие-то звуки, но сложить их во что-то осмысленное не получалось.

Николай Маратович устало закрыл глаза и перестал сопротивляться.

Вадим

В маленькой спальне было душно, окна закрыты. Светлана спала на спине, дыхание тяжелое, шумное, пропитанное алкоголем. Нужно было проявить достаточно ловкости и расчета, во время второго свидания напоить ее ровно настолько, чтобы уговорить поехать к ней домой, а не кувырнуться в номере отеля. А потом, уже дома, следовало добавить определенную дозу, чтобы после секса заснула крепко и надолго. Как все-таки быстро спиваются бабы! Мужики могут годами пить – и хоть бы что, а эта тетеря за каких-то полгода деградировала. Внешность меньше пострадала, а вот мозги уже никуда не годятся.

Он на всякий случай потряс Светлану за плечо – спит крепко, даже веки не дрогнули. Откинул одеяло, босиком на цыпочках вышел из спальни и направился в комнату, где стоит компьютер. Искать не пришлось, он еще вечером, пробыв в квартире первые минут пять-десять и оглядев гостиную и кухню, с деланным удивлением спросил:

- Как же ты живешь? У тебя ни компа, ни ноута. Несовременно как-то.
- Компьютер есть, в кабинете.

Светлана тогда распахнула дверь в одну из комнат, указала рукой на большой письменный стол, на котором стояли и лежали какие-то канцелярские принадлежности и возвышался плоский экран. Хорошо, что сама показала, иначе пришлось бы вести себя невоспитанно, открывать все двери и заглядывать во все комнаты, изображая нахальное любопытство невежливого гостя. Таким поведением можно было спугнуть женщину, до этого ни разу не приводившую случайных мужчин на остывшее супружеское ложе. Подумает еще, что новый кавалер намеревается ее обокрасть, и выгонит. Не смертельно, конечно, но планы нарушит, придется строить новую комбинацию.

Теперь можно и в темноте все найти, даже свет не нужен. Вадим осторожно, стараясь не скрипнуть дверью, проскользнул в кабинет, включил компьютер, который, как уже давно знал, не был запаролен. Старомодное поколение доверчивых пенсионеров, им и в голову не приходит, как легко добраться до содержимого их компов практически с любого расстояния. Входить в помещение и получать доступ непосредственно к машине совсем не обязательно. Вносить изменения опасно, а изучать то, что есть, – как нефиг делать.

Он вставил принесенную с собой флешку, загрузил документ,

осмотрел панель рабочего стола, прикинул, куда лучше поместить. Вот хорошая папочка «Сканы». Открыл, пробежал глазами: личные и служебные документы, паспорта, свидетельства, справки, удостоверения, решения, договоры, короче, всякая муть, которую обычно требуется прилагать к электронным письмам или распечатывать по необходимости. Вот сюда и подсунем, кто заинтересуется – тот легко найдет. В этой папочке документу самое место, это ведь тоже скан, все логично, никто не заподозрит.

Теперь запустим вирус, который уничтожит все данные о дате и времени первой загрузки всех документов, потом полечим жесткий диск, уберем зловредный вирус, чтоб в глаза не бросался. Отлично! Все сканы в этой папочке показывают одну и ту же дату загрузки, и не понять, какой документ живет здесь три-четыре года, а какой – пару дней или даже часов. На тщательную работу по заметанию всех следов времени нет, это дело долгое, но ведь кто их будет искать-то, следы эти? Уметь надо, не так все просто. А обычный пользователь, такой, как эта испитая тетеря, никогда в жизни ничего не заметит.

Вадим выключил компьютер, попил на кухне холодного чаю, съел бутерброд с сыром, злобно шикнул на кота Иваныча, который, почуяв запах сыра, начал требовательно мяукать и царапать голую щиколотку гостя, и вернулся в постель.

Каменская

Дома было хорошо. Так хорошо, что на авансцену сознания подозрительно часто выскакивала непрошенная мысль: а не послать ли все к чертовой матери? Работу у Стасова, розыск должников и их имущества, сомнительных деловых партнеров, а также всеразличных кандидатов на всеразличные должности, которых нужно проверять по велению клиентов, неверных жен-мужей-любовниц-любовников, проблемных детей и прочую муть, которая опостылела до невозможности, но, к сожалению, позволяет зарабатывать на жизнь. Не хочет Настя больше никаких командировок с бессонными ночами в поездах, на жестких узких полках в душных купе, после которых болит голова и ломит спину, и с перелетами, когда частенько приходится тупо сидеть в аэропортах, ожидая посадки на отложенные или перенесенные рейсы. Такие клиенты, как Латыпов, – редкость. Николай Маратович денег не жалеет, да и заказ у него интересный, а многие жмутся, дрожат над каждой копеечкой, и если нужно куда-то ехать – соглашаются оплачивать только самые дешевые билеты на неудобные поезда и в плацкартные вагоны, и за возможность провести ночь в обычном купе Насте приходится доплачивать из своих. Увы, реальность такова, что возраст начинает требовать все больше и больше затрат на минимальный уровень комфорта, позволяющий сохранять работоспособность.

Настя Каменская гнала от себя эти неправильные, на ее взгляд, мысли, но чем старательнее гнала, тем ярче и заманчивее выглядели картинки домашнего уютного покоя, долгих часов, проведенных на диване под пледом с книгой, неторопливого и вдумчивого изучения кулинарных рецептов, чтобы научиться, наконец, более или менее прилично готовить и радовать любимого мужа разнообразием блюд.

Она не устала, нет. Сил было достаточно, чтобы продолжать эффективно работать. Ей просто надоело, перестало быть интересно. И захотелось заняться чем-то другим. От осознания этого Насте становилось страшно, она чувствовала себя предателем собственной личности.

– Сиди дома в свое удовольствие, – сказал ей Стасов. – Дождемся, когда вернется Латыпов, посмотрим, закроет ли он заказ. Если он еще что-нибудь удумает – позвоню, а пока отдыхай, все равно ничего срочного нет, я даже Доценко отпустил, молодняк сам справляется.

Из уст начальника команда «отдыхать и получать удовольствие» поистине бесценна. Настя уже второй день с наслаждением выполняла

приказ. Чистяков у себя в кабинете работал с очередным аспирантом, готовил его к защите кандидатской, из-за двери доносились их приглушенные голоса, а Настя, свернувшись калачиком на кровати в спальне, лениво раздумывала, какому приятному делу ей предаться в ближайшие пару часов: то ли сходить в магазин за продуктами, то ли просто прогуляться, то ли попытаться приготовить еду из того, что есть в холодильнике, то ли не морочиться, сесть, подсунув под спину подушку, и прочитать, наконец, толстенный роман молодого модного американского писателя. Роман был куплен месяца три назад, лежал рядом с ноутбуком и тоскливо ждал, когда до него дойдет очередь.

Делать выбор из нескольких вариантов и принимать решение тоже было лень. Настя взяла телефон, чтобы одним глазом просмотреть новости. В разделе «Главное» ничего сверхъестественного не оказалось: какие-то решения Кабмина и внешняя политика, все как обычно. Она нажала на «Происшествия» и подумала, что глаза ее обманывают. Этого просто не может быть. «В областном центре Нижнего Поволжья застрелен московский кинопродюсер». Нажала на «Далее», потом еще на одну ссылку, нервничая и кипя от негодования. Ну почему нельзя сразу все нормально написать, почему нужно выдавать информацию маленькими кусочками, вынуждая пользователей ждать, пока загрузится очередная ссылка! «Остынь, – скомандовала Настя сама себе, глядя на ненавистное крутящееся колесико вверху экрана. – Никто не виноват, что Интернет перегружен и плохо тянет, надо было подключаться к другому провайдеру, у которого оборудование поновее. А люди деньги зарабатывают: чем больше переходов по ссылкам, тем больше рекламы можно напихать. Все кушать хотят, не ты одна».

«...нападение на квартиру бывшего сотрудника ФСИН... Максим Веденеев проживал вдвоем с сыном... обнаружен труп жителя столицы Николая Латыпова, продюсера компании «Старджет»... сын Веденева доставлен в больницу в тяжелом состоянии... хозяин квартиры находился в это время на работе... выдвигается версия о том, что причиной нападения стали обстоятельства, связанные со службой Максима Веденева в местах лишения свободы... причастность Николая Латыпова устанавливается...»

Настя откинула плед, спустила ноги на пол, обхватила голову руками. Ну как же так! Господи... Не надо было позволять Латыпову оставаться. Она виновата, она не уговорила, не удержала. Дура, радовалась, что он не будет остаток вечера и полночи выносить ей и Зое мозг своим контролем и руководством. Легко отпустила его.

Но почему он погиб, если кто-то собирался мстить Максиму

Викторовичу? Убить сына из мести – да, случается, но гость-то при чем? Зачем нужно было его убивать? Или убить хотели именно продюсера, а Константин просто под руку попался, оказавшись рядом? Тогда почему в квартире? Квартира в жилом доме, куда человек пришел с визитом, – плохое место для такого преступления: и соседи рядом, и кто-то из хозяев тоже. Хотели бы разделаться с приезжим москвичом, выбрали бы другое место. Хотя... Какое другое? Москвич ездит на арендованном автомобиле с водителем, живет в гостинице, по ночным улицам в одиночестве не гуляет. Где его отловить? При таких условиях квартира Веденеевых выглядит не самым неудачным вариантом.

Нет, все равно бред. Если Николай Маратович кому-то и помешал, то убивать его проще все-таки в Москве. Какой смысл тащиться следом за ним в другой город, не имея ни мало-мальски надежного плана, ни представления о том, как намеченная жертва собирается проводить время, куда ходить, с кем встречаться? Смысла нет. В Москве можно спокойно разобраться во всем, отследить, выявить постоянные маршруты и график. Местные полицейские правы, Латыпов – случайная жертва, преступление нацелено на кого-то из Веденеевых. Но на кого? На отца или на сына?

Настя схватила телефон и позвонила Стасову, потом Зое. Та выслушала новость молча, ничего не сказала, но по ее прерывистому дыханию все и так было понятно.

– Давайте найдем Лиану Гнездилову и выясним, что такое «недоделанный Котов». Лиану я сама буду искать, а Котова отдаю вам, хорошо?

– Да, поняла, – коротко ответила Зоя.

Аржо

– Ты кого послал? – бушевал Аржо. – Ты что, совсем debil? Где ты взял этого урода Зума?

Хорошо, что можно сделать виноватым Вайса, которому было поручено подобрать человека и решить вопрос с Веденеевым. Вайс наладил некоего Зума, полного отморозка с полутора извилинами. Правда, перед Мародером этим не прикроешься. И зачем он, Аржо, поспешил? Не надо было. Позвонил сразу же Мародеру и прозрачно намекнул, что, дескать, указание выполнено и больше старый товарищ о Веденееве не услышит. А Мародер-то не сказать, чтоб обрадовался. Ему как-то ровно было, по крайней мере, на словах. Выслушал, хмыкнул, бросил в трубку:

– Самоделкин. Чего было огород городить?

Вот и пойми, доволен он или нет. Всегда таким был. Скажет что-нибудь, даст совет или указание, а потом в кусты: «Разве я такое говорил? Ты меня неправильно понял». И улыбается так мерзенько, смотрит удивленно и высокомерно. И всегда будто выплевывал свое презрительное «Самоделкин!», подразумевая тем самым, что сделанное было чистой воды самодеятельностью, к которой он, Леня-Мародер, не имеет ни малейшего отношения. Если его слова неправильно истолковали, то это не его проблема, а того, кто умом не вышел.

После разговора с Мародером Аржо впал в некоторую растерянность. Он ожидал каких-то положительных эмоций или хотя бы намек на удовлетворение, которые позволят завести разговор о дополнительных финансовых поблажках, но ничего похожего не услышал. А теперь, спустя всего несколько часов, вдруг выяснилось, что при нападении на квартиру пострадал не хозяин, Максим Веденеев, а совершенно посторонний чел. Тот самый Латыпов, киношник, который, как клялся давешний наблюдатель, еще вчера улетел в Москву. Ага, как же, улетел он, держи карман шире.

– Так а что Зум должен был подумать? – оправдывался Вайс. – Он звонит в дверь, ему открывает мужик в тапках и трениках, и возраст подходящий. Он же знает, что в квартире хозяин и сын-инвалид. Открыл явно не сын. Ну и все. Фотку сына я дал, из рекламы в Интернете взял, а фотку старшего где я возьму за пять минут? Он в сетях не пасется, это надо было моих людей из ментовки напрягать, а ты сам сказал: срочно. Я тебе и сделал срочно. Кто ж мог знать, что там этот москвич в домашнем прикиде

сидит?

– Кто мог знать?! – взревел Аржо. – А кто вчера их в аэропорт провожал? Кто голову на плаху клал, что все трое улетают? Про девку в три километра длиной кто говорил?

– Не я, – твердо ответил Вайс. – Ты сам с наблюдателем разговаривал, он тебе звонил и перед тобой отчитывался.

– Но привел его ты! Это твой человек, ты за него поручился. Так что спрос с тебя.

Ладно, криком и обвинениями делу не поможешь. Придется звонить Мародеру и признаваться, что с Веденеевым облажались.

Звонить не хотелось. И расставаться с надеждами на уменьшение суммы долга не хотелось тоже, даже еще больше. Аржо так погрузился в свои переживания, что не смотрел на кругом виноватого Вайса и не заметил выражения его лица.

А напрасно. Потому что выражение-то у этого лица было нехорошее. Совсем нехорошее.

Каменская

Зоя Печерникова со своей частью работы справилась быстрее, чем Роман Дзюба выполнил просьбу найти координаты Лианы Гнездиловой.

– Кажется, я нашла нужного Котова, – сказала Зоя. – Я вам на почту переслала кое-что, сами посмотрите. Если это не подходит, буду искать дальше.

Настя зашла в почту, открыла письмо.

«Александр Александрович Котов, 1913–1981 гг., советский шахматист и деятель шахматного движения, международный гроссмейстер, шахматный прозаик, заслуженный мастер спорта СССР, чемпион СССР по шахматам, участник турнира претендентов. (Там еще много регалий, я не стала все переписывать, но если вам нужно – дам ссылку на источник, где они перечислены.)

Обратите внимание вот на это: В книге «Тайны мышления шахматиста» описан так называемый «синдром Котова», когда шахматист обсчитывает варианты, не находит среди них ни одного явно выигрышного, вдруг понимает, что время кончается (то есть попадает в тот самый цейтнот, о котором мы с вами говорили), и делает наудачу ход, который им заранее не просчитан и часто оказывается намного хуже тех, которые он обдумал. Понятие «синдром Котова» вышло за пределы шахмат и используется психологами при описании поведения человека».

Вся эта информация доступна в Интернете, при необходимости можете проверить».

Котов и цейтнот. Котов как синоним профессиональной принадлежности. Кажется, все сходится.

Ну и дальше что? Телефонный собеседник бывшего прокурора Гнездилова был любителем шахмат? И что с того? Почему нужно было звонить ему и возмущаться появлением Максима Викторовича Веденева, который ничем не угрожал, ничего не просил и не требовал, он всего лишь пришел поговорить с родителями об их сыне-осужденном? Или Максим Викторович солгал Зое и его беседа с отцом Леонида была не такой уж безобидной? А может быть, сама Зоя что-то упустила в его рассказе, недостаточно внимательно слушала, не так поняла, не была безупречно точна при пересказе?

Нет, похоже, без встречи с Лианой Гнездиловой никак не обойтись. Во всей этой истории концы с концами не вяжутся – хоть тресни. И вообще,

такое впечатление, что эти фрагменты совсем из разных историй.

Зазвонил телефон, и Настя подумала, что это Дзюба. Но оказалось, что Стасов.

– Допрыгалась, – мрачно сообщил он. – Тебя хотят допросить. Только что звонили.

– Следователь?

– Пока только местный опер. Сослался на показания Максима Веденеева о вашем визите. Я долго объяснял ему, что ты приличная немолодая девушка без ветра в голове и ответишь на все его вопросы по телефону, или по скайпу, или в вотсапе, или как он там захочет. В общем, уговорил. А то он уже ехать сюда собрался, бедолага. Ну а дальше ты сама порядок знаешь: если в твоих ответах будет что-то интересное для них, тогда уж допрос по всей форме, официально. Следак самолично, конечно, не приедет, но опера с поручением придет. Так что готовься.

– Его интересую только я? Он в курсе, что со мной была Печерникова?

– Конечно. С ней он тоже побеседует, я уже предупредил Зою. Удивительно, но она почему-то не в восторге.

– Ладно, – вздохнула Настя. – Дай ему мой телефон, в вотсапе поговорим.

Ну вот, только недавно ей пришлось побыть в шкуре подозреваемого, а теперь и роль свидетеля подкатила, ждать себя не заставила. Многовато для интервала длиной всего в одну неделю. Без малого тридцать лет Настя находилась по одну сторону границы, проложенной между государством и криминалом, теперь же за неделю довелось дважды побывать и на другой стороне. Ощущения не из приятных, что и говорить... И в эту же неделю уложились два убийства. Погибли два человека, которые так или иначе соприкасались с книгой Константина Веденеева и которых Анастасия Каменская знала лично. Что с этой книгой не так? Проклятье на ней лежит, что ли? Злой рок? Хотя... Андрей Кислов и Николай Маратович Латыпов соприкасались не только с книгой, но и с ее автором. Кислов был давно знаком с Веденеевым и почти дружил с ним, Латыпов дважды встречался. Так, может быть, дело не в книге, а в авторе?

Тихий, немногословный молодой мужчина-инвалид, рано потерявший мать. Сын любящего и заботливого отца, педагога-филолога. Незаметный мастер по ремонту гаджетов. А с ним-то что может быть не так?

По закону подлости Ромка прислал информацию именно тогда, когда Настя при посредстве видеозвонка отвечала на вопросы оперативника, занимающегося нападением на квартиру Веденеевых. В верхней части экрана всплыл баннер, на котором были видны только имя абонента и

первые несколько слов его сообщения. Настя занервничала, ей хотелось побыстрее закончить и прочитать то, что написал Дзюба. Поволжский полицейский, однако, никуда не спешил, расспрашивал подробно, просил указывать не только часы, но и желательно минуты: когда пришли к Веденевым в первый раз; когда вышли; когда Латыпов зашел к Веденевым; когда вышел...

– Во время разговора Константин Веденев не упоминал фамилию «Аржаев» или кличку «Аржо»? – услышала она неожиданный вопрос.

– Нет. Но насколько мне известно, эту фамилию называл Максим Викторович в разговоре с моей коллегой Печерниковой.

– В каком контексте?

Похоже, до Зои этот опер еще не добрался, позвонил сначала Каменской.

– Вам лучше спросить у самой Печерниковой во избежание неточностей. Пересказ, знаете ли, штука ненадежная.

– Ага, показания с чужих слов – основание для принесения протеста в американском суде, – вдруг улыбнулся полицейский. – Я в кино видел. Но у нас не Америка, Анастасия Павловна. Так в связи с чем Максим Викторович говорил об Аржаеве?

– Только в связи с тем, что Аржаев много лет назад отбывал наказание в воспитательной колонии, где Веденев служил в должности заместителя начальника. Может быть, имеет смысл задать эти вопросы Максиму Викторовичу? Я не присутствовала при разговоре и...

– С Максимом Викторовичем мы уже побеседовали.

А, понятно, теперь идет проверка его показаний. Ну, тоже нужное дело.

– Что еще Веденев говорил об Аржаеве?

– Что тот держит под собой половину городского бизнеса.

– Не жаловался на него? Не упоминал об угрозах с его стороны или ином давлении?

– Об этом мне ничего не известно, поговорите с Печерниковой. Простите, можно, я кое-что спрошу?

– Ну, попробуйте, – неохотно согласился оперативник.

– Судя по вашим вопросам, вы считаете, что целью преступника был Максим Веденев, а Латыпов – случайная жертва. Я правильно понимаю?

– Я не могу это обсуждать. Вы же бывший сотрудник, правила знаете...

– Ну да, – согласилась Настя. – Извините. Тогда второй вопрос: как Константин?

– Тяжелый. В коме.

– То есть его еще не допрашивали?

Полицейский вздохнул.

– И неизвестно, когда получится допросить.

Этот парень из поволжской полиции отчего-то вызывал у Насти искреннюю симпатию. Наверное, сыграла роль та единственная его улыбка, которую он себе позволил, говоря об американском кино, и которая сделала его лицо юным и озорным. «В нем тоже сидит пацан, который сбегает с уроков в кино на американский боевик», – подумала она.

– Если могу быть еще чем-то полезной – звоните в любое время, – сказала Настя на прощание.

Что ж, если убить хотели не продюсера, а Максима Викторовича, то выведенная формула не... А почему, собственно, «не»? В формуле ничего не меняется. И Андрей Кислов, и Максим Веденеев имели непосредственное отношение и к Константину, и к его повести. Да что за черт возьми-то! Замкнутый круг.

Мародер

- Ты можешь сделать что-нибудь, чтобы от Аржо отцепиться?
- А что, он тебе дорог, как память о былом? Пусть посидит, ему давно пора.
- Слушай, он мне должен кучу бабла. Если его закроют, я долг не верну. Ничего личного, чисто деловой интерес.
- Твоего Аржо слили по полной, он пойдет как организатор убийства.
- Кто слил?
- Да какая разница, кто? Называй любого – не ошибешься, Аржо всех давно достал своей придурью, тебе ли не знать. Жадный и недалёковидный дурак. И его главный конкурент Шипулин спит и видит, как бы подмять под себя весь городской бизнес, а не делить поляну с Аржо. Как только слив прошел, Шип не растерялся и занес кому надо. Местные полицейские только рады, Шип – мужик вменяемый, с ним можно договариваться, а от Аржо одна головная боль. Какого лешего он вообще замахнулся на Веденеева? Зачем полез к нему?
- Ему показалось, что для меня это... ну, имеет значение. Хотел быть полезным, чтобы я с долга списал. Перестарался.
- Показалось ему. А ты, стало быть, как всегда: намек бросил, твякнул и в будку спрятался, чтобы потом на голубом глазу заявить, что ты ничего такого в виду не имел, а кто тебя неправильно понял, тот сам дурак. Это не Аржо что-то там показалось, а тебе, и ты струсил, очко заиграло, так ведь? Зассал и ляпнул лишнего, а теперь в кусты. Ничему тебя жизнь не учит, Мародер. И не вздумай со мной в эти игры играть, ты понял?
- Ты же сам сказал, что...
- Повторяю, если ты глухой: со мной это не прокатит, и не пытайся.
- Стало быть, не поможешь его вытащить?
- Извини, Мародер, нет. Не потому, что не могу, а потому, что не хочу. Неправильно это, да и не нужно.
- А мои бабки? Пусть сгорят? Конечно, не из твоего же кармана... Слушай, а давай так: я помогу добить Аржо, шепну кое-что интересное нужным людям, а Шипу эти люди объяснят, что если он хочет гарантированно утопить Аржо и избавиться от него, нужно выплатить его долг мне. Я и перед сообществом буду поддерживать Шипа, мое слово много весит, ты сам знаешь.
- Ну вот, слышу, наконец, хоть что-то конструктивное. Можешь ведь,

когда хочешь, Мародер. Буду думать.

Каменская

Лиана Гнездилова смотрела непонимающими глазами, в которых медленно проступало осознание только что услышанного. Насте Каменской потребовался почти час расспросов и уговоров, чтобы убедиться, что Лиана не склонна к излишней откровенности. Да, она какое-то время назад пыталась найти младшего брата своего мужа. Да, приезжала к Максиму Викторовичу, спрашивала о Леониде. Нет, больше с Веденевым не контактировала, искать Леонида передумала. Почему передумала? Это ее личное дело, семейное, никого не касается. Нет, с сыном Максима Викторовича больше не общалась, только познакомилась, когда приезжала, чаю вместе попили. Нет, имени Андрея Кислова никогда не слышала. И о книге Кислова не слышала тоже.

Пришлось сказать ей о нападении на квартиру Веденевых. Реакция Лианы оказалась такой, что ни в каких признаниях больше не было нужды. Сперва глухое молчание, потом трясущиеся руки и судорожно бегающий взгляд, словно ищущий спасительный якорь.

– Воды? – участливо спросила Настя.

– Телефон... – пробормотала Лиана. – Где мой телефон? Я позвоню... позвоню Косте...

– Лиана, он в коме, – мягко проговорила Настя.

– Где мой телефон? – истерически выкрикнула Лиана, продолжая шарить глазами вокруг себя.

– Ему нельзя позвонить.

– Билет. Мне нужно купить билет. Я поеду к нему.

Лиана металась по комнате в поисках телефона, который нашелся в кармане ее джинсов. Настя терпеливо ждала, молча наблюдая, как женщина бьется в попытках зайти на нужный сайт и купить билет: от шока Лиана плохо соображала и никак не могла попасть трясущимися пальцами в нужные места на экране.

– Давайте я помогу.

Лиана покорно протянула ей смартфон.

– Поезд или самолет? – спросила Настя.

– Все равно. Лишь бы поскорее.

– Сегодня не получится, рейсов нет, а на поезд вы уже опоздали. Можно завтра. Бронирую?

– Да... Пусть завтра... Господи, Костенька...

- Купе или спальный?
- Все равно... что есть...
- Мне нужен номер вашей карты.
- Да... Сейчас...

Лиана вышла в прихожую, вернулась с сумкой, достала из кошелька несколько карт и протянула Насте.

- Платите с любой. Не могу сообразить, какая нужна...

Настя закончила оформление билета и увидела, что Лиана сидит, уперев локти в колени, опустив голову и закрыв лицо ладонями. Плечи ее вздрагивали, но не слышалось ни всхлипов, ни стонов. «Привыкла плакать так, чтобы никто не слышал, – подумала Настя, остро чувствуя внезапное сочувствие к этой женщине. – Привыкла все скрывать. Как же ей тяжело живется!»

Она подождала еще немного, потом ласково тронула Лиану за плечо.

– Наверное, теперь самое время ответить на мои вопросы, правда? Уже вечер, скоро, наверное, придет ваш муж. Давайте сделаем так, чтобы я успела уйти до его появления.

Лиана Гнездилова

– Я умру без тебя, – жалобно шептала Лиана, крепко прижавшись к Виталию.

– Это же только на два месяца, – утешал он ее. – И не заметишь, как они пролетят. Завтра проводите меня, а через несколько дней отправитесь все вместе на юг, к морю, будете плавать, загорать, объедаться фруктами. Встретишь там какого-нибудь красавца-джигита, закрутишь с ним романчик, а обо мне даже и не вспомнишь.

– Да ну тебя! – обижалась Лиана и улыбалась сквозь слезы.

Шло лето 2000 года. Оба сдали летнюю сессию, Виталию предстояла двухмесячная практика в какой-то научной лаборатории в Петербурге, а его родители собирались в отпуск, и Светлана Дмитриевна предложила Лиане поехать с ними. А что такого? Отношения сына с Лианой давние, еще со школьных времен, девушка – официальная невеста, да практически жена уже, вопрос о свадьбе решен принципиально, условились только подождать, пока Виталий закончит учебу в вузе. Лиана и ночует у Виталия, и живет по несколько дней у Гнездиловых, особенно когда семья выезжает на дачу.

Уговаривать Лиану не пришлось, девушка согласилась с радостью. И в самом деле, чем предаваться тоске по жениху, сидя в пыльном душном городе, лучше провести время с будущей семьей на море. Прокурор области – не кот начхал, условия будут такие, каких Лиане с ее стипендией не видать. Даже тот факт, что пятнадцатилетний Ленька тоже поедет с ними, ее не особо огорчил. Младший брат Виталика ей никогда не нравился: здоровенный лоб, высокий и плечистый, наглый и лживый, при этом трусоватый и подловатый. При таких физических кондициях было бы ожидаемо, если бы парень все проблемы решал при помощи нахрапа и кулаков, но Ленька предпочитал действовать исподтишка, отнимать у слабого и не вступать в равный бой. Отец, Виктор Семенович, цену Леньке знал хорошо, и хотя никогда не высказывался открыто, Лиана все равно чувствовала его отношение. А вот Светлана Дмитриевна младшенького своего обожала слепо и восторженно. С Виталием получилось ровно наоборот: отец любил его и всячески превозносил способности и трудолюбие старшего сына, в то время как мать... Да нет, что говорить, она любила Виталия, как умела, но почему-то любить Леньку у нее получалось намного лучше.

Лиана проводила Виталия на вокзал, помахала вслед неспешно отходящему поезду и дома начала собираться на курорт, выбирала подходящие вещи, примеряла, звонила подругам и просила одолжить на месяц «тот синенький сарафанчик на бретельках» и «розовые шлепанцы, которые ты из Таиланда привезла в прошлом году». Через четыре дня Лиана вместе с семейством Гнездиловых отправилась в аэропорт.

В том симпатичном приморском городке Гнездиловы уже проводили отпуск несколько раз, снимали один и тот же домик у знакомой хозяйки, на лето перебивавшейся к детям в городскую квартиру, чтобы сдавать жилье в пяти минутах ходьбы от моря. В день приезда первым делом сбегали на пляж искупаться и освежиться после дороги, потом разложили вещи. Ленька моментально куда-то умчался, наверное, искать своих дружков, с которым знаком еще с прошлых лет. Виктор Семенович улегся в саду подремать в гамаке. Лиана со Светланой Дмитриевной навели кое-какой порядок, уделив особое внимание кухне, ведь им придется весь месяц готовить здесь на четверых. Девушка хозяйства не боялась, к бытовым хлопотам с детства приучена, но все-таки ей казалось, что прокурор области мог бы жить на юге в более комфортных условиях, в дорогом отеле, крутом доме отдыха или, на худой конец, в пансионате. Лиана знала, что состоятельные люди на курортах снимают апартаменты и даже целые виллы, нанимают горничных и поваров, чтобы не заниматься уборкой и готовкой. А тут... Скромный домик на три комнатки, из которых одна чуть побольше и две совсем крошечные, летняя кухня в пристройке, рядом навес, под которым стоит длинный дощатый стол с двумя такими же длинными скамьями. Канализации в доме нет, только алюминиевый раковина, душ – выгородка из пластиковых занавесок позади дома, уборная в глубине сада. Лиана не избалована, ей и так будет нормально, но все-таки удивительно, что Виктор Семенович при всех своих возможностях соглашается на столь аскетичный быт. Давно, еще в середине восьмидесятых, мама привозила шестилетнюю Лиану в Адлер, и они жили в точно таком же домике без удобств, только кроме них там ютились еще две или три семьи отдыхающих. Для тех лет такие условия были нормальными, но теперь-то времена другие, и возможности другие, и вообще. Экономическая свобода, строй что угодно, метраж не ограничен, отелей полно и подороже, и подешевле. Почему нужно обязательно жить, как будто на дворе все еще советская власть? Да и при советской власти прокурор области не стал бы так проводить отпуск, для чиновников его уровня существовали хорошие санатории и дома отдыха с просторными комфортабельными номерами, двух- и даже трехкомнатными, и номер

каждый день приберут, и постельное белье поменяют, и еда в столовой почти что ресторанный, по меню, а не «жри, что дают».

– Каждый лишний рубль, истраченный прокурором области, сразу же превратится в сплетнях в миллион, – пояснила Светлана Дмитриевна, когда Лиана заметила, что аренда дома хотя бы с канализацией вряд ли стоит намного дороже, и вообще, пока шли к морю и назад, по пути прошли мимо пяти или шести домов, на вид куда более удобных и просторных, на калитках которых красовались объявления о сдаче внаем или о наличии свободных комнат. – Виктор Семенович не может допустить, чтобы люди злословили о нашей семье.

– Да кто узнает-то! – простодушно воскликнула Лиана. – Ну, в нашем городе – это да, я понимаю, Виктора Семеновича каждая собака знает. Но здесь!

Светлана Дмитриевна тогда промолчала и только многозначительно приподняла брови, но Лиане отчего-то показалось, что мать Виталика на самом деле думает совсем не то, что говорит вслух.

Поздно вечером, закончив приводить дом в порядок, Светлана Дмитриевна накрыла под навесом чай, позвала мужа, который давно проснулся и, сидя в комнате возле торшера, читал газеты, а Лиана пошла прогуляться. День вышел насыщенным – перелет, переезд в машине, уборка и хозяйственные хлопоты, она устала, конечно, но не до такой степени, чтобы сидеть дома, когда рядом море, невиданные в средней полосе деревья, кустарники, усыпанные крупными розовыми, белыми и сиреневыми цветами, и дивные запахи, наполняющие воздух, когда заходит солнце и разливается мягкая теплая глубокая тьма, какая бывает только на юге. За свою жизнь Лиана два-три раза уже побывала на Черноморском побережье и такие вечерние прогулки в окружении насыщенных сладких ароматов любила больше, чем плавание в море и исступленные попытки загореть до черноты.

Она неспешно шла по длинной улочке, протянувшейся параллельно морскому берегу и отделенной от пляжной полосы только рядом домов, сворачивала в каждый переулочек, выходящий к морю, доходила по гальке до кромки моря, осторожно трогала пальцами воду и снова возвращалась переулочком на улицу. Ей нравился такой своеобразный ритуал, который она сама себе придумала.

Если улица еще кое-как освещалась, то на пляже было совсем темно, однако не безлюдно. То и дело Лиана натыкалась на веселые компании, слышался грубый или визгливый смех, нетрезвые голоса. Сначала девушка побаивалась, но быстро поняла, что на нее никто не обращает внимания. К

ней не пытались приставать, не окликали, не приглашали присоединиться к коллективной выпивке или иным каким способом развлечься. Вскоре Лиана совершенно успокоилась, перестала опасливо поглядывать по сторонам и безмятежно гуляла, предаваясь мечтам. Виктор Семенович поговаривает о скором переезде в Москву, в их со Светланой Дмитриевной разговорах все время упоминаются квалификационная коллегия судей, представление Председателя Верховного Суда, представление Президента, Совет Федерации, который должен утвердить назначение прокурора Гнездилова на должность судьи Верховного Суда. Виктор Семенович волновался, жена старалась его успокоить, а Лиана уверена была, что уж такого, как он, назначат наверняка, кого же еще назначать судьей такого ранга, если не его. Родители Виталика уедут, и она останется с женихом в прекрасной городской квартире, переедет к нему окончательно. И мама вздохнет свободнее, а то очень уж тесно двум взрослым женщинам в одной комнатухе. Не имеет значения, что свадьба состоится только через два года, все равно они с Виталькой как муж и жена, так какая разница, когда начинать жить вместе? Его родители не будут против, она уверена, иначе не позвали бы с собой на отдых и не оплачивали билеты на самолет, проживание и питание. Ее признали в качестве члена семьи, чего же больше?

Домой вернулась поздно, Виктор Семенович с супругой так и сидели вдвоем под навесом рядом с летней кухней.

– Ты Ленечку не видела? – встревоженно спросила Светлана Дмитриевна. – Скоро двенадцать, а его до сих пор нет.

Лиана постаралась успокоить ее, уверяла, что в городе тихо и безопасно, а Леня такой крупный парнишка, что вряд ли кто-то захочет его обидеть. Виктор Семенович угрюмо молчал, но слушал внимательно.

– Витя, ну почему ты не купишь ему мобильник? – умоляюще проговорила Светлана Дмитриевна. – Ведь насколько проще было бы! Позвонили бы, убедились, что мальчик жив-здоров, и никаких лишних волнений.

– Ему нужен не мобильник, а строгости побольше и чувства ответственности, – отрезал прокурор.

– Ну какая ответственность, Витя! Он же ребенок совсем, ему всего пятнадцать!

– Мобильник он себе купит, когда сам заработает на него.

С этими словами Виктор Семенович поднялся и ушел в дом, супруга испуганно посеменила за ним следом. Лиана присела за опустевший стол и только тут почувствовала, как устала. Ступни горели, ноги налились

свинцом. Захотелось выпить чаю, но за чистой чашкой нужно было идти в кухню, всего-то четыре-пять шагов, но даже их оказалось не под силу сделать. Она так и сидела, погрузившись в задумчивость и машинально перебирая карамельки, насыпанные в глубокую миску, когда нарисовался Ленька. В широких длинных шортах и свободной майке он казался еще крупнее, чем был на самом деле. «Просто горилла какая-то, – с неприязнью подумала Лиана. – И это в пятнадцать лет. А что будет, когда станет взрослым мужиком?» Трудно поверить, что худощавый тонкокостный Виталик, изящный и почти аристократичный – родной брат этого чудовища.

– Где ты болтался? – сердито спросила она. – Мама вся испереживалась, отец сердится. Ушел среди дня и до самой ночи не появился. Мозги есть вообще?

– Мозгов навалом, еще и на тебя хватит, могу поделиться, – нагло заявил Леня и плюхнулся на лавку. Похоже, немедленно идти в дом объясняться с родителями и извиняться он и не собирался.

Лиана уловила запах пивного перегара и едва сдержалась, чтобы не поморщиться.

– Мне своих пока достаточно, – сдержанно ответила она.

Девушка поднялась, преодолевая усталость: не хотелось разговаривать с будущим родственником, да и родителей его нужно успокоить, мол, не волнуйтесь, ребенок вернулся целым и невредимым.

– А я тебя видел, – бросил Леня ей вслед. – Идет вся такая фифа, по сторонам не смотрит, типа королева на сельском поле. Че, не приколотся никто? Зря ноги топтала по местным кочкам? Даже в такой дыре ты никому на фиг не нужна, поняла?

Отвечать ему смысла не было. Впрочем, как и обращать внимание. Зачем? Мерзкий, глупый, наглый подросток, к тому же склонный к воровству. Лиана то и дело замечала, что у нее в кошельке вдруг ни с того ни с сего становилось на две-три купюры меньше, хотя ни в какие магазины она не заходила и весь день провела у Гнездиловых. Кто ж мог взять, кроме Леньки? Да и Светлана Дмитриевна частенько недоумевала вслух, обнаружив, что денег то в сумке, то в столе почему-то меньше, чем она думала. Над ней подшучивали, списывали на рассеянность, и Лиана понимала, что если посмеет заикнуться насчет Лени – скандал неминуем. Ей не поверят, назовут клеветницей и отлучат от дома, больше ничего она все равно не добьется. Скорее бы Виктор Семенович получил свое назначение в Москву, они с женой уедут и Леньку увезут, а когда Лиана и Виталик поженятся, у них начнется своя жизнь, отдельная, и Леньки в

этой жизни, бог даст, больше не будет никогда. Лиане в ее девятнадцать лет казалось, что можно легко убрать со своего пути неприятного человека, в этом нет никакой проблемы. Ну и что, что этот неприятный человек – родной брат мужа? Если она не захочет, то не будет ни встречаться с ним, ни общаться. И Виталька наверняка не горит желанием поддерживать отношения с младшим братцем.

Уже засыпая, Лиана слышала сквозь дрему:

– Мамулечка, ну брось, не дуйся, ты же знаешь, как я тебя люблю...

– Ленечка, котик, папа очень сердился...

– Ну уговори его, чтоб на мобилку денег отсыпал, я буду звонить каждые полчаса, и тебе не придется волноваться.

– Котик, ты же знаешь нашего папу... Не разбивай мне сердце...

Лиане было противно донельзя. Скорей бы заснуть и не слышать это лживое сюсюканье. Бедная Светлана Дмитриевна, принимает все за чистую монету.

* * *

На следующий день она снова отправилась вечером на прогулку по тому же самому маршруту, который выбрала себе в качестве приятного каникулярного ритуала. И на третий день. И на четвертый. Зрительная память была хорошей, и плохо освещенная улица уже казалась давно знакомой и прекрасно изученной: вот в этом доме опять горит только второе окно слева, у следующего калитка сломана и болтается на одной петле, а еще через два дома у самой ограды растет высоченный кипарис, около которого прямо на земле валяется перевернутое эмалированное ведро. Сразу за домом с кипарисом стоит шикарный трехэтажный каменный особняк, участок такой нехилый, ухоженный, залитый светом красивых ярких фонарей, видно, богатые хозяева живут. Вот бы Гнездиловы там сняли апартаменты! Но владельцы, наверное, не сдают, живут сами, наслаждаются роскошью.

Окутанный темнотой пляж тоже быстро стал привычным и не пугал. Лиану никто не трогал, и она чувствовала себя в полной безопасности. Гуляла не спеша, с удовольствием, пляжная полоса длинная, параллельная ей улица тоже, ходи себе из конца в конец. Домой возвращалась часа через два и сразу ложилась спать.

Но на пятый день девушка вернулась намного раньше. Платье порвано, руки и ноги исцарапаны, на белом от шока лице наливался сочный синяк.

Светлана Дмитриевна обмерла, застыла от ужаса, а Виктор Семенович только спросил коротко:

– Кто?

Лиана врать и скрывать не стала. Как есть – так и сказала.

– Леня. И с ним еще двое.

Светлана Дмитриевна начала сползать на пол, но ее муж даже внимания не обратил, полностью сконцентрировался на невесте сына. Что ж, прокурор с многолетним стажем, его мышление понятно на что нацелено.

– Все?

Лиана, хоть и была не в себе от ужаса и отвращения, вопрос поняла правильно. Она никогда не была глупой. Может, в учебе звезд с неба и не хватала, но соображала быстро.

– Только Леня. Остальные помогали, держали.

– Идем.

Он крепко ухватил девушку за руку, попав пальцем на глубокую кровотокающую ссадину и не заметив, что Лиана вскрикнула от боли. На жену, привалившуюся к стене, не посмотрел. Завел Лиану в комнату, закрыл и зашторил окно, запер дверь. Быстро и в емких выражениях разъяснил, какова будет последовательность событий, если она обратится в милицию с заявлением об изнасиловании. Леню, само собой, посадят, это даже не обсуждается, но ее, Лианы, жизнь окажется искалеченной, потому что те унижения, которые ей предстоит претерпеть, нанесут такую психологическую травму, что оправиться она сможет не скоро, а возможно, и никогда. Более того, поскольку следствие пойдет не быстро, будут делать бесконечные экспертизы, проводить следственные эксперименты, чтобы досконально выяснить, кто что делал, кто, как и за какое место держал и что говорил, кто ударил по лицу, а кто – в живот, то до начала учебного года в институте ей придется пробыть здесь, а потом и на суд приехать, и в этом случае избежать огласки не удастся никаким образом. О случившемся узнает весь ее родной город, и последствия могут оказаться непредсказуемыми. Налет цивилизации на людей очень-очень тонкий, а под ним толстым слоем лежит вековая мудрость, далеко не всегда справедливая и правильная, и всякие народные присловья вроде «Сучка не захочет – кобель не вскочит». Люди не любят сочувствовать и понимать, им гораздо приятнее злословить и радоваться чужим несчастьям. Могут начать травить не только жертву изнасилования, но и ее мать. И самое главное: неизвестно, как отреагирует Виталик. Захочет ли он после этого жениться на ней? Не побрызгает ли? После младшего брата-то...

– Мы со Светланой Дмитриевной очень хорошо относимся к тебе и лучшей жены для Виталия не желаем, – твердо сказал Гнездилов-старший. – Мы искренне надеемся, что ваши чувства крепки, и уверены, что вы станете прекрасной супружеской парой. Перед тобой две перспективы. Первая – стать любимой и любящей женой и снохой, сохранить душевный покой своей матери, нормально окончить институт и получить достойную работу, жить в хороших условиях, в большой квартире. И вторая – сейчас же пойти в милицию и рискнуть все потерять.

Нет, рисковать Лиана не была готова. Она и по характеру-то была начисто лишена авантюризма, а уж в тот момент, избитая, изнасилованная, морально раздавленная, она так нуждалась в поддержке и тепле, в обещаниях, что все будет хорошо, все наладится и ничего не рухнет. Очень хотелось согласиться. Но тогда выходило, что мерзотине Ленке это сойдет с рук. И еще не факт, что он Витальке не расскажет.

– А Леня... – начала она дрожащим голосом и не смогла договорить, снова заплакала.

– Леня сядет, – жестко проговорил Виктор Семенович. – Его больше не будет ни в твоей жизни, ни в нашей. И он за все заплатит. Даю слово. Если ты выбираешь первый вариант, то я немедленно звоню и заказываю билеты, завтра мы улетим домой. Если выбираешь второй, то я немедленно звоню в милицию и прошу прислать за тобой патрульную машину. Сам с тобой поеду, чтобы тебя там не сильно обижали. Решай.

И она решила. Так, чтоб без риска.

* * *

Синяк на лице, ссадины на руках и ногах, неуверенную походку объяснили незатейливо: перегрелась на солнышке, получила тепловой удар, потеряла сознание – и в крайне неудачный момент, когда поднималась в гору и прошла больше половины пути. Упала, скатилась вниз, но, к счастью, ничего не сломала. Однако девушку решено было увезти с солнечного юга домой, в родное Поволжье, в среднюю полосу, коль она так плохо переносит жару.

Ленка, которому Виктор Семенович вlepил по самое «не балуйся» и перестал разговаривать, с виду поджал хвост и при отце старался выглядеть побитой собакой, обещающей «больше так не делать», однако Лиана то и дело ловила на себе его презрительный и одновременно торжествующий масляный взгляд.

Байка о тепловом ударе прошла на ура, мать Лианы немедленно примчалась на дачу Гнездиловых, куда девушку привезли прямо из аэропорта, долго и искренне благодарила Светлану Дмитриевну за заботу о дочери, горячо сожалела, что из-за ее девочки сорвался отпуск у Виктора Семеновича, который весь год трудится, не зная сна и отдыха, и горько укоряла саму себя за то, что упустила проблему со здоровьем, не заметила вовремя, не обратила внимания.

– Она же никогда не пожалуется, не сошлетя на недомогание, сцепит зубы и будет терпеть, – виноватым голосом говорила Наталья Степановна.

– Да, она у нас терпеливая и выносливая, – соглашалась Светлана Дмитриевна.

Лиана ни с кем не разговаривала, даже с матерью, сутками лежала, отвернувшись к стене, отказывалась от еды, только пила чай и какие-то отвары, которыми пичкала ее будущая свекровь. Виталий, узнав, что семья вернулась с юга раньше запланированного, потому что Лиане, оказывается, противопоказан жаркий климат, ничуть не обеспокоился и весело пожелал всем провести приятные недельки на даче.

– Поверил. Ничего не заподозрил, – с облегчением сказала Светлана, поговорив со старшим сыном сразу после приезда.

Шли дни, Лиана начала приходить в себя, понемногу включаться в обычную жизнь, разговаривать с Гнездиловыми, ходить сперва по дому, потом по участку, а потом и по поселку. И никак не могла взять в толк, как же это так: с ней такое случилось, а кругом все как всегда, как было и будет. То же небо над головой, те же облака, те же самые деревья на улицах и дачных участках, и соседи те же самые. У нее внутри что-то сломалось, а мир даже не заметил, не изменился ни на йоту, равнодушно прошел мимо.

Хотя нет, кое-что изменилось. В доме не было Леньки. И его самого не видно, и голоса его не слышно. Неужели оставили одного в городской квартире, понимая, что его присутствие еще больше травмирует Лиану? Вот лафа парню! А ведь Виктор Семенович пообещал, что Леня сядет. «Все они обещают, когда им что-то надо, – мрачно подумала Лиана. – В первый момент важно было уговорить меня не подавать заявление. А теперь поздняк метаться: время прошло, никакие экспертизы не помогут, я никогда в жизни ничего не докажу. Виктор Семенович боялся пролететь мимо должности, если его сына посадят за изнасилование, вот и запугал меня. Ладно, что уж теперь, сама ведь согласилась».

Но вопрос все-таки задала, молчать не стала. К ее удивлению, Светлана Дмитриевна заплакала, да так горько, что у Лианы сердце оборвалось.

– Ленечку арестовали. Идет следствие. Виктор Семенович говорит, что никаких вариантов быть не может и дело на днях передадут в суд.

Лиана решила, что ослышалась.

– Арестовали? – переспросила она тупо. – За что арестовали?

– За кражи. Квартирные, – продолжала всхлипывать Светлана. – Теперь его посадят.

Ну слава богу, хоть какая-то управа нашлась на этого подонка! Пусть не за групповое изнасилование, а всего лишь за кражи, но посадят. Однако Светлану Дмитриевну жалко до слез, она ведь и в самом деле была в последнее время для Лианы второй матерью, ухаживала, лечила, словами поддерживала, утешала, только что горшок из-под нее не выносила. Захотелось сказать хоть что-то обнадеживающее.

– За квартирную кражу много не дадут, он же несовершеннолетний, – неуверенно сказала Лиана, потому что и сама в точности не знала, сколько «дают» за кражи и какие поблажки полагаются малолеткам. – Тем более Виктор Семенович... ну, он же похлопочет, чтобы не судили строго, правда?

Светлана перестала плакать, вытерла лицо бумажным платочком, скомкала в руке и в сердцах бросила прямо на пол. Лиана удивленно глянула на нее, наклонилась, подняла белый комок и аккуратно положила в мусорный бачок.

– Ты что, не понимаешь? На Леню повесили пять квартирных краж, и Витя... Виктор Семенович сделает все, чтобы не было никаких послаблений на суде. Ему дадут по максимуму, но все равно это лучше, чем сесть за изнасилование.

– Почему лучше? – не поняла Лиана.

– Срок меньше. И отношение на зоне совсем другое. Так Виктор Семенович сказал.

– А как же назначение в Москву? Отменяется? Раз сын совершил преступление, то...

Светлана Дмитриевна ничего не ответила, только вздохнула.

События развивались быстро: единственным, на что прокурор области Гнездилов употребил свои возможности, был чрезвычайно скорый суд, которого не пришлось ждать несколько месяцев, как обычно. Лиана ожидала, что для защиты законных интересов подсудимого, а затем и подсудимого будет приглашен самый лучший и самый дорогой адвокат, однако защиту Ленки осуществлял адвокат по назначению, который ничего не смог противопоставить доказательствам стороны обвинения, кроме обычных и всем надоевших слов о глубоком раскаянии,

подростковой незрелости и о том, как легко сломать будущую жизнь юного человека, полного планов и надежд. Леонид Гнездилов получил свои пять лет лишения свободы.

В тот же день вечером прокурор области Виктор Семенович Гнездилов был гостем ежедневной информационной программы, шедшей на местном канале в прямом эфире. Теперь все в городе и области знали, что бескомпромиссный прокурор без колебаний отдал в руки правосудия своего младшего сына, ни разу не попытавшись ни словом, ни делом повлиять на судьбу подростка, который совершил преступление и должен за это ответить по всей строгости закона. Короче, вор должен сидеть в тюрьме. А полномочия прокурора области должны использоваться для надзора за законностью в интересах всех граждан, а не для решения внутрисемейных проблем и выторговывания преференций для родных и близких. Ему, Виктору Гнездилову, безмерно стыдно, что не смог воспитать сына достойным человеком, но он не считает нужным скрывать проблему или смягчать ее, потому что это еще более предосудительно. Закон справедлив только тогда, когда применяется ко всем без исключений.

Через неделю стало известно, что прокурор Гнездилов рискнул – и выиграл. Его назначение на должность в Верховном Суде утвердили. На фоне абсолютно безупречной репутации и полного отсутствия каких бы то ни было слухов о взятках, злоупотреблениях и недостойном поведении его публичное признание было расценено как свидетельство глубокой искренности и честности.

Все произошло так быстро... Виталий еще работал над каким-то проектом в научной лаборатории в Петербурге, а его брату уже огласили приговор. Светлана Дмитриевна понимала, что старший сын вот-вот узнает обо всем либо из новостей либо от кого-нибудь из друзей, которые услышали выступление прокурора по телевидению, и готовилась к тяжелому разговору. Лиана, уже вполне оправившаяся от стресса, недоумевала, с чего это Светлана так нервничает? Почему разговор должен быть тяжелым? Виталик терпеть не может Леньку и даже не скрывает этого. Но Светлана Дмитриевна, ослепленная любовью к младшему сыну, уверена была, что Ленечку любят все без исключения, а уж старший брат – тем более. Разговор, как и предвидела Лиана, прошел на удивление гладко и даже легко. Виталий не расспрашивал о подробностях и не увидел ничего необычного в том, что отец никак не поспособствовал облегчению участи сына. Он куда-то торопился и хотел поскорее свернуть разговор, чему Светлана Дмитриевна была только рада.

До возвращения жениха с практики оставалось около двух недель,

когда Лиана заглянула в календарик и опомнилась. Прислушалась к себе, к внутренним ощущениям – ничего особенного, все как обычно. Вроде бы... Но календарь же! Решила подождать еще немного. Она читала где-то, что стресс оказывает влияние на все системы организма, в том числе и гормональные, и сбои могут быть какими угодно. На всякий случай купила в аптеке два теста и через три дня, как и запланировала, проверилась. Оба теста показали беременность. Лиана подумала минут десять, потом подошла к матери Виталия и молча положила перед ней тест-полоски.

Светлана Дмитриевна в первый момент просияла.

– Это же замечательно, девочка моя! Виталик будет счастлив, поженитесь сразу, как он вернется, не будем откладывать.

Лиана отрицательно покачала головой.

– Это не Виталик.

Будущая свекровь побледнела, покачнулась на стуле.

– Точно? Когда с Виталиком... было?

– Перед его отъездом, накануне. Это был еще безопасный период, месячные пару дней как закончились.

Светлана Дмитриевна помолчала. Лиана точно знала, что сейчас происходит в голове у этой женщины: она считала. Точно так же, как считала сама Лиана. Четыре дня после отъезда Виталия плюс еще пять до того самого момента. Уже опасно.

– Я позвоню в поликлинику, запишусь к гинекологу, пусть даст направление на аборт, – решительно произнесла Лиана.

– Ты с ума сошла! – зашипела Светлана Дмитриевна и опасно оглянулась, как будто их мог кто-нибудь подслушать.

Но подслушать никто не мог, они одни в доме, Виктор Семенович на службе, вернется только вечером, отпуск-то закончился.

– Никакого аборта, – продолжала яростно шептать Светлана Дмитриевна. – Это мой внук. Это наш внук! Или внучка. Но это наша кровь!

– Я не буду рожать ребенка от того, кто меня изнасиловал.

– Деточка, – Светлана заговорила мягко и просительно, – у нас с тобой нет выбора. Весь город знает Виктора Семеновича. И весь город знает, что ты – невеста нашего сына. Мы с тобой не можем обратиться ни к какому врачу. Сразу же станет известно, что девушка, которая собирается выйти замуж за сына прокурора области, вдруг ни с того ни с сего делает аборт. Почему, если вопрос о свадьбе давно решен? Что бы ты ни говорила, люди будут считать, что ребенок нагулян на стороне. Как это скажется на твоей репутации, ты подумала? Если ты позволила себе такое, будучи невестой

Виталия Гнездилова, значит, у тебя совсем мозгов нет, одно только бешенство матки. Ты этого хочешь? На тебе ни один приличный человек не женится, а уж Виталик тем более не простит. Нет, нет и нет, аборт даже не обсуждается.

– Я понимаю, – виновато ответила Лиана. Ей и в самом деле стало отчего-то стыдно, словно она предложила будущей свекрови какую-то немыслимую глупость или непристойность. – Но можно же не в консультацию по месту жительства обратиться, а в частную клинику, их полно. Тогда официально никто не узнает. Дороже выйдет, конечно. Светлана Дмитриевна, я не хочу этого ребенка. И решать проблему нужно как можно быстрее, пока Виталик не вернулся.

– И думать забудь. Любой врач, хоть частнопрактикующий, хоть государственный, смотрит телевизор. Может, ты надеешься на соблюдение врачебной тайны?

– Ну да. А что, ее не соблюдают?

– Смешно, – фыркнула Светлана. – Врачи-то соблюдают, а вот пациенты, которые увидят тебя в клинике, – нет, их обязать или заставить нельзя. И людям рот не заткнешь и глаза не закроешь, они очень хорошо все видят и еще лучше умеют додумывать, придумывать, преувеличивать и привирать. Я тебе уже объясняла про истраченный рубль, который через неделю превратится в миллион. Не поверила, да? Подумала, что Виктор Семенович скупой, а я его оправдываю? Виктор Семенович умный и опытный, он знает, как люди устроены и как нужно жить, чтобы не навредить себе и своей семье.

Конечно же, Лиана не поверила. Она твердо решила сделать аборт, накупила городских и областных газет с объявлениями и принялась тайком искать маленькую частную клинику, где ей быстро помогут. Таких клиник оказалось немало, но все они в городе. Пришлось соврать Светлане, что возникла острая надобность съездить домой.

– Давай я отвезу тебя на машине, – заботливо предложила Светлана Дмитриевна. – Зачем толкаться в душной электричке в такую жару?

Лиана от души поблагодарила и отказалась, объяснила, что скоро начнутся занятия в институте, она вернется с дачи в город, и ей пора снова привыкать к обычной жизни и не всегда комфортному муниципальному транспорту.

– А то я быстро превращусь в нежный цветок, – с улыбкой добавила она.

Правота Светланы Дмитриевны подтвердилась неожиданно быстро. Лиана уже почти подошла к дому, указанному в газетном объявлении, когда

лицом к лицу столкнулась с однокурсником Виталия.

– Привет! Как там наше Гнездо? Не вернулся еще? – весело спросил парень.

– В конце следующей недели приедет.

– А, понял. А ты чего здесь? По залету? На аборт пришла?

Сердце у Лианы заколотилось так, что она на мгновение оглохла.

– П-почему... Почему на аборт? – только и смогла она выговорить непослушным языком.

– Так здесь врач хороший, у него все делают, и сеструха моя два раза чистилась, говорит, все супер. Бабки бешеные берут, само собой. Так что не бойсь, все будет тип-топчик.

– Да я не к врачу, – забормотала Лиана, – я к подружке иду, даже и не знала, что здесь клиника.

– Да? – однокурсник Виталия насмешливо посмотрел на нее, пожал плечами. – Подружка-то симпатичная? Может, познакомишь? Ладно, шучу. Ну, если что – имей в виду, здесь место надежное.

Лиана попрощалась и прошла мимо клиники, делая вид, что ей нужно «вон в тот дом за углом». Она даже не вошла в дверь с табличкой «Медицинский центр “Радость”», а уже дала повод для разговоров и сплетен. У нее была на примете еще пара адресов, но девушка решила больше не рисковать. Заехала домой, взяла какие-то маечки и белье, чтобы было чем оправдаться перед Светланой, и вернулась на дачу.

Виктор Семенович полностью поддержал супругу: ребенок должен родиться, свадьба должна состояться, а Виталий не должен страдать. Как ни была Лиана юна и неопытна, но в системе аргументов разобраться смогла. Прокурор Гнездилов хотел, чтобы его любимый старший сын, его первенец, умница и труженик, был счастлив в законном браке с любимой девушкой, хорошей, достойной и ни в чем не виноватой. Кроме того, он и сам понимал, и Лиане объяснял терпеливо, что внезапный разрыв отношений после нескольких лет романтической, а потом и не только романтической близости нуждается в оправданиях. Лиану давно приняли как члена семьи, все окружение Гнездиловых в курсе, что со свадьбой все решено и родители Виталика в восторге от невесты сына, все было безоблачно – и вдруг такое! Люди будут задавать вопросы, они захотят знать, и это вынудит и всех Гнездиловых, и саму Лиану постоянно лгать. Практика показывает, что ложь имеет обыкновение плодиться и размножаться, и ничем хорошим такая затея обычно не кончается.

Светлана же Дмитриевна хотела внука или внучку, «свою кровь».

– У меня отняли Ленечку, – причитала она, – но бог посылает мне его

ребенка.

Когда она впервые произнесла этот довод в присутствии Виктора Семеновича, тот резко потребовал, чтобы жена вышла с ним за дверь. Разговор получился долгим, Лиана даже нервничать начала, особенно когда услышала, как всхлипывает, а потом воет в голос Светлана.

Дверь, наконец, распахнулась, прокурор возник на пороге и неожиданно мягким голосом произнес:

– Все в порядке, девочка, не волнуйся. Пойдем пройдемся, поговорим.

Выяснилось, что Виктор Семенович запрещает всей своей семье в дальнейшем общаться с Ленкой, писать ему письма, ездить на свидания и вообще вступать с ним в какие бы то ни было контакты.

– Его больше не существует для нас, – негромко, но очень жестко сказал Гнездилов. – Вор и насильник не может быть членом нашей семьи. Когда придет Виталий, я сам скажу ему об этом, уверен, он разделит мою позицию. Ты должна понимать, что для Светланы Дмитриевны это огромный удар, ей трудно смириться, и мы должны ей помочь. Счастье Виталия и его душевный покой принесут ей облегчение, а маленький ребенок поможет отвлечься. Я очень надеюсь, что мое назначение в Верховный Суд состоится, вы с Виталием поженитесь и уедете вместе с нами, ты будешь рожать в лучшей столичной клинике, твоя мама станет самым желанным гостем в нашем доме. И ты больше не увидишь Леню. Выбор за тобой, но помни: от твоего решения зависит сейчас благополучие всей нашей семьи.

У Лианы больше не было сил сопротивляться. Она так намучилась за последние недели! Выйти замуж, жить в хороших условиях, родить ребенка, которого Виталька будет считать своим, родным, и обо всем забыть.

Светлана ни минуты не сомневалась, что у сына не возникнет ни малейших подозрений.

– Что они понимают-то в сроках? Если уж даже опытные врачи ошибаются на неделю-другую, то молодой мальчишка тем более ничего не сообразит. Разница всего в какие-то десять-двенадцать жалких дней, даже смешно обсуждать. Тем более сейчас столько факторов, влияющих на вынашивание, что классические сорок недель редко когда встречаются. То не донашивают, то перехаживают. Вы точно не предохранялись?

– Точно, – кивнула Лиана. – Дни же безопасные были.

– Ну и все. Никаких сомнений не будет. Любой гинеколог тебе подтвердит, что безопасные дни – очень условное понятие, сплошь и рядом женщины залетают именно в такие дни, которые они считают

безопасными. Виталик никогда ничего не узнает, и все будут счастливы.

Ей так хотелось быть счастливой! И ее так грели беспрестанно повторяемые слова «наша семья», в которых подразумевалось, что и она, Лиана, полноправный член этой семьи. Ей хотелось тепла, любви, комфорта и достатка. И еще хотелось, чтобы мама была довольна и спокойна.

В общем, ее уговорили. И когда вернулся с практики Виталик, его прямо с порога встретили сообщением, что он скоро станет отцом и нужно срочно организовывать бракосочетание.

В мае родился сын, Егорка. Жизнь внешне вроде и была похожа на ту, которую вымечтала себе Лиана под чутким руководством своей мамы. Только близость с Виталием больше не приносила даже того небольшого удовольствия, какое она испытывала прежде. Ну да, небольшое, не такое, как в книгах описывают, чтобы небо разверзлось и мир перевернулся, но оно все-таки присутствовало. Было приятно, нежно, ласково, а на большее Лиана и не замахивалась. Теперь же, после того, что сделал с ней Ленька, Лиана не чувствовала ничего, кроме страха и отвращения. «Терпи, – вспоминались мамины наставления. – Стисни зубы и терпи. Ради хорошей жизни можно и не такое стерпеть». Ей было совестно перед мужем, хотелось как-то соответствовать его ожиданиям, и она изо всех сил старалась, притворялась, одним словом, делала все «как учили». Хорошо еще, что Виталик супружескими правами не злоупотреблял, любви требовал далеко не каждый день и всегда с пониманием и без упреков относился к несмелым отговоркам вроде «устала», «завтра рано вставать» или «голова болит».

И еще одно обстоятельство мучило и терзало ее, заставляя чувствовать себя неправильной и кругом виноватой: она не любила своего ребенка. Совсем не любила. Каждый взгляд на него заставлял вспоминать о том, о чем никак не получалось забыть. Но Лиана и тут старалась, как могла, чтобы никто не догадался о том, какая она плохая мать.

Ей не давала покоя мысль о тесте ДНК. Сделать его по образцам мужа и сына, тайком от них, получить, наконец, точный ответ: кем является Виталий для Егорки, отцом или родственником. А вдруг Егор все-таки сын Виталика? Ведь бывает же такое, чтобы в безопасные дни, и мама Света так говорила, и подруги. Может быть, окажется, что она забеременела от жениха, и тогда Лиана сможет, наконец, полюбить сына так, как положено любить нормальным матерям. Горячо, глубоко, без ужасных воспоминаний, отравляющих каждый день ее жизни.

Она попробовала поговорить об этом со свекровью, но та лишь руками

замахала:

– Егорка – мой внук, единственный и любимый, и мне этого достаточно. Каким бы ни получился результат, он этого не отменит.

Ну да, ей же без разницы, кто именно из сыновей, старший или младший, подарил ей внука. Все равно своя кровь.

– И Виктор Семенович никогда этого не позволит, поверь мне, – прибавила Светлана Дмитриевна.

Но Лиана не поверила. Она хорошо помнила, как отозвался Виктор Семенович на ее беду в тот страшный летний вечер, как старался утешить, поддержать, как пообещал, что сволочь Ленька сядет, и сдержал слово. Он поймет ее. Должен понять.

Но вышло не так. Гнездилов если и понял душевные метания Лианы, то навстречу не пошел. Кратко и сухо разъяснил, что делать тест официально означает вызвать массу вопросов к семейной жизни Гнездиловых и тем самым бросить тень на безупречную репутацию. Если же пойти неофициальным путем, то придется обманывать, давать взятки и использовать блат, и это совершенно неприемлемо как само по себе, так и по возможным последствиям, которые неминуемо наступят в случае огласки. Существует и третий вариант: обратиться к услугам совсем уж левых лабораторий, которые не спрашивают никаких документов и не ведут учет, просто делают анализ и получают деньги. Но результат, полученный в такой лаборатории, не может считаться надежным и достоверным.

– Все левое и подпольное страдает низким качеством, – закончил Виктор Семенович. – Оборудование старое, реактивы просроченные, персонал необученный. Лицензирование не дураки придумали. Забудь о своих идеях и живи дальше. И не забывай: нарушишь мой запрет – я все равно узнаю.

После смерти Гнездилова она несколько раз возвращалась мыслями к тесту ДНК: может, все-таки сделать? Строгого Виктора Семеновича больше нет рядом. Но есть мама Света, которую ужасно жалко. Ладно, пусть живет теми иллюзиями, которые делают ее жизнь хоть чуточку легче. Егор все равно уже почти взрослый, и вряд ли Лиана способна будет воспринимать его как-то иначе, привыкла, притерпелась к собственным ощущениям. Все же на одну половину он – ее ребенок, и на эту половину она любит его, как умеет. Или не любит, а просто принимает как живое существо, о котором волею судьбы ей положено заботиться и которое живет бок о бок с ней? За полтора десятка лет она так и не разобралась в своих чувствах к сыну. Мерилом материнской любви, ее эталоном было для Лианы отношение

мамы Светы к Ленке: пусть другие говорят что угодно, пусть парень творит, что хочет, он все равно будет самым лучшим. «Смогла бы я так относиться к Егорке? – спрашивала себя Лиана. – Если бы мне вдруг сказали, что он совершил преступление, что я сделала бы? Поверила сразу? Или стала бы изо всех сил защищать его, оправдывать, спасти от следствия и суда? Давала бы взятки, чтобы отмазать?» Она была уверена: не будь идеального Виктора Семеновича, мама Света именно так и поступила бы. Способна ли она, Лиана, на такую безоглядную любовь к ребенку? Ей казалось, что нет, не способна. А коль так, значит, и любовь ее к сыну ненастоящая, дефектная, убогая, понарошечная. И сама она – плохая мать.

Виталий Гнездилов

Телефон все звонил и звонил, Виталий, крепко обнимая свою Кармен, начал злиться. Ну что за люди! Есть же нормальное правило: пять гудков – и все. Этого достаточно, чтобы человек ответил, если он может и хочет принять звонок. Если не отвечает после пятого гудка – оставь его в покое, тебе перезвонят, когда будет возможность. Так нет же! Этот настырный абонент правил хорошего тона не знает и продолжает действовать на нервы.

– Ответь, – пробормотала Кармен, оторвав губы от его плеча.

– Пошли все на фиг. Не хочу.

– Так нельзя, милый. Ты деловой человек, у тебя бизнес. И семья, между прочим.

– Подождут.

– Хотя бы посмотри, кто звонит.

Она была права, конечно. Она всегда права, его Кармен. Нужно посмотреть, а вдруг что-то с Егором или с мамой? Но так не хотелось отрываться от ее тела, от ее рук...

Звонки прекратились. Но через минуту возобновились. Виталий нехотя потянулся за лежащим на тумбочке телефоном, посмотрел на экран: давний знакомый, добрый приятель. Ничего срочного быть не может.

– Это не бизнес, – с облегчением сказал он. – И не семья. Не обращай внимания.

Приятель оказался терпелив и настырен. Третья серия звонков довела Виталия до пика раздражения и вынудила все-таки ответить.

– Ты уже читал? – Голос приятеля дрожал от возбуждения. – Ужас вообще! Не могу поверить, что это правда.

– Ты о чем? – не понял Виталий. – Что я должен был читать?

– Да статью же! Про твоего отца. Ты что, правда не видел?

– Нет... Какая статья? Почему про отца?

– Висит на «Калаше», появилась пару часов назад, уже по всей Сети разлетелась, перепосты делают все, кому не лень.

«Калашом» для краткости называли широко известный сайт Николая Калашникова, на котором публиковались разоблачительные материалы про чиновников высокого ранга. Виталий резко сел на кровати, спустил ноги на пол, отключил звонок и начал искать статью. Вот она. И название броское: «Наши безупречные судьи, или Кто на самом деле вершит наши судьбы».

«Член коллегии по гражданским делам... судья Верховного Суда Виктор Семенович Гнездилов, скончавшийся два года назад... считался самым знающим специалистом по правовым вопросам, находящимся на стыке гражданского, финансового, хозяйственного и уголовного права... самый авторитетный специалист Верховного Суда Российской Федерации по разграничению составов мошенничества, хищения, растраты, присвоения и гражданско-правовых деликтов... постоянно привлекался к работе коллегии по уголовным делам при рассмотрении уголовных дел, апелляционных и кассационных жалоб, когда речь шла об ответственности за обман граждан, потерявших вложенные деньги... на протяжении многих лет практически единолично готовил постановления Пленума Верховного Суда по указанным вопросам, после чего суды общей юрисдикции обязаны были в своих решениях опираться именно на такое толкование законов... незадолго до смерти был назначен председателем коллегии по гражданским делам... имел репутацию квалифицированного, принципиального и беспристрастного судьи...»

Все это Виталий Гнездилов прекрасно знал и без статьи. Начало звучало официально, похоже на характеристику или рекомендательное письмо. Или на некролог. Пока читал – даже успокоился. Ничего нового и ничего плохого. Скорее всего, дальше речь пойдет о каком-нибудь коллеге отца или о подсудимом, которому не понравился исход дела.

Однако во втором абзаце статьи стиль изложения кардинально изменился.

«Безупречная репутация судьи Гнездилова ни разу за многие годы не подвергалась сомнению. Да и были ли основания для этого? А теперь давайте вспомним волну гражданских исков 2016 года, когда десятки тысяч наших сограждан стали жертвами обмана со стороны банков... кредиты... новая схема, придуманная ловкими финансистами и не отработанная правоприменительной практикой... все иски оставлены без удовлетворения... люди окончательно потеряли свои деньги и веру в то, что государство может защитить их от несправедливости...

Почему же суды так равнодушно отнеслись к истцам? Да потому, что после первых нескольких исковых заявлений как-то подозрительно быстро появилось постановление Пленума Верховного Суда. Нет, в постановлении, разумеется, не говорилось, что граждан разрешается обманывать, как можно! В постановлении длинно, мудрено и запутанно разъяснялось, какие действия и при каких сопутствующих условиях можно считать правомерными, какие – деликтными, какие – преступными и по какой статье уголовного кодекса их следует квалифицировать. Понять

эту сложную юридическую материю очень непросто. Опытный юрист, судья Гнездилов, готовивший это постановление, действовал строго по закону. Одно небольшое «но»: такой квалифицированный юрист не мог не видеть, что законы, которыми он в данном случае оперирует и на которые ссылается, непродуманны, плохо сформулированы, внутренне противоречивы и конкурируют друг с другом. Более того, часть из них прямо противоречит Конституции. Подавляющее большинство этих законов и подзаконных актов принимались под давлением различных групп лоббистов, представляющих интересы разных финансовых структур и хозяйствующих субъектов, отсюда и чехарда в законодательстве. Ответственный человек в первую очередь инициировал бы запрос в Конституционный суд, ведь коллегии Верховного Суда наделены такими полномочиями.

Видимо, судья Гнездилов ответственным не был. Он предпочел составить документ, руководствуясь которым суды должны были принимать решения не в пользу обманутых граждан. Решения, оправдывающие наглых разнuzданных воров.

Давайте заглянем в жизнь уважаемого Виктора Семеновича в период, непосредственно предшествующий подготовке постановления Пленума. И что мы видим?»

Далее следовал скан документа, согласно которому... Виталий сперва даже не понял, о чем речь. При чем тут дом на Средиземноморском побережье стоимостью в 18 миллионов евро? У них никогда не было никакой недвижимости за границей. И владельцем дома числится вовсе не Гнездилов, а какая-то Веселкова. Кто она?

«Яна Веселкова – давняя любовница судьи Гнездилова, мать его внебрачной дочери, родившейся в 2013 году. Яна – рядовой менеджер маленькой торговой компании, ее доходов едва хватило бы на жизнь. Но у нее был сердечный друг, который, как утверждают, не брал взятки, а всю государственную зарплату приносил в семью. Так откуда же у Веселковой появился этот дом? И, заметьте, прямо перед принятием вышеупомянутого постановления Пленума Верховного Суда, благодаря которому вороватым банкирам и финансистам удалось сохранить нагло украденные у граждан деньги.

Ответ, дорогие читатели, вы можете дать сами».

Виталий вспомнил письмо, показанное ему матерью. У отца в последние несколько лет была фактически вторая семья. Это обстоятельство значительно изменило идеальный образ Виктора Семеновича, но то, что написано в статье, разрушало его окончательно.

Неужели это правда? Отец взял взятку? Или не взял, а брал неоднократно?

Читал он долго, текст был мелким, пришлось раздвигать его пальцами и перемещать направо-налево. За это время Виталию звонили еще дважды, но он сбрасывал вызовы, чтобы не прерываться. Судя по именам абонентов, звонили по тому же поводу: статья.

– Черт! – выдохнул он. – Или отец здорово подставился, или началась какая-то кампания против Верховного Суда.

Он протянул Кармен смартфон с загруженным текстом.

– Прочти. А я пока подумаю, что с этим делать.

Кармен кивнула, взяла смартфон, начала читать. Прочла быстро: зрение отличное, с мелким шрифтом справляется легко. Виталий видел, как по мере чтения начинают пылать ее щеки. Давление, что ли, поднимается? У нее и так проблемы с сердцем, консультация у известного кардиолога, профессора и академика, назначена на следующую неделю, к светилу очередь огромная.

– Это ужасно, – сказала она. – И ты этому веришь?

– Любовница-то была. И ребенок тоже. Я же рассказывал тебе про письмо. Значит, и все остальное может оказаться правдой.

– Ты же знаешь, как делаются сенсации и скандалы. Возьмут один незначительный достоверный факт и навешают на него кучу домыслов. Допустим, эта Веселкова действительно была любовницей твоего отца, и даже допустим, что у нее есть дом на Средиземном море, но где доказательства того, что к покупке дома как-то причастен Виктор Семенович? Их нет.

– Я должен убедиться, – упрямо сказал Виталий.

– Как? Поедешь искать этот мифический дом? Или Веселкову, которая была неизвестно чьей любовницей?

– Если все это правда, у отца должны остаться хоть какие-то следы.

Кармен поднялась повыше, поправила подушку, натянула одеяло до подбородка. Она всегда любила кутаться, когда обдумывала что-нибудь сложное.

– Ты же говорил, что Светлана Дмитриевна выбросила бумаги.

– Ты права... Но что-то могло остаться в компьютере, мама его не чистила, она не умеет совсем. Я поеду, ладно? Извини, что так срываюсь.

– Я с тобой.

Она решительно выскочила из постели и накинула теплый длинный халат. Виталий покачал головой:

– Куда со мной? Я еду к маме.

– Хорошо, я не буду входить в квартиру, подожду на лестнице. Но я не

могу отпустить тебя одного в такой ситуации.

– Я не ребенок, – сердито буркнул он. – Мне нянька не нужна.

– Ты не ребенок, – Кармен улыбнулась, и Виталию показалось, что через силу. – Ты взрослый мужчина. И я не нянька, я твой друг, самый близкий. Ты выведен из равновесия. Посмотри на себя в зеркало. У тебя глаза безумные и веко дергается. Давай не будем ничего обсуждать, я просто поеду с тобой.

Он собрался было начать снова возражать, но вдруг понял, что не может и не хочет оставаться сейчас в одиночестве. Кармен нужна ему. Всегда была нужна, каждый день, каждый час этих долгих девятнадцати лет. А в минуты нервного напряжения – особенно.

Оделись быстро, вышли из дома. Их автомобили стояли рядышком – сегодня повезло с парковкой.

– Поедем на моей машине, – сказал Виталий, и Кармен послушно кивнула.

Пока ехали до дома матери, телефон звонил непрерывно. Иногда радуешься, что у тебя широкий круг общения и множество знакомых разной степени близости, но иногда это так некстати! Он не ответил никому, но каждый раз смотрел на экран, боялся, что неприятная новость дойдет до Светланы Дмитриевны прежде, чем он успеет прояснить ситуацию для себя. Звонили друзья родителей, знакомые самого Виталия, еще какие-то люди с незнакомых номеров, но, слава богу, не мать.

– Набери мамин домашний, – попросил он Кармен. – Если ответит – положи трубку. Хочу знать, к чему готовиться.

Кармен позвонила.

– Не подходит, – сказала она после десятого гудка.

– Хорошо. Так проще.

Он открыл дверь своими ключами. В квартире темно и тихо. Может, спит? Хотя рано еще.

– Мама! – громко позвал Виталий. – Мама, это я! Ты дома?

Быстрыми шагами обошел все комнаты, включая свет, но обнаружил только кота Иваныча, который выгнул спину и недовольно заворчал, стоя посреди кухни. Виталий Иваныча не любил, кот казался ему недоброжелательным и злобным.

Он вернулся в прихожую, открыл дверь, позвал Кармен, стоящую возле лифта.

– Заходи, мамы нет.

– А если вернется?

– Да пусть. Не имеет значения. Сейчас не это главное. Я быстро.

Виталий, не сняв куртку, уселся в бывшем кабинете отца за компьютер. Он знал, что пароль на него с самого начала не устанавливали, включай и работай. Телефон так и продолжал трезвонить в кармане, и Виталий с удивлением понял, что если от первого десятка звонков он вздрагивал и чувствовал, как колотится сердце, то теперь почти не замечал. Айфон надрывается – ну и фиг с ним. Он только краешком сознания отмечал: вот вызывной сигнал, а вот пришла эсмэска, а это блякнуло сообщение в ватсапе, а это тренькнул мессенджер. Надо же, какие люди активные, оказывается! Даже в день рождения он бывал не так востребован, как сегодня, когда появилась эта чудовищная статья. Любопытство и злорадство – вечные двигатели человеческого общения.

Рабочий стол компьютера заполнен иконками. Виталий был в таком бешенстве, что не мог последовательно прочесть все названия, чтобы прикинуть, где искать в первую очередь. Он тупо щелкал мышкой по всему подряд, ища глазами то, что могло быть связано либо с Яной Веселковой, либо с приобретением и оформлением дома за 18 миллионов евро. Минут через пять немного успокоился, смог взять себя в руки, и когда взгляд упал на папку «Сканы», мысленно обругал себя за то, что сразу не догадался там посмотреть.

Документ нашелся. Тот самый, приведенный в статье на «Калаше».

Значит, все правда. Никак иначе невозможно объяснить присутствие этого документа в компьютере покойного отца.

Пока он искал, Кармен тихо стояла в проеме двери, смотрела на него и ничего не говорила.

– Я нашел, – угрюмо произнес Виталий. – А ты не верила.

– Мне жаль, – тихо ответила она. – Ну что, уходим?

– Еще минуту.

Он закрыл документ и зашел в Интернет, ввел в поисковик слова «Яна Веселкова» и с ужасом увидел в первой же пятерке ссылку на интервью. «Подруга судьи Верховного Суда рассказала журналистам о своих отношениях...» Уже успели подсуетиться, нашли Яну, хотя статья на «Калаше» висит всего несколько часов. Виталий открыл интервью, в глаза сразу бросилась фотография той самой красивой блондинки, которую он уже видел, когда мать показывала ему письмо. Фотография была другой, на ней Яна выглядела еще ослепительнее, чем на фотографии из письма, но это была, несомненно, та же самая женщина. И ребенок, стоящий рядом с ней, был тем же.

– Иди сюда, посмотри.

Кармен подошла и охнула:

– Что ты делаешь? Вдруг твоя мама увидит, что кто-то лазил... Ты с ума сошел!

– Мама ничего не увидит. Она не умеет смотреть историю поисков. И вообще ничего не понимает в компьютере. Как тебе девушка? Красотка?

– Красотка, – согласилась Кармен, рассмотрев фотографию на экране.

– И девочка хорошенькая, ангелочек, правда? – мрачно хмыкнул Виталий. – Моя сестрица единокровная. Ты на интерьерчик посмотри, оцени. Похоже, папаня мой денег не пожалел. Снято явно в том самом доме на побережье. Вот так рушатся иллюзии, милая. Всю жизнь считаешь отца образцом чести и порядочности, грызешь себя за малейшее несоответствие высокому стандарту семьи, по любому поводу чувствуешь себя виноватым, недостойным, недостаточным, а потом оказывается, что все было враньем и лицемерием. Пошли отсюда.

Он выключил компьютер, запер квартиру. Когда сели в машину, вытащил, наконец, из кармана телефон, чтобы посмотреть, кто так рвался обсудить горячую новость. Среди множества звонков и сообщений оказались четыре вызова и одна эсмэска от Светланы Дмитриевны: «Забери меня отсюда мне плохо веселый гусь на бульваре». Все ясно, у матери опять неудачное свидание, и она снова напилась.

Было у отца три сына... Были у Виталия Гнездилова безупречный отец и идеальная мама. Были когда-то. Теперь оказалось, что отец был лжецом и взяточником, а мама превратилась в спивающуюся шлюху. Печально. И еще почему-то очень холодно.

– Мне нужно забрать маму, – сказал он, не глядя на сидящую рядом Кармен. – «Веселый гусь на бульваре» – это где, не знаешь?

– Сейчас посмотрю.

Как хорошо, что у него есть Кармен. Единственный человек, которому можно полностью доверять, который не обманывает и не предает, не притворяется и не лицемерит. Лиана тоже не предает и не обманывает, это правда, но она многого не знает, и существует немало вещей, которыми Виталий не может поделиться с женой. А с Кармен можно делиться всем, от нее у него нет тайн.

– Их три, – сообщила Кармен. – Один на Волгоградке, второй на Яузском бульваре, третий на бульваре Дмитрия Донского.

Бульвар Дмитрия Донского, пожалуй, далековато.

– Поедем на Яузский, – решительно проговорил Виталий. – Заберем маму, доставим домой, потом я отвезу тебя к твоей машине.

– Это не обязательно, – возразила Кармен. – Я вызову такси и доеду сама.

– Прошу тебя. Мне нужно, чтобы ты была со мной.

– Но как же твоя мама? Что ты ей скажешь? Как объяснишь мое присутствие?

– Вот это меня сейчас интересует меньше всего на свете, – он завел двигатель. – Родители, не соблюдающие приличий, не имеют права требовать приличного поведения от детей. Надеюсь, маме плохо не потому, что ей кто-то позвонил и рассказал об отце и о статье, а потому, что она нарвалась на очередного козла.

– Виталь, – голос Кармен звучал нерешительно и немного испуганно, – ты хорошо подумал? Может, не надо?

– Пожалуйста...

Он вложил в это единственное слово так много! И свою любовь к ней, и свою растерянность перед внезапно возникшей пустотой на том месте, где еще так недавно возвышались образы надежные и непоколебимые, и желание тепла, чтобы унять озноб, от которого, как ему казалось, дрожит его сердце.

– Хорошо, – Кармен больше не возражала. – Поехали.

Она услышала его. Впрочем, она всегда его слышала.

Каменская

Лиана больше не плакала, она рассказывала негромко и монотонно, сидела, почти не шевелясь. Никакой жестикуляции, руки сцеплены в замок вокруг поднятого к груди колена, взгляд устремлен не на Настю, а куда-то в сторону, в одну точку. «Ей не нужно от меня понимание и сочувствие, иначе она смотрела бы в лицо, – подумала Настя, – ей нужно просто рассказать историю. Даже не для того, чтобы выговориться: выговорилась она наверняка уже давно. Если я правильно понимаю, то Константину Веденееву. Она рассказывает, потому что верит, что это может помочь Косте. Отношения с ним настолько значимы, что она готова на все, даже на возможную огласку и разрушение брака. Как она может быть уверена, что от меня информация никуда больше не уйдет? Она видит меня впервые в жизни, она меня не знает и не может мне доверять. Если за столько лет никто ничего не узнал, значит, Лиана не доверяла никому, даже подругам, если они у нее были. Нигде не просочилось. И вдруг – здрасьте, явилась незнакомая тетка. Конечно, и шок сыграл свою роль, в состоянии шока человек может повести себя как угодно. Бедная женщина! Во что она превратила свою жизнь!»

Пока она говорила, несколько раз звонил стационарный телефон, но Лиана трубку не брала. Когда зазвонил мобильник, теперь лежащий рядом на диване, она бросила взгляд на экран.

– Это мама Света. Надо ответить.

Современные телефоны – штука коварная, очень часто речь абонента прекрасно слышна окружающим, если и не каждое слово, то по крайней мере голос и интонация. Светлана Дмитриевна была явно не вполне трезва и очень расстроена, требовательные нотки сменялись просительными, в голосе проступали то слезы, то страх, несколько раз прозвучало имя Виталия. Настя отчетливо расслышала отчаянное: «Я не могу до него дозвониться! Он трубку не берет!»

– Да, – произнесла, наконец, Лиана, – хорошо. Я приеду.

Она положила телефон и медленно, словно нехотя, вытянула прижатую к груди ногу.

– Муж занят, у него деловая встреча, Светлана не может до него дозвониться, так что придется мне.

– Что-то случилось? – спросила Настя.

– Неприятное обстоятельство из жизни нашей идеальной семьи, –

горько усмехнулась Лиана. – Моя свекровь цепляет мужиков на сайтах, ходит на свидания, и когда что-то идет не так – напивается вхлам. Эффект маятника, знаете ли. Виктор Семенович так прессовал ее и держал в черном теле, что теперь она вырвалась на свободу и потеряла человеческий облик. Простите, Анастасия, но мне нужно ехать, забрать ее из очередного притона.

Настя поднялась с кресла, в котором сидела.

– Хотите, я вас отвезу? Мне важно дослушать вашу историю до конца. Я должна понимать, может ли книга Константина быть как-то связана с тем, что произошло.

– Спасибо. Я и правда не в том состоянии сейчас, чтобы садиться за руль.

Лиана не стала переодеваться, осталась в джинсах и невзрачном, немного растянутом джемпере, только сменила тапочки на туфли и накинула плащ, взяла сумку.

– На Яузский бульвар, – сказала она со вздохом, сев в Настину машину. – Оттуда я ее еще не забирала. Какой-то «Веселый гусь». Не знаете?

– Знаю, – кивнула Настя. – Но вы, кажется, сказали, что Светлана Дмитриевна обычно встречается в почасовых отелях. В «Гусе» точно нет отеля, это самое обычное заведение, где можно в интимной обстановке посидеть со спиртным и кофе. Кстати, довольно приличное. Может быть, она там не с партнером, а по другому поводу?

– Вряд ли. Скорее всего, партнер попался не такой, как раньше. Наверное, ей наконец повезло. Хотя... Если бы повезло, она бы не позвонила. Я ее не осуждаю, не подумайте. Ей хочется быть привлекательной и желанной женщиной рядом с влюбленным мужчиной. Это ведь не предосудительно, правда? Каждой женщине это нужно, хотя бы один раз, хотя бы на пять минут за целую жизнь, но нужно обязательно. Виктор Семенович не давал своей жене такой возможности. Теперь она добирает то, что ей недодали. Сладкоголосая птица юности. Помните?

Ну как не помнить... Теннесси Уильямс, его известная пьеса, которую ставят в театрах всего мира. И в России много ставили, и в Советском Союзе. В жизни человека все должно происходить вовремя. Вот и Лешка совсем недавно говорил об этом с Настей. Повторяющиеся события – это настойчивый урок, во время которого ты должен усвоить какое-то важное правило. Не усвоишь урок – придется проходить его снова и снова, пока твое поведение не долбанет тебя же по твоей собственной башке.

– Расскажите про Константина, – попросила Настя.

Лиана Гнездилова

Только встретившись с Костей, Лиана поняла чувства свекра и свекрови. Им не нужен был тест ДНК, им нужна была своя правда. Каждому из них. Виктор Семенович хотел иметь возможность думать, что Егорка – все-таки ребенок его любимого старшего сына, Виталика, его радости и гордости, умного, способного, с деловой хваткой и правильными понятиями о чести и достоинстве. Светлана Дмитриевна, напротив, обожала внука именно как сына ее ненаглядного Ленечки, с которым ее так жестоко и бесповоротно разлучили, его кровиночку, его отпечаток, след на этой земле. И в самую последнюю очередь их интересовало, что чувствует Лиана и как болит ее израненная душа.

Костя в один день перевернул ее представление о жизни. Лиана приехала к Костиному отцу в попытках найти путь к Леониду, а встретила совсем другой мир. В этом мире можно было не бояться говорить о том, что нравится или не нравится. Можно было признаваться в своих сомнениях и страхах. Можно было быть слабой, и озорной, и легкомысленной, и печальной, можно было хохотать до слез и рыдать до судорог. Можно было быть собой. И не оглядываться поминутно на Виктора Семеновича и его репутацию, будь она неладна. Но самое главное, о чем Лиана узнала чуть позже: можно не врать человеку, с которым ложишься в постель. Вот так просто: взять и рассказать ему правду.

Она и рассказала. Рассказала Косте все про Леньку и свою беременность непонятно от кого. Про свою нелюбовь к сыну. Про то, как позволила уговорить себя не делать аборт, как продала саму себя за комфортное существование, когда еще не догадывалась, что настоящий комфорт не на мягком диване в просторной квартире и не в хорошей машине с кожаным салоном, а в душевном покое и ощущении себя личностью, достойной любви и уважения, которую искренне принимают вместе со всем ее внутренним багажом, а не сортируют ее мысли и побуждения, как содержимое на предполетной безопасности в аэропортах: вот с этим можно проходить в жизнь нашей безупречной семьи, а вот с этим нельзя, это мы изымаем.

Она была слабой, это правда. Но трусливой Лиана не была никогда. И всю эту отвратительную правду она рассказала Косте до того, как впервые оставила его у себя в гостиничном номере. Понимала, к чему дело идет, почувствовала еще в самый первый день, когда сын Максима Викторовича

вышел проводить ее до такси, видела это в его глазах, его улыбке, и с удивлением осознавала, что сама ужасно хочет этого. «Расскажу, – решила она. – Примет – буду счастлива, не примет – значит, сама виновата. Хватит того, что я вру и притворяюсь на каждом шагу дома, строю из себя любящую жену и мать, заботливую сноху, которая соответствует высоким стандартам Гнездиловых. Косте я врать не буду».

Те первые несколько дней, проведенные с Костей Веденеевым, словно открыли ей глаза. Лиана осознала, что все свои тридцать восемь лет жила чужой жизнью. Не своей. Была такой, как мама велела, потом такой, какой хотели видеть ее Гнездиловы. Им нужна была для сына жена «из простой семьи» с приличными родителями, спокойная, неглупая, начитанная, воспитанная, беспроблемная, без завышенных запросов. Вот почему они так привечали ее, чуть не насильно женили Виталика. Виктор Семенович так трясся над своей безупречной репутацией, что не мог позволить себе сноху – любительницу ночных клубов, тусовок, шопинга и глянцевого жизни. От таких можно в любой момент ждать неприятностей. Ненадежные они. Красивые, дорого и модно одетые девочки имеют, как правило, родителей, связанных с бизнесом и деньгами, там и криминал всегда рядом ходит, и каждую минуту могут последовать разные неприятные просьбы позвонить, решить вопрос, договориться, посодействовать по-родственному, одним словом, все то, чего прокурор Гнездилов решительно избегал и по своему внутреннему убеждению, и из опасений «оказаться причастным» хотя бы только в слухах и пересудах. А Лианочка – надежная, давно известная, покойный отец – мастер цеха, мама – работница на заводе, грамотами за самоотверженный труд вся стена увешана. И интересы у нее с Виталиком общие, оба углубленно занимаются химией и биологией. Куда уж лучше?

С Костей можно было часами разговаривать о вещах, которые Виталию даже в голову не пришло бы ни обдумывать, ни тем более обсуждать, но которые так важны были для самой Лианы. О том, что такое любовь родителя к ребенку и что такое любовь ребенка к родителю, похожи ли они, различаются ли. О том, как соотносятся друг с другом понятия «простить» и «забыть, выбросить из головы». О том, где пролегает грань между принятием и смирением, если такая грань вообще существует. О том, должна ли принесенная жертва обязательно соответствовать результату, во имя которого она принесена, и какими критериями можно оценивать и то, и другое, чтобы сделать их сопоставимыми.

С ним все было по-другому. И в постели, и вне ее. Впервые изменив мужу после девятнадцати лет брака и более чем двадцати лет отношений,

Лиана ни на секунду не испытала угрызений совести, стыда, раскаяния. Она просто знала, что существует параллельный мир, в котором можно оказаться, проведя несколько часов в поезде. В этом мире можно дышать полной грудью, быть честной и открытой, ничего не изображать из себя. В этом мире есть Костя, и можно его любить.

* * *

Впервые услышав рассказ Лианы о Ленке, Костя сказал:

– Вот ведь как бывает... Папа много об этом парне рассказывал, а я много думал о нем. Даже пытался книжку сочинить, но неудачно. У меня, видно, к этому делу способностей нет.

– А можно прочитать? Ты ее дописал? Или начал и бросил? – с живым интересом спросила Лиана.

– Тебе – можно. Как ни странно, нашелся человек, который поверил в меня, пытался пристроить рукопись в какое-нибудь издательство, но ему всюду отказали, конечно, и это понятно. Так он даже собственные деньги вложил, чтобы напечатать маленький тираж за свой счет. Завтра принесу тебе книжку, у меня есть одна. Только не суди строго, она действительно плохо написана.

Лиана не была ни знатоком филологии, ни большим ценителем литературы, поэтому достоинства и недостатки повести Константина Веденеева остались для нее за кадром. Стиль, слог, композиция, проработка характеров, драматургия образа – все это не имело для нее ни малейшего значения. Важным было только одно: отношение родителей к осужденному подростку. Выписанные в повести отец и мать выглядели поразительно похожими на Виктора Семеновича и Светлану Дмитриевну, а Ленка – ну просто один в один. Старший сын книжных родителей отличался от реального Виталия, но не сильно. Имена, разумеется, были вымышленными, но для Лианы каждый оказался абсолютно узнаваем.

– Как ты узнал так много про Гнездиловых? – изумленно спросила она, когда дочитала повесть.

– На самом деле достоверных знаний было немного, остальное я выдумал, достроил.

– Достроил?

– Ну да. Много думал, пытаюсь представить себе людей, которые совершают конкретные поступки. Какими должны быть эти люди? Какими должны оказаться обстоятельства, в которые они попали и которые

заставили их поступать так, а не иначе. Когда видишь, например, дом определенного размера и конфигурации, то вполне можно представить, каким должен быть фундамент под ним, понимаешь?

– Для этого нужно быть инженером-строителем, – заметила Лиана. – Обычный человек ничего такого не знает и представить не сможет. Выходит, ты – инженер человеческих душ? Так, кажется, про писателей говорят.

Костя мягко рассмеялся, взял ее руку, поднес к губам, поцеловал.

– Куда мне до настоящих инженеров... Просто думал-думал – и додумался. Про Леонида папа рассказывал подробно, про его отца я знал только карьерный путь плюс личные впечатления, я же его видел своими глазами там, в магазине электроники, слышал, как он разговаривает. Ну и еще тот факт, что он позволил посадить сына и отказался от него. Про твою свекровь известно еще меньше, но удалось найти несколько фотографий. Одна была в нашей местной газете, там опубликовали заметку про свадьбу сына прокурора области, в том ключе, что, мол, некоторые чиновники так открыто берут взятки и так уверены в своей безнаказанности, что не стесняются закатывать банкеты огромной стоимости, а прокурор Гнездилов – человек честный и скромный, и бракосочетание его сына прошло в узком семейном кругу на маленькой даче. А еще одна фотография – уже намного более поздняя, с какого-то приема в честь юбилея не то Генерального прокурора, не то министра юстиции, там все с женами, и Гнездилов тоже. Посмотрел я, как эта жена изменилась за десять лет, и начал думать, почему. Вот так, по крохам, и собирал информацию. Где-то правильно достроил, где-то просто угадал, чисто случайно, а где-то и ошибся.

– И о том, что Ленька сидит не за то, что совершил, ты тоже сам догадался? – недоверчиво спросила Лиана. – Или все-таки знал от кого-то?

– Чистая догадка. Тот прокурор, которого я «достроил», должен был отлучить сына-подростка от семьи только за что-то по-настоящему гадкое. Кражи – это, конечно, преступление, но не настолько ужасное, чтобы так поступить с собственным ребенком.

– То есть ты думаешь, что Ленька вообще этих краж не совершал? Он ведь был вороватым, это точно, и у меня из кошелька деньги таскал, и у родителей, у мамы Светы даже пару раз ювелирку крал. Она Виктору Семеновичу не говорила, но я-то видела: сначала ищет, не может найти, у меня спрашивает, не видела ли я, потом перестает искать и ходит несколько дней расстроенная и подавленная. Она понимала, что это Ленька украл, но не хотела, чтобы отец знал.

Костя пожал плечами:

– Не знаю. Может, и совершал. Но стырить у своих, что плохо лежит, это не то же самое, что обнести чужую квартиру. Мне папа объяснял, он же много лет с осужденными подростками дело имел. У Леонида было прозвище «Мародер», он не любил рисковать, не вступал в открытое противоборство, предпочитал отнять у слабого, у того, кто или не может сопротивляться, или безоглядно доверяет ему. Доверие – это ведь тоже слабость в определенном смысле, согласна? Порядочность людей определяется в том числе и тем, пользуются ли они этой слабостью.

– Но как же тогда Леньку посадили за пять квартирных краж, если он их не совершал? Он же признался на суде. И Виктор Семенович его не выгораживал, поблажек не просил, значит, были доказательства, которые показались убедительными всем: и следователю, и обвинителю, и суду. Как такое может быть?

– Может. И я придумал, как. Наверняка придумал неправильно, но я пытался учесть все, что мне известно, и получилась вот такая схема. В реальной жизни все обычно бывает или намного сложнее, или значительно проще. Да не бери в голову, это не имеет никакого значения. Важно, что мы встретились и что мы вместе. Спасибо Леониду Гнездилову. Кстати, папа ждет твоего звонка, удивляется, что ты пропала, он навел мосты, узнал кое-что.

– Я не буду искать Леньку, – решительно произнесла Лиана.

– Даже так? Почему?

– Видеть его не могу. Мне ненавистна сама мысль о том, что он будет где-то неподалеку. Я слишком вошла в роль любящей жены и снохи, заставила себя стремиться к тому, чтобы маме Свете стало полегче, готова была ради этого на горло себе наступить. Ну а как иначе? Разве не так должна поступать та Лиана, которую я столько лет изображала? Изображала так старательно, что уже и сама поверила, что я такая. Все, хватит, надоело. Я очень хорошо отношусь к мужу и свекрови, уважаю их, они не сделали мне ничего плохого, всегда помогали и поддерживали, ни разу не обидели. И это искренне, понимаешь? А вот готовность терпеть рядом Леньку ради душевного спокойствия мамы Светы – это уже не искренне, это из-под палки, потому что по роли полагается. Актриса из меня никудышная, так что с подмостков я ухожу. Спектакль окончен.

– Знаешь, – задумчиво проговорил Костя, когда на следующий день утром уходил из ее номера в гостинице, – хорошо, что писатель из меня не получился.

– Почему? – не поняла Лиана.

– Ну представь, что было бы, если бы я оказался талантливым.

Повесть вышла бы намного лучше, ее взяли бы в издательство, опубликовали, ее читали бы. А ты сама говоришь, что все описано очень похоже и абсолютно узнаваемо. В нашем городе народ быстро сообразил бы. Сначала местная пресса, областная, а потом и дальше пошло бы, ведь речь о члене Верховного Суда, который в то время еще, возможно, был бы жив. Скандал, наверное, разразился бы грандиозный. А так никто ничего не узнает, книжек было всего триста штук, их и не покупал никто, так что прочли на самом деле максимум человек пять, да и то давно.

– Ты прав, – согласилась она. – Хорошо еще, что про Егорку ты не додумался, а то вообще...

– Такое мне в голову даже не пришло, – очень серьезно ответил Костя. – Я достроил только убийство, которое покрыл прокурор, на большее фантазии не хватило. Но ведь, по сути, то, что сделал Леонид, такое же убийство, если не хуже. Во всяком случае, гаже и мерзостнее, это точно.

Лиана приезжала к Косте при любой возможности. У нее вдруг образовалось великое множество подруг детства, одноклассниц и однокурсниц, даже «девочек из нашего двора», и у всех то и дело случались дни рождения, свадьбы, разводы, болезни, одним словом, все то, что оправдывало и даже делало обязательным поездки Лианы в родной город. Виталий не возражал, но Лиана все равно чувствовала себя неловко и виновато из-за того, что лгала мужу. Мало того что поучаствовала в обмане с сыном, так теперь еще и это... Виталик такого не заслужил.

Отношения с Костей становились все глубже, все ярче, в них постоянно появлялись новые краски и оттенки, и Лиана не переставала изумляться: вот, оказывается, как выглядит настоящая любовь! Не встретить она Костю – и не узнала бы никогда.

И вдруг несколько месяцев назад Костя рассказал о звонке Андрея Кислова, того самого, который так носился с изданием повести. Компания «Старджет» хочет купить права на книгу и снять сериал.

Лиана пришла в ужас.

– Только не это! – почти закричала она.

– Я понимаю, – тихо ответил Костя. – Я сделаю все возможное, чтобы все это пресечь. Я обещаю. Тебе не о чем волноваться.

Вадим

Сегодня Светлана выглядела если и не прекрасно, то намного лучше, чем в тот день, когда он впервые подошел к ней. Во всяком случае, для своих шестидесяти с хвостиком. Об отеле речь не шла, понятно, что потом они поедут к ней домой, и Вадим предложил просто посидеть где-нибудь, выпить кофе с пирожными. Это так похоже на красивое свидание с ухаживаниями, и Светлана обязательно купится.

Они мило болтали о пустяках, он заказал ей бокал шампанского, сам не пил: он же за рулем. После первого бокала последовал второй. Светлану забирало довольно быстро, Вадим видел это и беспокоился, как бы не переборщить: реакции должны стать расторможенными, но сознание хотелось бы оставить достаточно ясным.

Его айфон лежал на столе, прямо перед глазами. Увидев всплывший баннер, сообщавший, что «Серый Медведь и еще 16 человек оценили вашу публикацию», он разблокировал айфон, нажал на нужную иконку и удовлетворенно воскликнул:

– Заценили! Все-таки я молодец! Научился делать правильный ракурс.

Под фотографией, изображавшей Вадима в постели рядом с опухшей пьяной Светланой, стояла трехзначная цифра лайков. Комментарии уходили далеко вниз.

Он протянул айфон Светлане.

– Посмотри, какая красота.

Женщина с любопытством взглянула на экран. Лицо ее внезапно перекошилось.

– Это... Это что?

– Это мы с тобой, – весело отозвался Вадим. – Разве плохо? Народу нравится, смотри, сколько комментов! И лайки уже за две сотни перевалили.

– Зачем? – в ужасе пробормотала Светлана. – Зачем ты это сделал? Убери немедленно! Удали! Господи, какой кошмар...

– Да ты что? – он удивленно посмотрел на нее. – Нормальное дело. Ты же сама без конца выкладывала свои фотки с мужиками. Я был уверен, что тебе самой это по кайфу.

– Кто выкладывал? Какие фотки? Я ничего не... – растерянно твердила Светлана.

Вадим поморщился, забрал у нее айфон.

– Да перестань придуриваться. На твоей страничке все твои любовники есть, и ты там с ними во всех видах и во всех степенях опьянения. Что ты из себя строишь теперь? Думаешь, я не видел?

Он несколько раз нажал на экран и снова повернул к ней.

– Вот это что? А вот это? А это?

Светлана тупо уставилась на фотографии, которые он показывал. Пьяная, расхристанная, неприличная, с размазанной косметикой, в недвусмысленной обстановке, с разными мужчинами. Она их узнавала, этих мужчин. Она ничего не понимала, зубы начали стучать, и от этого полуоткрытые губы некрасиво подергивались.

– Откуда это? – с трудом спросила она. – Кто это выложил?

– Как кто? Ты и выложила. Это же твоя страничка. Вот, полюбуйся: имя твое, и фотка на аватарке тоже твоя.

– У меня нет такой странички... Это не мое...

– Ну как не твое? Света, перестань, а? Ничего плохого нет в том, что женщина гордится своими постельными победами, особенно в твоём возрасте. Пусть молодые завидуют, что ты мужиков меняешь каждую неделю. Радоваться надо! И не стесняйся меня, я прекрасно все понимаю. Ты лучше комменты почитай. Вот, к примеру...

Он сделал вид, что ищет нужный комментарий, хотя отлично помнил, где он находится.

– Некая Лика-Модель пишет: «Молодец, Светик! Выглядишь на все сто!» А... Людмила Сенькина – это кто? Ты ее знаешь?

– Люда... Да, они с мужем наши старые знакомые... почему ты спросил? – она повысила голос, в котором зазвучали истерические нотки. – У меня есть страница, но не такая, и я ничего этого не выкладывала! Почему ты спросил про Сенькиных?

– Да ничего, так просто.

Вадим сделал вид, что хочет уклониться от ответа.

– Дай сюда!

Светлана Дмитриевна вырвала айфон у него из рук и принялась читать комментарии под постом с фотографией, на которой она, сильно нетрезвая, с поплывшей вокруг глаз косметикой, сидела на коленях у симпатичного молодого мужчины в возрасте чуть за тридцать. Вадим точно знал, что нужные ему комментарии будут в числе последних, они появились только сегодня. Людмила Сенькина написала: «Какой позор! Как ты можешь? Забудь наш телефон». А еще одна дама из числа московских приятельниц участливо спрашивала: «Света, что происходит? Ты больна? Тебе нужно лечение?» Другая знакомая высказалась более категорично: «Сходите к

психиатру, Светлана Дмитриевна. Нам с мужем стыдно, что мы считались друзьями вашей семьи».

Она подняла на Вадима потухшие растерянные глаза.

– Я ничего не понимаю... Как это может быть... Господи, ужас какой! Мне нужно выпить, иначе я сойду с ума.

Вадим сделал знак официанту, через пару минут перед Светланой стоял широкий толстостенный стакан с крепким напитком.

– Может, это фотошоп? – невинно спросил он, радуясь, что все идет по плану. – Ты что, этого парня никогда не видела?

– Видела. Я с ним встречалась. Кажется, летом... Или весной... Один раз... Я уже не помню...

– Значит, фотография настоящая.

– Но страница не моя! У меня нет такой!

– Твоя, Света. Перестань уже отпираться, ну что ты, ей-богу, как ребенок, который разбил чашку и не признается. Если ты не помнишь, что завела страничку и выкладываешь на нее фотки интимного плана, значит, у тебя и в самом деле проблемы. Ты слишком много пьешь, как по мне. Голова уже отказывает, ты стала забывчивой.

– Я не много пью, – огрызнулась она, залпом выпила содержимое стакана, обернулась и махнула рукой официанту: – Еще повтори!

После второго стакана слезы обильно полились из глаз, Светлана начала всхлипывать и вмиг стала старой и некрасивой.

– Я хочу домой. Мне надо домой... спрятаться от всех... я устала... я ничего не понимаю...

– Поехали, я отвезу тебя.

– Тебя увидят... Нас вместе увидят... Это нехорошо... Я позвоню сыну, пусть он заберет меня отсюда, – бормотала она, сражаясь с телефоном. – Это невыносимо.

– Конечно, – соглашался Вадим, – пусть приедет и заберет, если тебе так будет легче. Я посижу с тобой до его приезда. Представить не могу, с чего ты так распереживалась? Какие-то старые кошелки считают, что спать с мужчинами позор? Да пошли они! Их мужья давно импотенты, вот они и бьются от зависти. Обрати внимание: они пишут комменты под твоими фотками, изливают желчь, брызжут злостью, но ведь ни одна из них не позвонила тебе, не захотела поговорить. Они знают, что ты им ответишь, и знают, что ты будешь права.

– Откуда ты знаешь, что они не звонили?

– Если бы звонили, ты бы сейчас так не удивлялась. Ты не забыла бы про страницу. А если они звонили, разговаривали с тобой, а ты все равно

забыла, значит, дело совсем плохо, Светочка. Тебе давно пора к врачу. Ну, что там твой сын? Приедет?

– Трубку не берет.

Она становилась все пьянее и расслабленнее, каждые несколько минут звонила сыну, потом написала сообщение, потом заметила, наконец, несколько неприятых вызовов, уставилась расплывающимися глазами на имена абонентов.

– Сенькина звонила, оказывается... И Воскобойникова... – упавшим голосом произнесла Светлана. – Они все мне звонили... И из моего города тоже... Они это видели... А я звук отключила еще дома, когда собиралась ехать к тебе... Сюда...

Внезапно подавленность сменилась весельем. Светлана потребовала еще спиртного.

– А пошли они все! Ты прав, Вадим. Пусть говорят, что хотят, а я буду жить в свое удовольствие!

Она пьяно расхохоталась, недвусмысленным жестом ухватила Вадима за бедро, потянулась губами к его лицу. Вадим едва сдержался, чтобы не отшатнуться. Но веселье исчезло так же мгновенно, как и появилось. Светлана снова впала в отчаяние и начала плакать, вытирая покрасневший нос бумажной салфеткой из стоящей на столе простенькой металлической подставки. И снова схватилась за телефон. На этот раз дозвониться удалось, но, судя по всему, не сыну, а его жене.

– Ну что? – спросил он. – Приедут за тобой?

– Лиана приедет. Она хорошая девочка, всегда мне помогает.

Все правильно, жену сына зовут Лианой. Значит, он угадал. Ну и отлично, пусть дорогая Лиана своими глазами увидит престарелую свекровь рядом с молодым любовником, случайным и ни капли не влюбленным. Насколько Вадиму было известно, сын и его супруга забирали Светлану Дмитриевну из заведений, когда кавалеров рядом уже не было. Собственно, потому она и напивалась, и горевала, и бесилась, и просила увезти ее. Пора деткам увидеть мамочку в компании совсем уж мерзкого персонажа, роль которого Вадим с готовностью сыграет, чтобы нанести, так сказать, комплексный удар по реноме вдовы судьи Гнездилова.

В течение следующих тридцати минут Светлана почти довела его до бешенства своими причитаниями над безвозвратно утраченной репутацией в глазах знакомых. Эти причитания сменялись тревожными вопросами и буквально лишаящим рассудка страхом женщины перед потерей памяти. Вадим несколько раз с трудом преодолевал искушение встать и уйти, оставить ее в одиночестве дожидаться спасительницу Лиану. Ему было

противно до отвращения. Но план предусматривал «встречу с семьей». Его собственный план. Горбызла, разумеется, нашла бы в нем три кучи изъяднов, если бы этот план выносился на суд шефа. И шеф, как всегда, прислушался бы и сделал так, как советует эта старая швабра.

Все, уважаемые. Кончилось ваше время.

Каменская

Возле «Веселого гуся» парковки не было, поставить машину на Бульварном кольце – большая проблема. Настя притормозила перед входом.

– Идите, Лиана. Я поищу место, а потом буду ждать вас у входа, чтобы вам меня не искать.

Лиана вышла. Настя медленно проехала вдоль нескольких домов, поглядывая в арки дворов, но всюду видела перекрывающие въезд шлагбаумы. Свернула в переулок и нашла вполне подходящее местечко между громоздким «Лендрровером» и мусорными баками, в которое можно было втиснуть ее скромных размеров автомобиль.

Начал моросить дождь. Она накинула капюшон и медленно зашагала к дому, на котором переливалась мигающими огнями вывеска кафе-бара. У входа курила компания – трое парней и девушка, без верхней одежды. Молодые, симпатичные, свободные, они с увлечением обсуждали какой-то стартап, который необходимо уберечь от некоего Глазырина, потому что Глазырин все испортит своим псевдофункциональным подходом и в итоге сольет такую перспективную идею в унитаз. На какое-то мгновение Настя даже позавидовала им: они смотрят в будущее, хотят что-то сделать, чего-то достичь, волнуются из-за того, что задуманное может не получиться. А она? Ничего больше уже не достигнет и не сделает, она давно дошла до верхней планки и теперь плавно катится вниз. И, что самое противное, почти ни из-за чего не волнуется, кроме здоровья родителей. Ее жизнь стала серой и выхолощенной. Без планов и перспектив. Безпряного вкуса побед. Правда, и таких катастрофических провалов, какие случались во время службы, тоже больше нет, и это, пожалуй, хорошо.

Дождь припустил сильнее. Молодежь побросала недокуренные сигареты в урну и вернулась в кафе. Козырька над крыльцом не было, куртка быстро намочила, и Настя через пару минут почувствовала, как стынут и мерзнут плечи. «Зайду, – решила она. – Мало ли, какая там ситуация. Возможно, ждать придется еще минут десять, а то и все двадцать, с пьяными всегда непросто и ничего не угадаешь, вполне успею погреться и выпить чашку кофе».

Она потянула на себя тяжелую дверь и столкнулась с молодым мужчиной, которого сразу узнала.

– Привет, любитель печенья.

В голове моментально вспыхнула забавная картинка: поясная сумка,

выпирающий живот, сделавший Настю похожей на беременную, участливые вопросы «кого ждете?», заботливое предложение проводить. Смешной мальчишка! Впрочем, мальчишка он для нее, почти шестидесятилетней, а так-то – молодой красивый мужчина. Кажется, Вадим. Она собралась было улыбнуться ему, но сдержалась, разглядев выражение его лица. Усталое, раздраженное и одновременно злорадно-торжествующее.

– Вы?

Он остановился, пытаясь, видимо, вспомнить, кто она такая. Лицо знакомое, а откуда знает ее – запамятовал. Ну, бывает.

Вадим перекрывал ей возможность войти внутрь, плечи и спина намокали и мерзли все сильнее, и Настя уже приготовилась попросить его посторониться, как вдруг осознала, что что-то не так.

Вадим смотрел не на нее. Он стоял замерев, как статуя, и на лице его проступал ужас, а глаза устремились куда-то за ее спину. Настя обернулась и увидела быстро приближающуюся пару: худощавый, высокий, аристократического вида, но некрасивый мужчина лет сорока и элегантно одетая эффектная женщина. Они шли под одним зонтом, и по тому, как тесно соприкасались их рукава, как синхронно двигались ноги, можно было с уверенностью утверждать, что они – единое целое. Они вместе давно и прочно.

– Алена Валерьевна... – только и смог выдавить Вадим.

Насте показалось, что он сейчас упадет в обморок. Она решительно шагнула вперед и протиснулась внутрь, почти прижавшись к молодому человеку. Обернулась и громко сказала:

– Хорошего вам вечера, Вадим! Удачи!

Большой вечер маленьких встреч. Любопытно.

* * *

Картинка начала складываться не сразу. Настя даже поспать успела. Не очень долго, правда, часа три всего.

Она проснулась, послушала, как дышит Лешка. Совсем рядом, на соседней подушке. В груди словно побежали теплые ручейки, заливая нежностью сердце. Как хорошо, что он есть в ее жизни, и вообще хорошо, что он есть, такой терпеливый и терпимый к ее ужасному характеру, такой умный и рассудительный, такой насмешливый. Такой любимый.

Мысль отчего-то перескочила на Латыпова. Ведь у него есть жена,

которая, наверное, теперь каждую ночь будет с холодным ужасом вновь и вновь осознавать, что рядом никто не дышит. Что ее мужа нет и больше никогда не будет. Даже если он был нестерпимо тяжелым человеком, даже если он громко сопел и храпел во сне, мешая ей спать и вызывая раздражение, все равно он – был. Рядом. А теперь его нет.

Настя попыталась представить себя на месте жены Латыпова, и ручейки в ее груди мгновенно превратились в грязные рыхлые куски расколотого льда. Господи, какая же она счастливая на самом деле! Дурью мается, страдает из-за того, что работа, видите ли, не такая интересная и нужная, как раньше, или из-за того, что память уже не такая цепкая и надежная, как в молодости. Да стоит ли это ее переживаний? Лешка жив и здоров, он рядом, а все остальное пусть идет лесом. Работу можно поменять или вообще бросить, память можно поддерживать и тренировать, чтобы ослабевала не так быстро. Что там еще ее волновало? Неуемный аппетит? Сходи к эндокринологу и возьми себя в руки, перестань трескать шоколад целыми плитками за один присест. Денег не хватает? Найди заработок, который позволит пополнить бюджет, и не ной, что тебе скучно. Конечно, скучно, зато платят. А ты как хотела? Чтобы и интересно, и важно, и денег много? Размечталась! Какими же глупостями мы сами себя нагружаем, когда ищем повод понуть и попереживать из-за чего-нибудь, вместо того чтобы сосредоточиться на главном и каждый день благодарить судьбу за то, что это главное у тебя еще не отняли.

Но все-таки Латыпов... Мысли мешали снова заснуть, и Настя, закутавшись в толстый махровый халат, выскользнула из спальни и направилась на кухню. Вскипятила чайник, заварила мяту, пошарила глазами по полкам холодильника, прислушиваясь к себе: хочется ли чего-нибудь? Оказалось, что хочется сыру, не того мягкого с плесенью, который обожает Лешка, а обыкновенного, с большими дырками и без выраженного вкуса. Она вытащила кусок, взяла нож, примерилась, отрезала от души, щедро. Устроилась на диванчике, накрыла ноги пледом, пододвинула к себе большую чашку с мятой и блюдечко с сыром, нарезанным на мелкие квадратики, взяла сигарету.

Латыпов... Экранизация... Книга Андрея Кислова, которая на поверку оказалась книгой Константина Веденева. В центре сюжетной коллизии – семейная история вокруг «любит – не любит» между родителями и детьми. На периферии – детективная составляющая, в основе которой процветающая практика фальсификации уголовных дел. Какие-то невнятно сформулированные рассуждения о полярности и центризме, сюжетные ответвления о том, как посадили невиновных. Невиновных сажают, это

правда, и это всем известно, точно так же, как отпускают и не привлекают к ответственности действительно виновных, но в жизни этот процесс выглядит совсем иначе. Проще, циничнее и грубее. В нашей стране не принято церемониться с населением. Ну и что, что все знают? А мы, глядя вам в глаза, заявим, что это не так, и куда вы денетесь?

Однако то, что написано в книге Веденева, что-то напоминает. Что там у него на полюсах? Хакеры и психологи?

Она вспомнила свое удивление тем, как быстро сработала полиция после обнаружения трупа Андрея Кислова. И видеокамеры проверили, и кафе нашли, и свидетеля выявили. Там поработали настоящие профи, в этом они с Дзюбой убедились сами. И участкового обработали в пять секунд, и бармену Аркадию мозги заполоскали.

Доброжелательный симпатяга Вадим, принявший ее за беременную. Вот он выходит из «Веселого гуся», где в этот момент находятся Светлана и Лиана Гнездиловы. Ну, мало ли кто в кафе-баре находится, там народу полно. Обычное совпадение, случайная встреча. А вот подходит пара. Мужчина – муж Лианы, это точно, Настя видела дома у Гнездиловых несколько семейных фотографий. Женщина рядом с ним Насте неизвестна, но зато она прекрасно известна симпатяге Вадиму. Он испуган, растерян и называет ее по имени, Аленой Валерьевной. Еще одна случайная встреча? Еще одно обычное совпадение?

Совпадения случаются, и даже чаще, чем принято думать. Но слишком много совпадений на единицу места и времени – это уже перебор.

Что происходит дальше? Муж Лианы чуть притормаживает и настороженно смотрит на Вадима. Женщина, названная Аленой Валерьевной, бросает на Вадима взгляд, полный злости и досады, и тихо, но очень внятно, произносит: «Идиот». Все трое смотрят на Настю, которая стоит и держится за ручку двери. Настя входит внутрь. Почти сразу находит глазами Лиану, видит за одним столиком с ней нетрезвую плачущую свекровь. Настя садится за барную стойку, заказывает кофе и порцию взбитых сливок, ждет. Входит муж Лианы, направляется к столику, сначала стоит рядом и что-то долго говорит, потом снимает плащ и присаживается рядом с матерью и женой. А где же его спутница? Осталась на улице с Вадимом, с которым явно неплохо знакома и даже понимает, почему он здесь оказался? И не просто понимает, а не одобряет. Вадим испуган тем, что Алена Валерьевна застала его в этом месте, Алена же разозлилась и назвала его идиотом. Стало быть, не только давнее знакомство, но и конфликт интересов. А что же муж Лианы? Он в курсе конфликта? Или для него все это тоже неожиданно и непонятно? Когда он

увидел Вадима, выражение лица у Гнездилова изменилось, но прочитав его и расшифровать у Насти не получилось, она просто автоматически отметила, как факт: Вадим вызвал у Виталия какие-то эмоции, значит, они знакомы. Теперь же, восстанавливая в памяти мелкие детали короткого эпизода у входа в «Гуся», Настя засомневалась в своем выводе и скорректировала его. Виталий знает Вадима, а вот Вадим Виталия – нет. Он ярко и выразительно отреагировал только на красивую Алену Валерьевну, а мужа Лианы словно и не заметил. Впрочем, тут еще бабушка надвое сказала: возможно, Вадим действительно не знаком с Виталием Гнездиловым, а возможно, знаком, но появление Алены подействовало куда сильнее, оно было более значимым, потребовало всей концентрации внимания, и у Вадима уже не осталось ресурса, чтобы реагировать на мужа Лианы.

Одно несомненно: для Вадима Виталий Гнездилов значит либо очень мало, либо совсем ничего. А вот загадочная Алена Валерьевна – совсем другое дело. Она важна, и она – источник опасности.

Вечером, сидя у барной стойки, Настя еще некоторое время понаблюдала за тем, как муж и жена Гнездиловы пытаются успокоить и урезонить напившуюся Светлану Дмитриевну. Оба то и дело брали в руки телефоны, смотрели на экран и сбрасывали звонки. В общем, можно уезжать, Настя здесь больше не нужна. Светлану Гнездилову и без нее есть кому доставить домой.

Настя написала и отправила Лиане сообщение: «Если я не нужна, то я поеду». Через пару секунд женщина снова посмотрела на экран смартфона, обернулась, начала крутить головой, заметила Настю, встретилась с ней глазами, слегка кивнула. Настя расплатилась, надела куртку и направилась под проливным дождем к мусорным бакам, рядом с которыми оставила машину. Ни Вадима, ни Алены Валерьевны на улице возле «Гуся» она не заметила.

И что получается? Перепутанные кусочки мозаики. Вадим – Алена Валерьевна. Алена – Виталий Гнездилов. Виталий – Лиана. Лиана – Константин и Максим Викторович Веденевы. Веденевы – Латыпов. Латыпов – Андрей Кислов. Андрей Кислов – Анастасия Каменская и все прилегающие к ситуации прелести в виде долгого допроса, подозрений в убийстве и обвинений в харрасменте, которые оказались результатом грамотной работы профессионалов-фальсификаторов. И последнее звено: Настя – Вадим.

Концы цепочки соединили, замок застегнули, и цепочка превратилась в колье. Только хорошо бы понимать: это украшение или удавка на шею?

Вадим

Вечер после работы он собирался провести у своих стариков, даже заехал в магазин, накупил продуктов для них, но в последний момент передумал. Настроение ниже плинтуса, в голове сумбур, не сможет он сейчас мирно общаться с Бабу, которая, конечно же, начнет спрашивать, почему он злой и расстроенный, не получил ли «двойку» и не вызывали ли к директору. Сегодня у него не хватит сил реагировать спокойно и с юмором, он может сорваться и напугает стариков. Надо ехать домой и спокойно подумать. А продукты... Ладно, не пропадут, положит в холодильник и отвезет их завтра. Или послезавтра.

Дома он едва успел разложить покупки, как позвонили в дверь. На пороге стоял шеф собственной персоной. Началось.

– Я войду? – вполне мирно спросил Котов. – Или поговорим при открытых дверях?

Вадим молча отступил назад, давая гостю войти. Шеф, не раздеваясь, прошел в комнату, пересек ее и встал спиной к окну.

– Ты что творишь? – Котов говорил негромко, и это было очень неприятно. Даже страшно.

Натворил Вадим много чего, особенно за последние дни, поэтому пусть шеф сам скажет, о чем речь. А то начнешь оправдываться, как дурак, и выяснится, что именно об этом Котов как раз и не знал.

– Ты зачем полез к Каменской? У тебя что, голову снесло?

Значит, про это знает. Плохо.

– Я не лез...

– Перестань. Алена мне рассказала. Кому Каменская сказала на прощание: «Хорошего вечера, Вадим»? Может, мне?

Вот черт! Он голову дал бы на отсечение, что пассаж про любителя печенья Горбызла не слышала, она была еще слишком далеко. Но ведь действительно была эта последняя фраза, на которую Вадим в растерянности не обратил внимания.

– Перечислять твои грехи не буду, сам их знаешь, – продолжал Котов. – Ты упустил момент, когда Каменская за каким-то дьяволом потащила в кафе, и вместо того, чтобы заполировать царापину, полез к ней знакомиться. Знаешь, что теперь получилось? Теперь она знает, что ты связан с Аленой и Гнездиловыми.

– И что? Мало ли, кто с кем связан, – огрызнулся Вадим. – Правило

пяти рукопожатий, по этому правилу я с Трампом связан, так что теперь, удавиться?

Котов холодно посмотрел на него.

– Тебе – да, впору удавиться, ничего хорошего из твоей жизни все равно не выйдет. Я сейчас скажу кое-что, а ты послушай. Знаешь, почему я взял себе псевдоним «Котов»?

– А это псевдоним? – невольно вырвалось у Вадима.

Котов язвительно улыбнулся.

– Я так и предполагал. Как ты думаешь, трудно найти в нашей огромной стране мужика моего возраста по фамилии «Котов» и с такими же инициалами, как у меня? Я предвидел, что ты захочешь проверить, поэтому тот телефон, по которому ты связываешься со мной, зарегистрирован на Котова. И квартиру я оформил тоже на Котова. И телефон в ней оставлял надолго. Ты же треплешь базы, как тузик грелку, роешься в них, как в собственном кармане, ты решил проверить. Ну как, проверил?

– Владимир Андреевич...

– Я еще не закончил. Был когда-то очень известный гроссмейстер Александр Котов. Он очень хорошо умел просчитывать варианты, но в стрессе или при нехватке времени делал не те ходы, которые он уже заранее обдумал, а совершенно другие, нелепые, непродуманные и приводящие к провалу. Я взял себе псевдоним «Котов», чтобы никогда, ни на одну минуту не забывать, что нельзя принимать решения на эмоциях. Ты попробовал – и что вышло?

– А что вышло? – тупо спросил Вадим.

Он пока не очень понимал, к чему ведет шеф. С Каменской пока ничего особенного не вышло. Да, опасность есть, но она даже не начала реализовываться, и вполне возможно, что и не начнет.

– Ты обиделся, что я наорал на тебя. Тебе неприятно, что я ставлю Алену выше и ценю ее больше. Ты злишься. А тут такой подарочек: перспектива занять более высокую должность. Правда, есть кое-какие ограничения, но в сравнении с карьерным ростом они не столь существенны. Что ты так смотришь? Думал, я не узнаю?

Вообще-то именно так Вадим и думал. Он действительно пробил владельца номера телефона, который оказался Котовым В.А., человеком подходящего года рождения и невнятной профессии. Эта профессия и, соответственно, круг связей и возможностей никак не предполагали такой информированности о кадровых перестановках в силовых структурах. «Похоже, я попал по-крупному», – в отчаянии подумал Вадим.

– И ты решил, что коль все равно не сможешь больше заколачивать бабки под моим руководством, то и Группу не жалко. Зато можно отыграться, мелко напакостить, поссорить меня с денежным клиентом. Только не надо мне сейчас рассказывать, что ты запустил проект, потому что не понял насчет сроков. Чего ты не понял? Какое слово? Слово «заказчик»? Или слово «отмашка»? Я ясно сказал: начинаем по сигналу заказчика, он даст отмашку. Ты не дурак, Вадим, ты не мог неправильно понять. Значит, ты сделал это умышленно, из собственного расчета. И, значит, ты не дурак, а полный идиот, и расчет твой – ошибочный, потому что сделан в спешке и на эмоциях. На самом деле это ты Котов, а не я. Теперь в нескольких словах обрисую, что будет дальше. Первое: заказчик встанет на дыбы и откажется платить, потому что все началось не тогда, когда он хотел, и по твоей милости вышло из-под контроля. Он человек серьезный, и последствия нашего с ним конфликта сладкими не покажутся никому. Второе: Каменская вцепится в связь между тобой, Аленой и Гнездиловыми и не ослабит хватку, пока всех нас не угробит.

– Да ладно вам, Владимир Андреевич, не будет она с нами связываться, она беременна, ей не до того. В ее возрасте рожать первого ребенка – не кот начхал, даже странно, что ее до сих пор на сохранение не положили, но уверен, что вот-вот положат, и ни во что она вцепляться не станет, – с облегчением сказал Вадим. – Признаю, я налажал немножко, но не критично.

Шеф смотрел на него с изумлением, даже прислонился к подоконнику, отчего стал чуть ниже ростом.

– Каменская беременна? С чего ты взял?

– Она сама сказала. И я видел, живот торчит.

На лице шефа отразилось глубокое разочарование. Такое выражение бывает у родителей нерадивого ребенка, который вдруг заявляет, что выучил, наконец, стихотворение и готов прочитать его перед гостями, а потом выясняется, что дальше первой строчки чадо не продвинулось.

– Все-таки ты полный идиот. К тому же самоуверенный и доверчивый, – с глубоким вздохом проговорил Котов. – Ты хорошо работал все эти годы, и только поэтому я не стану превращать твою жизнь в кошмар. Ты заслужил прощение. Но и наказание ты тоже заслужил, поэтому тебя никуда не назначат, я об этом позабочусь. Не провожай, я знаю, где дверь.

У самого порога шеф вдруг повернулся к нему:

– Да, и последнее: если решишь еще как-нибудь нагадить – не трать силы зря, я распускаю Группу.

Каменская

И снова Анастасия Каменская шла к платформам Ярославского вокзала, с одной из которых всего несколько дней назад уезжала вместе с Зоей и Латыповым. Она хорошо помнила номер вагона, ведь сама покупала билет для Лианы. Вагон купейный. А вот и спальный, в таком же ехали они с Зоей. Оказалось, что и бригада та же: у двери вагона стояла уже знакомая миниатюрная Оксана, которая сперва впала в ступор при виде Зои Печерниковой, а потом приносила им чай. Настя поздоровалась с ней, девушка ответила с вежливой улыбкой, но равнодушно. Не узнала, не вспомнила, да это и понятно: пассажиры каждый день меняются, всех не упомнишь. Зою она, конечно, не забыла, но то – Зоя. Эксклюзив.

Дойдя до нужного вагона, Настя обратилась к проводнице:

– Посмотрите, пожалуйста, Лиана Гнездилова, место семнадцатое, уже села?

Та нажала несколько раз на кнопки гаджета, который держала в руке.

– Нет, пока не было.

Настя отошла на несколько шагов, прислонилась спиной к фонарному столбу. Как отреагирует Лиана на ее странную просьбу? Где-то там, в большом городе на Волге, ее любимый лежит в больнице, в реанимации, он тяжело ранен и в коме, а тут Настя со своими глупостями. Именно глупостями, потому что никак иначе назвать ее интерес нельзя. Куда она лезет? Зачем? Хочет изменить мир? Нет, не хочет и никогда не хотела. Ну, может, когда-то, по молодости и наивности, но точно не теперь. Хочет что-то доказать? Кому нужны ее доказательства? Все обо всем знают, и всех все устраивает. Мир играет по своим правилам, и если эти правила не нравятся отдельно взятой Анастасии Каменской, то это ее личное горе.

Заметив приближающуюся Лиану, Настя подошла к ней.

– Как вы?.. А, ну да, вы же билет оформляли, – рассеянно произнесла Лиана. – Что-то случилось?

– Ничего. У меня к вам просьба. Я понимаю, что неуместная и несвоевременная, но мне важно кое-что узнать. Когда Константин придет в себя, вы не могли бы спросить у него, разговаривал ли он с кем-нибудь о деле Гнездилова до того, как начал писать свою книгу?

– С отцом, наверное. Он много с ним разговаривал о Леньке.

– А кроме отца? С кем-то посторонним, и обязательно до того, как написал книгу. Или примерно в то же время, когда писал.

– Это было очень давно...

– Я понимаю, – мягко сказала Настя. – Но это был очень важный разговор, и Константин вряд ли забыл его.

Лиана помолчала, и Настя заметила, как она сморгнула слезу.

– Хорошо, я спрошу. Когда он... или если...

Она беззвучно заплакала. Настя чувствовала себя садисткой, палачом, живодером, одним словом, отвратительно. Женщина в такой непростой ситуации, что ей не до вопросов какой-то Каменской. «Я не так спросила, – вдруг подумала она. – Не так сформулировала вопрос, не о том. Боже мой, какая же я нелепая тупица!»

Лиана уже достала паспорт и протягивала его проводнице.

– Проходите, пожалуйста, пятое купе, – тягуче пропела проводница.

– Погодите!

Лиана обернулась, посмотрела устало. Под заплаканными глазами темные круги.

– Что еще?

– Давайте отойдем на минутку, буквально два слова еще.

Лиана послушно шагнула в сторону, пропуская в вагон следующего пассажира с двумя большими чемоданами.

– Меня не интересует конкретно дело вашего родственника, – заговорила Настя. – Меня интересует то, что в книге Константина названо концепцией полярности. Мне важно знать, обсуждал ли Константин ее с кем-нибудь. Неважно, когда именно. Может быть, до написания книги, может быть, позже. Главное – обсуждал ли, и если обсуждал, то с кем именно. Спросите?

– Если будет возможность.

Иными словами, если Константин придет в себя. Если выйдет из комы. Если не умрет. Господи, как это ужасно! Какой ад творится в душе Лианы!

– Спасибо. Можно, я вам завтра позвоню, узнаю, как Константин?

– Звоните, – кивнула Лиана и вошла в вагон.

Настя посмотрела на часы: до отправления поезда еще пятнадцать минут. Она постояла несколько секунд, глядя, как Лиана появляется то в одном окне вагона, то в другом. Вот она посторонилась, пропуская провожающего, идущего к выходу. Вот подошла к своему купе, открыла дверь. Теперь остается только ждать. Неизвестно чего.

Она пошла по платформе навстречу потоку отъезжающих пассажиров. Настроение было – хуже некуда. Внезапно ее догнал зычный мужской голос, пролетевший над головами пассажиров:

– Анастасия! Анастасия!

Это ей кричат, что ли? Голос незнакомый. Наверное, зовут какую-то другую Анастасию, имя лет тридцать назад вдруг стало модным, чуть ли не каждая пятая молодая женщина теперь Настя.

На всякий случай она притормозила и обернулась.

– Анастасия! – продолжал взывать мужчина, пока не различимый в толпе. – Анастасия в белой куртке!

Ну, коль куртка белая, тогда это, пожалуй, к ней. Через пару секунд Настя увидела высокого мужчину средних лет с окладистой бородой и длинными густыми волосами, забранными на затылке в хвост. Бородач неся, как ураган, и еще раз выкрикнул ее имя.

– Вы меня зовете?

– Вы – Анастасия? – он перевел дыхание. – Вас девушка просила догнать.

– Какая девушка?

– Из третьего вагона. Она побежала за вами, споткнулась, упала и плачет. Я предложил помочь, спросил, кого надо догнать, ну и помчался.

Настя рванула назад, к третьему вагону, где совсем недавно оставила Лиану. Гнездилова стояла на платформе, согнувшись и потирая обтянутую брюками коленку.

– Вы сильно ушиблись? – сочувственно спросила Настя. – У проводников есть аптечка, давайте я...

– Не надо, пройдет. – Лиана поморщилась. – Я вспомнила. Не знаю, это то, о чем вы спрашивали, или нет. Мы с Костиком много говорили о его повести. Мне, конечно, интересно было обсуждать Гнездиловых... то есть персонажей, прототипами которых стали Гнездиловы... Про концепцию я не спрашивала, один раз только мы о ней заговорили, и Костик сказал, что, мол, видит, что мне это тоже не интересно, и вообще никому не интересно, и только один раз за все годы он встретил человека, который внимательно выслушал его теорию.

– Он сказал, кто это был? – нетерпеливо спросила Настя.

– Фамилию не называл, но упомянул, что этот человек был когда-то в их городе начальником чего-то...

Лиана переступила с ноги на ногу, охнула и сморщилась от боли.

– Начальником чего? Лиана, пожалуйста!

– Кажется, следственного управления. Да, точно, Костик рассказывал, что спросил у него про Ленкино дело, а потом они обсуждали эту полярность.

«Уважаемые пассажиры! До отправления поезда... остается пять минут. Просим провожающих покинуть вагоны», – разнеслось над

платформами.

И снова Настя смотрела сквозь окна, как Лиана Гнездилова идет к своему купе. «Нет, не такая уж я тупица, – подумала она. – Правильно сделала, что приехала на вокзал. Если бы просто позвонила, как собиралась с самого начала, результат мог бы оказаться другим».

Котов

Она всегда нравилась ему, еще с тех пор, когда была просто Светой, а порой и Светиком: на праздничных собирушках отношения упрощались. Ее привел в их круг Виктор, которого никогда не называли Витькой или, упаси боже, Витьком. Уж больно серьезен был этот недавний выпускник юрфака. Гнездилов был для всех только Виктором, а вскоре стал Виктором Семеновичем. Тусклый, пресный, до противного правильный, он здорово разбирался в гражданском праве и от этого казался еще более скучным. Криминалистика, уголовное право, уголовный процесс – это вещь, это движуха, люди со своими страстями и судьбами, слезами и истериками, ложью и признаниями. А какое-то там право оперативного управления собственностью или тонкости финансово-хозяйственной деятельности – тоска зеленая. Хотя и очень сложная, это надо признать. На цивилистике вообще мозги сломать можно, в ней мало кто по-настоящему разбирается.

Шли годы, строились и крепили карьеры, Виктор Гнездилов с семьей вернулся из райцентра и занял достойное место в прокуратуре города, потом пришли 1990-е, и он начал взлетать на крыльях кадровых перемещений. Его жена из миленькой девушки превратилась в по-настоящему красивую женщину. И Котов влюбился насмерть.

Впрочем, в те годы никто еще не называл его Котовым. Владимир Яценко с детства увлекался шахматами и до дыр зачитал маленькую коричневую книжечку «В шутку и всерьез», написанную гроссмейстером Александром Котовым. Сколько увлекательных историй о шахматах и великих шахматистах он прочел в этой книге! В школьные годы Володя занимался в шахматной секции при городском Дворце пионеров, пару раз победил в районных турнирах старшеклассников, но потом остыл, шахматы забросил и начал готовиться к службе в армии и последующему поступлению в Школу милиции. Выпускников средних школ принимали на учебу в ограниченном количестве и только в двух милицейских вузах огромной страны – в Омске и Караганде, конкурс большой, нужно готовиться очень серьезно, чтобы выдержать вступительные экзамены, в том числе и по физподготовке. По общему правилу в многочисленные Школы милиции можно было поступать, лишь отслужив в армии, этот путь и выбрал для себя Володя Яценко, не особо рассчитывая на свои способности прорваться через конкурс, где больше половины его соперников окажутся сыновьями разных милицейских начальников.

Страна-то огромная, желающих много, а мест для вчерашних десятиклассников – по пальцам пересчитать.

Он жил обычной среднестатистической жизнью российского мужчины: жена, меняющиеся любовницы, дети, работа, выпивка с приятелями и коллегами, интриги на службе. Светлана Гнездилова на какое-то время вырвала Владимира из этого цикла, заставила думать о себе, мечтать, надеяться. Он попытался поухаживать, но отклика не встретил. Попытки были очень аккуратными, тонкими, и Владимир подумал, что Света просто не заметила ничего, не поняла. «Надо быть понастойчивее и поглубже. Бабы любят сильных», – решил он.

Возможность представилась на дне рождения начальника УВД города. Лето, большой загородный дом с огромным участком (главный городской милиционер робостью и стеснительностью не отличался), большое число гостей – идеальные условия для того, чтобы пообщаться и объясниться, не привлекая внимания.

Но не вышло ничего, кроме унижительной неловкости. Светлана ясно дала понять, что ей это не интересно. Нет, обошлось, конечно же, без пощечин, криков «Как ты смеешь!» и прочей театральной ерунды. Жена прокурора Гнездилова без излишней горячности, но с глубокой убежденностью объяснила Владимиру свою позицию: ее муж настолько необыкновенный человек, настолько потрясающий, что ни один мужчина мира не может и никогда не будет для нее привлекательнее горячо любимого Виктора, поэтому никакие варианты даже не обсуждаются. Если бы она остановилась на «всех мужчинах мира», Владимир принял бы это как неопровержимый и окончательный отказ. Да, расстроился бы, огорчился. Но смирился. Однако Светлана допустила ошибку и не остановилась, развив свою мысль до «а уж тем более ты». Это «тем более» Владимир Яценко расценил как прямое оскорбление. Такого удара по его мужскому самолюбию не наносил еще никто.

Он прекратил оказывать Светлане Гнездиловой знаки внимания. Но ничего не забыл и не простил. Каждый раз, встречаясь с ее мужем, а происходило это почти ежедневно, Владимир думал: «Какая сухость и серость! Ни одной яркой краски ни в характере, ни во внешности. Пустое место, белый лист. И она посмела сказать, что я в подметки ему не гожусь!»

Однако ж руководитель следственного управления УВД города Владимир Яценко и прокурор сначала города, а потом и области Виктор Гнездилов оставались добрыми приятелями, да и по службе сталкивались постоянно.

Все начало меняться летом 2000 года. Виктор Семенович позвонил,

попросил о встрече в неформальной обстановке. Договорились пообщаться в городской квартире Гнездиловых: семья прокурора жила на даче.

– Ленька украл у меня деньги. Из письменного стола в кабинете стащил, – сказал Гнездилов.

– И что ты хочешь, чтобы я сделал? – удивился Яценко. – Оттаскал его за ухо? Ты – отец, это твоя забота. Или ты хочешь, чтобы я нашел эти деньги и вернул тебе?

– Я хочу, чтобы ты его посадил, – заявил прокурор.

Владимир в недоумении уставился на него. Сначала даже подумал, что ослышался.

– Чтобы я – что? – переспросил он на всякий случай.

– Я хочу, чтобы Леня сел, – четко и медленно повторил Виктор Семенович. – Он вор, и он должен за это ответить.

– Послушай, но это просто смешно! Подростка никто, ни один суд не посадит за кражу у родителей. Ты же юрист, Виктор, ты не можешь не понимать, что, пока ребенок несовершеннолетний и находится на вашем иждивении, он имеет право на имущество родителей как член семьи, он имеет право считать это имущество общей собственностью. Если бы закон позволял привлекать к уголовной ответственности всех пацанов и девчонок, которые таскают у своих предков, у нас бы в школах было пусто, а все малолетки сидели бы по колониям. Это проблема воспитания, морали, наказания, родительского авторитета, чего угодно, только не следствия и суда.

Прокурор смотрел на него насмешливо и укоризненно.

– Ты меня праву учить будешь? Я не сказал, что Ленька должен сесть за то, что взял мои деньги.

– А что ты сказал? – нахмурился Яценко. – По-моему, именно это.

– Я сказал, что он должен сесть. И что он вор. А как и за какие кражи ты его посадишь – решай сам.

Выразиться яснее было бы трудно. «Посадить конкурента по бизнесу» – нормальный заказ, их выполняли тысячами в те годы. Еще популярным было «посадить строптивного соседа по коммуналке, чтобы отжать жилплощадь». Но слышать от прокурора области, что нужно посадить его родного сына «за какие-нибудь кражи», – это, уж извините, ни в какие ворота.

– Ты сказал «кражи», во множественном числе. Это как понимать? Оговорка?

– Я сказал то, что хотел сказать, – холодно ответил Гнездилов. – Леня не должен выйти через год и не должен быть осужден условно. Мне нужен

серьезный реальный срок.

– И где я тебе возьму эти кражи и этот срок? Виктор, ты что несешь?

– Мой сын – мерзкое чудовище, он должен быть изолирован от общества. Мне все равно, как ты это сделаешь. Но есть одно условие.

Ой, кто бы сомневался! Сейчас начнется... И почему большие начальники считают, что можно давать невыполнимые задания, снабжая их при этом еще более невыполнимыми условиями?

– Никаких звонков, никаких просьб, намеков и уговоров, никаких ссылок на то, что я просил. Никаких взяток. Все будут знать, что речь идет о моем сыне. Дело должно быть чистым и абсолютно надежным. Таким, чтобы ни один следователь и ни один судья ничего не смогли сделать, даже если им вдруг очень захочется прогнуться передо мной.

Проще говоря, прокурор Гнездилов хотел, чтобы уголовное дело против его несовершеннолетнего сына было полностью сфальсифицировано и снабжено неопровержимыми доказательствами. И никакие «я договорюсь со следователем-прокурором-судьей, они закроют глаза» здесь не прокатят. Да уж, задачка не из простых. Но вполне решаемая, если знать, с какого конца взяться.

– Если я сделаю, как ты хочешь, то что будет? – прямо спросил Яценко.

Разумеется, он не имел в виду «что будет с Леной». Ему было наплевать на Ленку, он его и не знал почти, видел пару раз, наверное, и впечатление вынес не самое приятное. Владимир Яценко имел в виду совсем другое.

– Я скоро перееду в Москву, ты знаешь, вопрос практически решен. Максимум через год-полтора ты тоже будешь в столице на хорошей должности, обещаю.

Такой расклад вполне устраивал. Но на организацию доказательственной базы по делу Леонида Гнездилова нужны будут деньги.

– Получишь, сколько нужно, – твердо сказал Виктор Семенович. – Когда все сделаешь и Ленку задержат, проследи, чтобы мне дали пять минут поговорить с ним.

– А дома ты с ним не наговорился еще? – засмеялся Яценко. – Так занят, что на семью времени нет?

– Дома – рано. Я с ним поговорю, когда все будет сделано и он окажется в камере. Объясню, что от него требуется, чтобы не стало еще хуже. Доведу до его сведения, что либо он молча и покорно примет то, что ты ему навесишь, либо пусть пеняет на себя и молит о скорой смерти.

– Сурово ты с ним, – удивленно протянул Владимир. – Чем же он так

тебя достал-то, а, Виктор? Деньги из дома таскает на дозы, что ли? Наркотой балуется?

– Надеюсь, мы друг друга поняли и договорились, – произнес Гнездилов вместо ответа.

Разумеется, и поняли, и договорились. Яценко сделал все изобретательно, быстро и аккуратно. Леня Гнездилов получил свой заслуженный «пятерик» и отправился отбывать срок, Виктор Семенович с семьей перебрался в Москву, а через год в столицу последовал и подполковник Яценко, на которого пришел запрос из Министерства внутренних дел.

* * *

Столичная жизнь и министерская служба крутили, вертели, радовали и порой ужасали, приносили блага и требовали за них непомерную плату. Владимиру Яценко все это и нравилось, и одновременно утомляло, поэтому в отпуск он каждый год ездил домой, на Волгу: ничто не лечит и не успокаивает замотанного служаку лучше рыбалки. Ну и встречи со старыми друзьями, водочка, банька – куда ж без этого. Жена с детьми ездила в разные модные места за границей, а он – ни в какую. От семьи он тоже изрядно уставал и ни за что не пожертвовал бы возможностью провести пару недель холостяком.

Во время одной из таких поездок Яценко сильно заигрался в банно-алкогольных утехах и что-то эдакое сотворил со своим телефоном, о чем наутро даже вспомнить не мог. То ли в бассейн уронил, то ли коньяком облил, то ли еще что, но телефон отказывался работать и ни на какие призывы не откликался. Его приятель, один из давешних собутыльников, посоветовал обратиться к некоему Костику: мест, где возьмутся починить, в городе навалом, но качество не гарантировано, а Костик сделает быстро и качественно – проверено многократно.

– Ты ж понимаешь, – говорил приятель, – настоящих мастеров не так много, как проблемка чуть посложнее – никто возиться не хочет, им проще сказать, что аппарату кирдык и нужно покупать новый, а тут и салон по продаже рядом, прямо за стеной. Рука руку моет, короче. За каждого клиента, превращенного в покупателя, салон мастерской отстегивает. А Костик – умелец и знаток, к тому же упертый, будет биться до последнего, но даже ржавый металлолом оживит.

В чудеса полковник (он уже давно стал полковником) Яценко верил

слабо, поэтому недоверчиво покачал головой.

– Чего ж он не в мастерской работает, если такой умелец? Открыл бы свой бизнес, вывеска, реклама, клиентура, все пироги.

– Он инвалид, ему ходить трудно. Сложный перелом ноги, наши доктора накосячили, отец его к вам в Москву возил, там пообещали попробовать помочь, на очередь поставили. Теперь Костик вызова ждет. Ты не думай, руки у него и вправду золотые, я и с телефонами, и с ноутбуками только к нему хожу. Как айфоны появились – у нас вообще почти никто не знал, как к ним подступиться, а Костик сразу разобрался. Так что, звонить ему?

– Звони, – вздохнул Владимир.

Ехать пришлось далеко, на другой конец города, а город-то немаленький: миллионник, областной центр. Двухэтажный обветшалый дом на улице Панфилова производил гнетущее впечатление, и Яценко даже заколебался на мгновение. Разве мастер – золотые руки может жить в такой дыре? Но телефон чинить надо, никуда не денешься, нельзя надолго оставаться без связи.

Квартира ему сразу понравилась и заставила забыть о недавних сомнениях. Во всем заметна была мастеровитая мужская рука, все, что нужно, приколочено, приклеено, привинчено и начищено до блеска. В прихожей на полочке для головных уборов Яценко заметил форменную фуражку, а в первой комнате, через которую нужно было пройти, чтобы попасть в комнату Костика, висели на плечиках отутюженные китель и брюки. Федеральная служба исполнения наказаний.

– Отец служит? – спросил он, кивая на китель.

– Да. В отставку собирается.

– Значит, почти коллеги. Я здесь до второго года следствием командовал.

– Комитетским или МВД? – задал Костик неожиданно грамотный вопрос.

Обычно люди, не связанные с правоохранительной деятельностью, плохо представляли себе, как устроен процесс расследования преступлений. О том, как устроена система органов внутренних дел, знали еще меньше, полагая, что милиция и следствие это одно и то же. Вроде как «следователь – он и есть следователь», а все, кто служит в органах внутренних дел, поголовно милиционеры. Теперь, правда, уже полицейские, но сути не меняет. Еще при советской власти существовали отдельно друг от друга следователи прокуратуры и следователи МВД, а в уголовно-процессуальном кодексе было подробно расписано, кто из них

какими делами должен заниматься. Даже термины такие были: прокурорская подследственность или эмвэдэшная. Потом следователей из прокуратуры убрали, создали следственный комитет, а в МВД все осталось, как было. И теперь сам черт ногу сломит – кто чем должен заниматься.

– МВД, – ответил Яценко, одобрительно хохотнув.

У себя в комнате Костик уселся за стол и принялся разбираться с вышедшим из строя телефоном.

– Значит, в двухтысячном вы тоже здесь работали? – спросил он, не отрываясь от своего занятия.

– Конечно. Я же сказал: до второго года.

– А дело Леонида Гнездилова помните?

От неожиданности Яценко на секунду потерял дар речи и не сообразил, как правильно ответить.

– Гнездилова? – переспросил он, старательно морща лоб и изображая попытки вспомнить.

– Сына прокурора области.

Дальше притворяться было опасно. Начальник следственного управления не мог не помнить такую проблему.

– А-а, ну да, ну да. В общих чертах припоминаю, – неопределенно ответил Владимир. – А что?

– Дело в том, что мой отец работал в той колонии, где сидел Леонид, наблюдал за ним, пока его на взрослую зону не отправили.

– И?.. – настороженно проговорил Яценко.

Разговор переставал ему нравиться.

– И отец считает, что парень не совершал того, за что его осудили.

Яценко с облегчением расхохотался.

– Ну, дружок, это обычное дело. Они все там невиноватые и чистые, аки ангелы, никто ни в чем не признается, хотя у каждого под матрасом копия приговора лежит. Неужели твой отец купился на эти бредни? Если он служил на зоне, то должен был выработать стойкий иммунитет к разговорам о невиновности.

– Не в этом дело. Леонид как раз ничего не отрицал. Но отец чувствовал, что там что-то не так.

– И как ты себе это представляешь? Парень признает кражи, парень за них сидит, что может быть не так?

– Например, он совершил на самом деле более тяжкое преступление, а на кражи согласился, чтобы спрятаться, скрыться.

– Ерунда, – решительно проговорил Яценко. – Когда твой отец – прокурор области, все происходит совсем иначе. Просто снимается

телефонная трубка, делается пара звонков, и тебе не нужно ни от кого прятаться и скрываться. И вообще, посадить человека за то, чего он не совершал, и при этом не наследить – крайне трудно. У меня бы, например, фантазии не хватило придумать, как это сделать, если бы я вдруг захотел. Со следами – сколько угодно, я тебе за пять минут пачку невиновных посажу, но при этом человек двадцать как минимум будут знать, будут в деле, им нужно будет платить и за содействие, и за молчание, то есть оставлять хвосты, а вот так, чтобы никто ни сном, ни духом...

Костик поднял на него умные насмешливые глаза.

– Трудно, но возможно.

– Неужели? И ты знаешь как? – ехидно поинтересовался полковник. – Даже я не знаю, как это сделать, а ведь я на следствии собаку съел, и не одну.

Самоуверенность этого мальчика его забавляла. В деле Гнездилова у Яценко получилось сработать чисто, не оставив за собой грязи, которую, впрочем, никто искать и не пробовал, но не признаваться же в этом. Куда разумнее играть роль честного офицера, даже не подозревающего о возможных злоупотреблениях.

– Вы не знаете как, потому что у вас нет концепции, – спокойно заговорил Костик.

– А у тебя, стало быть, есть?

– У меня есть. Всеобщая ошибка состоит в том, что люди пытаются работать по центру поля. На самом деле работать нужно по полюсам, тогда все получится именно потому, что основная масса толчется в центре.

Звучало странно, но занятно. Яценко попросил объяснить подробнее.

Идея, вернее, концепция Костика была до гениальности проста. У компьютера есть две версии: электронная и биологическая, то есть человеческий мозг. Это два полюса. И есть люди, которые великолепно умеют управляться с электронной техникой, а есть те, кто умеет манипулировать чужими мозгами, чужим сознанием. Это две полярные группы. Обе по численности достаточно невелики по сравнению со всеми остальными людьми, которые являются простыми пользователями и кое-как умеют общаться друг с другом. Это так называемый центр. Те, кто раскрывает преступления, находятся именно в центре, они давно разучились собирать информацию вручную, от людей, из наблюдений и впечатлений, но добывать ее «из цифры» пока как следует не научились. Старая школа личного сыска ушла, не оставив учеников и последователей, новая только зарождается. Если человек, имеющий определенные цели, будет действовать из полярных точек, центристская масса ничего не сможет

сделать.

– Собрать базовую информацию и проводить подготовительную работу должны хакеры, а реализовывать замысел будут квалифицированные психологи, вот и все. С одной стороны – цифра, с другой – люди со своими заморочками. И в том, и в другом нужно очень хорошо разбираться, а это дано не так уж многим. Сейчас все так увлеклись компами, что забыли о человеке и его качествах. Приведу простой пример: вы идете по улице и видите, как машина сбивает человека на пешеходном переходе. Вечером в Интернете появляется видео, которое снял на телефон кто-то, кто был на месте происшествия. Из ролика получается, что пешеход то ли был не на переходе, то ли выскочил внезапно, одним словом, все не совсем так, как вы помните. Что вы подумаете?

– А что мне думать? Я же видел все своими глазами.

– Но на видео другое.

– Плевать я хотел на видео! Своим глазам я доверяю больше, а любой ролик можно подделать, невелика хитрость, – уверенно ответил Яценко и внезапно осекся.

А ведь мальчишка дело говорит. То, что узнал или увидел сам, всегда вызывает у человека больше доверия, чем полученное из стороннего источника. Если сыщик получит информацию «правильным» путем и построит на ней версию, он будет драться за нее до последнего и найдет другие доказательства в ее пользу. Так устроен человек. Ай да мальчишка!

– Тебе сколько лет? – спросил он с невольным уважением.

– Двадцать шесть.

Двадцать шесть... Не такой уж он и мальчишка. Сам Яценко в двадцать шесть лет уже злодеев ловил и за решетку отправлял.

– Готово.

Костик протянул ему отремонтированный телефон.

– Спасибо. Сколько с меня?

– Сейчас выпишу приходник.

Значит, парень работает «в белую», платит налоги. Владимир с любопытством рассмотрел печать на приходном ордере: «ИП Веденеев К.М.».

Веденеев. Так вот кто его отец! Тот самый Веденеев, который когда-то приезжал к Гнездилову и уговаривал не бросать сына. Надо же, как мир тесен. Даже забавно!

К разговору с Костиком Владимир Яценко вроде бы и не отнесся всерьез, но вскоре поймал себя на том, что постоянно возвращается мыслями к его смешной, на первый взгляд, «концепции». И чем чаще думал о ней, тем яснее прорисовывались возможности, которые давала эта концепция при правильном применении. Можно сделать очень приличные деньги.

Ему необходим был собеседник, умный и надежный, такой, с кем можно обсудить идею и проработать ее. И такой собеседник у Владимира был, только жил он в другом городе. Бывший одноклассник, странноватый парнишка, с которым не дружил никто, кроме Яценко. Круглый отличник, которого никто никогда не видел корпящим за учебниками: Олег все схватывал на лету, услышанное и прочитанное запоминал с первого раза, задачи по физике и математике решал в уме и быстро набрасывал на бумажках, рассовывая их по карманам. Учителя бранили его за грязь и небрежность в тетрадях, отказывались принимать домашние задания, сдаваемые на мятых клочках, но почему-то умиленно улыбались, когда Олег делал виноватую мину и покорно говорил: «Хорошо, я сейчас перепишу», садился за парту, брал тетрадку и в мгновение ока, даже не заглядывая в бумажку, по памяти записывал решение четким аккуратным почерком. «Вот видишь, – радовались учителя, – можешь ведь, когда захочешь! Почему сразу было не сделать, как положено?» Оценки ему за такие фокусы почти никогда не снижали. Хорошая у них была школа, и учителя были хорошие, понимающие, умели ценить природные дарования учеников.

– А правда, Олежа, чего ты сразу-то не делаешь, как надо? Вечно нарываешься. И охота тебе каждый раз выслушивать вот это все? – спросил однажды Володя.

– Мне интересно, – ответил Олег. – А по-другому скучно.

Володя его не понимал. Но, в отличие от других одноклассников, его это не пугало и не отталкивало. Наоборот, казалось притягательным, привлекало.

После школы пути их разошлись, Владимир Яценко несколько месяцев поработал, потом ушел в армию, после службы поступил в Школу милиции и занялся своей карьерой, Олег поступил в Москве в физтех, выиграл какой-то международный конкурс, получил распределение в НИИ, работающее на оборонку. Через несколько лет началась перестройка,

открыли границы, но Олегу даже загранпаспорт не дали: не положено выезжать, первый отдел не разрешает, форма допуска, гостайна и все такое. Олег обиделся. Уволился, осел дома, начал зарабатывать репетиторством, готовил будущих абитуриентов к экзаменам по физике и математике. Честно выждал положенные двенадцать лет, в течение которых, как считалось, те страшные государственные секреты, которыми он владел, должны были утратить актуальность, получил свой вождеденный паспорт и уехал за границу, к родне, эмигрировавшей еще в восьмидесятые. Через год вернулся.

– Скучно, – сказал он Владимиру. – Здесь интереснее. Буду жить в Питере, займусь чем-нибудь новым, например, психологией.

Из физики – в психологию! Впрочем, Олег всегда был необычным, не похожим на других. И очень умным. И еще у него была фантастическая интуиция, которую он сам объяснить не мог.

Из-за границы он вернулся с большими деньгами, но как и на чем заработал их – никогда не рассказывал. Купил жилье, машину, какое-то время ни в чем не нуждался, потом деньги закончились, но к этому моменту Олег уже освоился, получил второе образование, потом третье и нашел устойчивый источник умеренного дохода, позволявшего жить спокойно, хотя и без излишеств.

Именно такой собеседник и нужен был Владимиру Яценко для обсуждения идеи.

* * *

Когда обсудили идею и проработали схему, встал вопрос о финансировании. Для воплощения задуманного в жизнь нужны люди, и не абы какие, а тщательно подобранные и многократно проверенные, а это штука затратная. Яценко долго перебирал в уме знакомых, располагавших средствами. Кого из них можно пригласить третьим партнером? Кто оценит перспективы, окажет материальную поддержку, не станет мешать и вмешиваться во все подряд и при этом будет молчать? Ни одна кандидатура не казалась надежной.

И тут он подумал о старшем сыне Гнездилова. А что? Это может сыграть. Мозги у него отличные, средства есть, не болтлив, не замечен в излишнем любопытстве. Что же до нравственных препятствий, то вполне достаточно будет рассказать ему, каким манером из семьи убрали Леньку. Давно, еще в родном городе, общаясь с Виктором и его семьей, Яценко

отчетливо видел, как коробит Виталия от всего связанного с братом. Света своего младшенького боготворила, Виктор – не любил, а Виталий – ненавидел и презирал. Уголовное дело против Леонида и суровый приговор должны были обрадовать его, принести облегчение. А тот факт, что дело было липовым, можно сейчас красиво обыграть и заставить Виталия пересмотреть моральные принципы. Если они у него есть, конечно. Старший сын Гнездиловых – эдакая вещь в себе, совершенно закрытый от внешнего обзора, отец его безмерно уважает, гордится им, а мать побаивается. Внутри у Виталия может оказаться что угодно, совсем не обязательно, чтобы он стал бесцветной копией своего папаши, повернутого на поддержании репутации.

Яценко тщательно все продумал, проиграл в голове все возможные варианты построения и течения разговора с Виталием Гнездиловым, выбрал подходящий момент и рассказал ему, как по просьбе Виктора Семеновича упрятал на зону Леонида. Зачатки шахматного мышления принесли свои плоды даже при условии, что были совсем скромными и давно не развивались. Предварительное просчитывание разных вариантов и их последствий – штука ох какая полезная.

Виталий попросил несколько дней на обдумывание предложения. В итоге он стал инвестором и третьим партнером. Собравшись втроем, они доработали схему, довели ее до более или менее приличного состояния, дружно решив, что будут постоянно совершенствовать свое детище по мере анализа и учета текущего опыта. Освободить виновного от ответственности, создав ему неопровержимое алиби. Отдать под суд за то, чего человек не совершал. Скомпрометировать конкурента или соперника.

– Начнем пока с этого, а там посмотрим, на что будет спрос. Уникальность нашего торгового предложения состоит не в том, что мы не оставляем следов, а в том, что мы оставляем эти следы там, где никому и в голову не придет искать. Наш девиз: «Чистота и искренность», – торжественно объявил Яценко. – Наши главные инструменты – люди, их впечатления, ощущения, воспоминания, желания и потребности. Мы будем играть на том поле, которое наша полиция давно разучилась вспахивать.

Из соображений безопасности решили, что Олегу и Виталию следует держаться в тени. С постоянными членами будущей группы общаться должен только Яценко. Олег со своей невероятной интуицией сможет контролировать подбор людей, они придумали, как делать это дистанционно, не вступая в личный контакт, но без потери эффективности. Виталий отвечает за финансы и аналитику. Яценко обеспечивает заказы, оперативное руководство и личный контроль.

Сначала дело шло трудно, как и любое новое начинание. Они тщательно анализировали каждый свой шаг, каждое решение, извлекая крупницы опыта и корректируя схему.

– У меня есть подруга, – сказал как-то Виталий. – Она не особенно креативна, это ее слабая сторона, придумывать новое не умеет, но зато великолепно взвешивает и оценивает варианты и просчитывает последствия. Она будет очень полезна.

– Баба твоя, что ли? – цинично усмехнулся Яценко.

Гнездилов посмотрел на него спокойно и серьезно.

– Да, моя любовница. Мы с ней вместе дольше, чем я женат, поэтому я ее хорошо знаю.

– Ничего себе! Дольше, чем женат... Какого ж лешего ты женился на Лиане, если у тебя тогда другая любовь была? Или твоя подруга была уже замужем?

– Она была свободна. Но Лиана забеременела, я не мог не жениться. Родителям она очень нравилась, и если бы я бросил беременную, они бы не простили. Особенно отец. Да и мама к Лиане привязалась.

Зная Виктора Семеновича не один год, Яценко знал, что именно так и получилось бы.

– А сейчас что у твоей подружки? Муж, дети?

– Никого. Она принесет пользу нашему бизнесу и получит возможность заработать деньги.

– Ну ты даешь! – рассмеялся полковник. – У тебя денег – лопатой гребь. Ты что, все в дом несешь, в семейное гнездышко, не можешь любовнице отстегнуть?

– Могу. Но она не берет у меня. Ни под каким видом.

Подобная откровенность у нормальных людей бывает обычной только среди близких друзей, но Яценко уже не удивлялся. Он давно понял, что Виталий Гнездилов живет по принципу «Либо молчи, либо не ври». Молчал он, разумеется, чаще, но если считал нужным о чем-то сказать, то расценивал это не как дружескую откровенность, а как необходимое информирование в ситуациях, когда неполное знание может повредить общему делу.

Так в Группе появилась Алена. Виталий не преувеличил, она действительно оказалась весьма полезной и очень скоро стала правой рукой Яценко, который, опять же ради безопасности, взял себе псевдоним «Котов». Его настоящее имя и место работы знали только партнеры и Алена.

Еще через некоторое время по ходу рассмотрения вариантов для

очередного заказа между ними разгорелся спор, когда они пытались спрогнозировать поведение фигурантов. Сперва дискутировали ожесточенно, потом со смехом, а потом кто-то из них, кажется, Олег, предложил:

– Забьем на сотню баксов? Алена, разбивай.

Через две недели выяснилось, что победил Олег. Он точно предсказал, как поведет себя человек, что будет делать и как реагировать. И родилась игра, в которую с тех пор трое партнеров играли регулярно, на каждом заказе. Создали сайт в даркнете, делали ставки, обменивались репликами. Ставки были условными, в баллах, по этим баллам определялось, кто в данный момент на первом месте, кто на втором, кто на третьем. Каждый взял себе ник: Олег – в честь Пауля Кереса, Виталий – в честь Хосе Рауля Капабланки. Владимир так и остался Котовым в честь гроссмейстера, чьей книгой он зачитывался в детстве. Можно было, конечно, без всех этих сложностей, но Олег считал, что так интереснее. Он не терпел обыденности, а от словосочетаний «как попроще» или «как у всех» его буквально выворачивало наизнанку. Яценко не возражал: дополнительная мера безопасности лишней не будет. Виталию было все равно.

* * *

На похоронах скорпостижно скончавшегося Виктора Семеновича Гнездилова Яценко вдруг увидел, какой старой и неинтересной стала Света. Вот ведь странно: он периодически встречался с Гнездиловыми с тех пор, как переехал в столицу, но особых перемен в Светлане вроде и не замечал. А тут словно глаза открылись. Да, внезапно свалившееся горе никому красоты не добавит, это понятно, но Владимиру перемена показалась разительной. «И в эту вялую заплаканную старуху я был безумно влюблен? – с раздражением на самого себя думал он, глядя на вдову. – Не спал ночами, переживая ее отказ и то унижение, которое испытал, когда меня сравнили с Гнездиловым не в мою пользу?» Как ни странно, раздражение оказалось не кратковременным, оно отчего-то нарастало, делалось день ото дня сильнее, мешало жить. Владимир то и дело ловил себя на том, что мысленно разговаривает то со Светланой, то с ее покойным мужем.

«Во что ты превратилась, Света? Ты была такой красоткой, такой секси, мужики вокруг тебя вились стаями, а ты ничем не попользовалась, смотрела в рот своему придурку-мужу и в итоге просрала лучшие годы.

Прожила пресную жизнь без единой перчинки. Кому ты сейчас нужна такая? Состаришься окончательно, а вспомнить нечего. Придет время – и ты начнешь горько жалеть, что тогда не согласилась, будешь корить себя и ругать последними словами, да только поздно. Ох, пожалеешь ты о своих словах, которые тогда сказала. «Все мужчины мира, а уж тем более ты...» Когда-нибудь я расскажу тебе правду про твоего Виктора, и тогда посмотрим, останется ли он лучшим в твоих глазах».

Если о Светлане он думал со снисходительной жалостью и насмешливой мстительностью, то в мысленных разговорах с ее мужем Владимир давал волю агрессивной раздражительности, главным лейтмотивом которой было: «Ты всех задолбал своей гребаной репутацией! Ты отравил жизнь Светке, ты разрушил жизнь родного сына, ты втянул меня в обман и коррупцию, потому что мой перевод в Москву есть не что иное, как взятка, полученная за фальсификацию уголовного дела. Ты всех достал своим примерным поведением, а больше всех – меня, потому что я-то точно знал, на что ты способен, я знал цену этой твоей идеальности. Ты пускал людям пыль в глаза и при этом не боялся меня, не опасался, что я припомню твои грешки и разрушу твою безупречную репутацию. Ну правильно, я ведь тоже замазан, так что буду молчать. Ты был уверен во мне. А может, напрасно?»

Неправедная мысль созревала постепенно. И, наконец, вызрела.

Найти Леню-Мародера труда не составило. Должность полковника Яценко и его связи позволяли найти кого угодно. На том и бизнес построили.

– Ты меня не помнишь? – спросил Владимир, оказавшись на симпатичной маленькой вилле на Мальте, где в последние годы проживал Мародер.

Мародер равнодушно пожал плечами. Он был таким же громоздким, как в подростковом возрасте, поросшая густыми черными волосами мощная грудь виднелась под полурасстегнутой рубашкой, из коротких рукавов которой торчали массивные ручищи. Правда, в целом выглядел он вполне благообразно: хорошая стрижка, одежда простая, но дорогая.

– А должен?

– Мы встречались несколько раз, когда ты был подростком, я приходил в гости к твоим родителям.

– И чего? Не помню, их гости меня не интересовали.

– Я был начальником следственного управления, когда тебя арестовали.

В глазах Мародера мелькнуло понимание, острое и злобное.

– Так это ты, значит, меня принял?

– Ну что ты, Мародер, тебя принял обычный следак и опера. Квартирные кражи – не уровень начальника, понимать должен.

– Так я и понимаю, что без команды начальника кто ж на сына прокурора области руку поднимет. Без тебя никак не обошлось. Папаня велел – ты сделал. Нормально, по-пацански. На том свете ему зачтется. Я так соображаю, у тебя разговор есть. Не просто так же ты сюда припожаловал.

Яценко коротко изложил свое предложение. Родители отказались от Леонида и отдали его на растерзание правоохранительной системе, теперь есть возможность свести счеты. К этому разговору Владимир готовился даже более тщательно, чем к первой беседе с Виталием Гнездиловым: младшего сына Виктора Семеновича он знал куда хуже, стало быть, вариантов нужно было проработать намного больше. Разумеется, кое-какую информацию он предварительно собрал, но личных впечатлений оказалось совсем мало, и он снова вспомнил хромого мастера Костика Веденева: а ведь прав он был, ох, прав, личное-то – оно надежнее, чем со стороны полученное. В человеке глубоко сидит убеждение, что его впечатления самые правильные, а если кто со стороны видит не так, то он просто дурак и ничего не понимает. Плохо видит, плохо слышит, страдает склерозом и вообще тупой.

О том, что Леня-Мародер не лопаётся от излишней гордыни, не рвется победить сильнейшего, а предпочитает добивать слабых и истощенных, Владимира проинформировали. На этой черте характера он и построил свою систему аргументов, густо замесив ее мотивом мести.

– Ну, я понял, – задумчиво проговорил Мародер, выслушав полковника. – Значит, есть люди, готовые взяться за дело, а ты типа посредник. Хорошо. Допустим, я соглашусь. А тебе какая выгода?

– У посредников интерес всегда один, – улыбнулся Яценко. – Только бабки, ничего личного.

Он не лгал. Ну, почти не лгал. Он не посредник, а руководитель исполнителей. Но деньги действительно были нужны. Олег в последнее время все чаще заговаривал о том, что надо подбирать концы и сворачивать лавочку: они работают больше пяти лет; весь мировой опыт за многие столетия показывает, что пять лет – предельный срок ровного и эффективного функционирования что для бизнеса, что для отдельного человека. Каждые пять лет нужно прекращать и начинать что-то новое, если нет возможности провести кардинальную перестройку или смену концепции. Через пять лет ни одно «старое» уже не срабатывает,

эффективность падает, решения теряют креативность и оригинальность, а вероятность совершения ошибок многократно возрастает. Яценко был готов к пересмотру прежних схем и внесению новаций, но Олег только качал головой и твердил, что чует опасность и что нужно найти несколько по-настоящему крупных заказов, заработать побольше и закрываться.

Леня-Мародер показался Владимиру Яценко перспективным вариантом. Денег у него действительно очень много, нужно только убедить его, заставить захотеть. А уж проводить в жизнь полковник Яценко будет с превеликим удовольствием, всю душу вложит в выполнение заказа. Так что и в этой части ответа на вопрос Леонида он был не вполне искренен. Было личное, было. И немало.

Переговоры шли трудно. Но в конце концов Яценко добился того, чего хотел. Предварительная проработка всегда приносит плоды. Мародер согласился заплатить за то, чтобы безупречная репутация его родителей была уничтожена громким и грязным скандалом.

Под конец, уже перед самым уходом, Яценко задал вопрос, который давно интересовал его.

– Чем ты так отца довел тогда? Он говорил, ты деньги у него из письменного стола спер. Было такое?

– Ну, – хмыкнув, подтвердил Леонид.

– Один раз?

– Да прям! Года три, а то и все четыре таскал, пока он не прочухался. И у него, и у матери, и у Лианки, Виталькиной девчонки.

– Неужели он за одно это тебя укатал? Или было еще что-то?

Мародер смотрел на него насмешливо и недобро.

– А тебе не все равно? Считай, что за это.

* * *

Яценко с самого начала понимал, что новый заказ нужно держать в секрете от Виталия. Такого предательства партнер и главный инвестор не простит. Но есть слабое звено, Алена Валерьевна, подруга Виталия. Не привлекать ее к работе нельзя, без ее мозгов не обойтись никак. Яценко аккуратно прощупал почву, дескать, младший брат хотел бы... но ведь старший брат – друг, любовник и партнер... наверное, нужно отказаться от такого заказа... хотя гонорар предполагается очень солидный... Ответ последовал неожиданно быстро. Алена даже не дослушала шефа.

– Я не разделяю ваших сомнений. Вадим Виталия не знает и никогда

не видел, да он и не болтлив. А насчет меня можете не волноваться.

– Но вы же с ним...

– Одно другого не касается, – жестко проговорила она. – Вызывайте меня и Вадима, других не нужно, объявите о новом заказе, я сделаю вид, что впервые слышу. Голливуд не обещаю, но постараюсь быть убедительной.

И она действительно постаралась. Хотя особой нужды в этом, как оказалось, не было: Вадим, узнав судью Гнездилова на фотографии, был так ошарашен тем, что поступил заказ «на покойника», что на реакцию Алены даже внимания не обратил. Такое в их практике было впервые, обычно объектами заказов становились все-таки живые и здравствующие персонажи.

Программу и план выполнения заказа подготовили, начали выполнять, и тут выяснилось, что Светлана Дмитриевна всерьез занялась своей внешностью, сменила имидж, похорошела, активно интересуется сайтами знакомств, ведет обширную переписку с мужчинами. Еще через некоторое время Владимир Яценко уже рассматривал фотографии кандидатов на роль одноразовых любовников женщины, которая много лет назад так унизительно отвергла его. Ему, стало быть, отказала, а этим готова... Его мутило от мысли, что ему предпочли не только скучного и правильного Виктора, но и вот этих вот плешивых неудачников с безвольными подбородками или смазливых мальчишек-альфонсов. На свидания Света пока еще не ходила, но начало, судя по всему, не за горами.

Красавица на роль любовницы судьи Гнездилова уже была подобрана, и девочка-ангелочек тоже, фотосессию сделали.

– Запускаем письмо, – скомандовал Яценко. – Пусть семья несколько месяцев поварится в сомнениях: а так ли хорошо они знали Виктора Семеновича. Тогда все остальное выстрелит и попадет в цель. Почву нужно удобрять заблаговременно.

Письмо отправили. Примерно через неделю позвонил Виталий.

– Мать просит меня найти Леньку. Поможешь?

– Конечно. Дай мне несколько дней.

Владимир старался не выдать охвативший его мгновенный испуг, который, впрочем, почти сразу прошел. Ничего страшного не происходит. Это наверняка реакция на получение письма от «Яны Веселковой». Виталий ни о чем не догадывается, просто выполняет просьбу матери. Нужно как-то выкрутиться, чтобы и вроде как Леню найти, и при этом не допустить личного контакта братьев.

Впрочем, на этот раз все получилось так легко, как полковник и сам не

ожидал. Достаточно было сказать Виталию всего несколько фраз о том, что его младший брат – богатый наркобарон, проживающий за границей, имеющий судимость за наркоторговлю, продолжающий криминальную активность и ненавидящий свою семью.

– Ясно, – заключил Виталий. – Скажу матери все как есть, пусть знает. И навру, что Ленька не хочет ее видеть. Надеюсь, она остынет и остановится.

– Не наврешь, не переживай, – успокоил его Яценко. – Он ведь и вправду не хочет встречаться ни с ней, ни с тобой. Он считает вас предателями и суками, так прямо и говорит.

– Ты точно знаешь?

– Так сказал мой человек, который с ним встречался. Зачем ему придумывать? У него в этом деле своего интереса нет, – ответил полковник. – Ты сам-то знаешь, за что он вас так ненавидит? Покойного отца поносит на чем свет, о матери слышать не желает.

– Думаю, за то, что отец его посадил, а мать не заступилась. Раньше я думал, что отец Леньку не отмазал, воспользовавшись своим положением, а потом ты мне рассказал, что не просто не отмазал, а велел посадить. За что же еще, если не за это?

Не отмазал, а посадил... Ну ладно, посадил так посадил. Но почему? За что Гнездилов так обошелся со своим младшим сыном? Либо Виталий не хочет говорить, либо и в самом деле не знает.

Обида на Светлану стала еще острее. Почему к нему, полковнику Яценко, не последнему человеку в МВД, обратился Виталий, а не она сама? Почему попросила сына найти Леньку, а не позвонила Владимиру? Не сообразила, что он легко может помочь? Или не захотела обращаться и просить, потому что сочла это ниже своего достоинства? Даже после того, как узнала о неверности мужа, Светлана все равно продолжает считать Владимира Яценко «уж тем более не тем», кто может сравниться с Виктором.

Кто сказал, что плохое стирается из памяти, а хорошее остается? Ерунда это. Влюбленность давно прошла и забылась, а обида и ощущение собственной униженности остались, сохранились и пышно цветут.

* * *

Пребывая в роли шефа, носящего фамилию «Котов», Владимир тщательно следил за сохранением требуемого уровня анонимности, на

которой так настаивал предусмотрительный и опасливый Олег. Никто из членов Группы, кроме Алены, не знал его настоящего имени, как не знал ни места работы, ни места жительства. Никто, кроме Алены, не был знаком ни с Виталием, ни с Олегом, которые в разговорах упоминались только как «партнеры». И никто, кроме, разумеется, Яценко и самой Алены, не был в курсе, что она любовница одного из партнеров. Настоящую Алену Владимир Яценко увидел впервые, когда Виталий их знакомил. После этого на встречах Группы присутствовала тихая испуганная женщина, некрасивая и забитая. Во время встреч с тройкой партнеров-игроков и обсуждений, как реальных, так и видео-, она снова бывала настоящей: красивой, яркой, уверенной в себе. Как ей удавалось добиваться такого преображения – Яценко понять не мог.

– Меня не должны воспринимать всерьез и бояться, – объясняла она. – Если все будут видеть красивую сильную женщину, к мнению которой прислушивается руководитель, меня начнут ненавидеть и попытаются подставить. А я этого не люблю. Я существо мирное, воевать ни с кем не хочу, на лидерство не претендую.

Яценко видел, что Вадим нервничает, ревнует, всеми способами пытается доказать, что он лучше Алены. Не надо было срывать и орать на него, когда выяснилось, что Каменская что-то вынюхивает в кафе, бармен из которого был так ловко сделан свидетелем. Полковник извлек урок и в следующий раз сдержался. А следующий раз был как раз тогда, когда Вадим докладывал о том, что Каменская едет в командировку. Ничего не зная о своем шефе, Вадим, конечно же, не мог даже предположить, что та направляется в его родной город. Город, где когда-то жили и Яценко, и судья Гнездилов со своей семьей. Вадим даже не упомянул название города в своем докладе. Гнездиловы так давно живут в Москве, что для выполнения заказа уже совершенно неважно, где и как они проживали почти двадцать лет назад. Хорошо, что Владимир угадал выразить недоверие, а Вадим показал свой айпад. Вот тут Яценко и увидел хорошо знакомый номер поезда, уходящего с Ярославского вокзала в сторону Нижнего Поволжья.

Это ему не понравилось, и он позвонил Лене-Мародеру, попросил проконтролировать. Леня напруг связи, дал указание местному авторитету Аржо и сообщил Владимиру, что москвичи приехали к Веденееву. Это не понравилось полковнику еще больше, он не забыл того звонка Виктора, его гнева, командных ноток в его голосе, когда судья обозвал Владимира Яценко «недоделанным Котовым». И, уж конечно, он не забыл, что сын Максима Викторовича Веденеева когда-то изложил зачатки концепции

полярности.

Сначала Каменская зачем-то приходит в кафе, где ей совершенно нечего делать, потом едет к Веденееву... Причем неизвестно, к которому из них. Или к обоим сразу? Плохо. Опасно, потому что непонятно.

В следующем разговоре с Мародером он в подробности не вдавался, но опасений своих скрывать не стал. Дескать, все очень осложнилось, Веденеев еще тогда, много лет назад, что-то почувал, как бы волна не поднялась. Он не собирался пугать Мародера, хотел только дать понять, что работа по выполнению заказа не так легка и безопасна, как казалось на первый взгляд. Рыхлил почву для последующих намеков об увеличении оплаты. Если о старшем Веденееве Владимир говорил много, то о младшем не произнес ни слова, хотя думал на самом деле больше о Костике, нежели о его отце. А вдруг Каменская после посещения кафе что-то придумала, до чего-то догадалась и каким-то немислимым образом связала это с автором идеи? Невероятно. Но вдруг?

Как Леня-Мародер понял его слова и что потом сказал Аржаеву – неизвестно, известен только результат: Аржо проявил инициативу, его люди накосячили, почему-то решили убить Веденеева, а вместо этого грохнули московского кинопродюсера и тяжело ранили того самого Костика, мастера – золотые руки, автора основ концепции, используя которую Яценко заработал кучу денег.

Что все это означает и почему так связалось и переплелось, полковник Яценко не понимал. И от этого сильно нервничал.

Когда Алена вчера поздно вечером рассказала о том, что Вадим самовольно запустил проект по заказу Мародера, вступил в прямой контакт со Светланой Гнездиловой и, судя по всему, познакомился с Каменской, Владимир понял, что ситуация внезапно вышла из-под контроля. Олег прав, надо сворачиваться от греха подальше. Вадима, конечно, можно прижать к ногтю, Леню-Мародера – уболтать и убедить, что все развивается как нельзя лучше, а с Каменской что делать? Она та еще штучка. Глупо надеяться на то, что она остановится на полпути, если учует запах жареного. Ему, Владимиру Яценко, пора отступить и скрыться за кулисами. Деньги нужны, но жизнь нужна все-таки больше.

Виталий Гнездилов

– Ты знала.

Он не спрашивал, он утверждал.

– Ты обо всем знала. И ничего не сказала мне. Почему, Алена?

Она молчала, его Кармен. Да, она оставалась Кармен, потому что предала его, как та, книжно-оперная Кармен предала Хосе.

– Мы столько лет вместе... И ты лгала мне. Твои проблемы с сердцем – это ведь тоже ложь, я правильно понимаю?

Алена покачала головой.

– Проблемы есть. Но они появились, когда я начала скрывать от тебя заказ. Я люблю тебя, и мне трудно было постоянно врать и делать вид, что ничего не происходит. Я привыкла за эти годы быть с тобой откровенной. Поверь, вся эта история нелегко мне далась. Так что на консультацию к профессору ехать все равно придется.

– Тебе трудно было врать? – Виталий повысил голос. – Так не врала бы! Почему ты это сделала? Почему пошла на поводу у Владимира? Что тебя заставило?

Она пожала плечами:

– Деньги. За этот заказ хорошо платили. Ты же знаешь, какая мизерная зарплата в лаборатории.

– Тебе нужны деньги?! – он уже почти кричал. – Я тысячу раз предлагал их тебе! Любые! Сколько угодно! На какие угодно нужды! И ты всегда отказывалась. А теперь выясняется, что ты готова меня предать ради денег. Алена, что происходит?

Она посмотрела ему прямо в глаза и горько улыбнулась.

– Я не могу и не хочу находиться на позиции содержанки. Для меня это принципиально. Я могу много лет быть любовницей женатого мужчины, хоть это и не особенно высокоморально. Но я могу. А становиться его содержанкой – нет. Вот такая я нелепая.

Она помолчала, собираясь с мыслями.

– Ты имеешь полное право не простить меня. Я приму любое твое решение. Я люблю тебя, но если ты скажешь, что мы больше не вместе, значит, так и будет.

Виталий смотрел на знакомые очертания мебели и не узнавал. Все теперь казалось чужим, некрасивым и даже враждебным. Это здесь он чувствовал себя свободно и уютно? На этой широкой кровати обнимал и

любил свою Кармен? Да не может такого быть! Все морок и страшный сон. Как могло получиться, что он за девятнадцать лет так и не узнал Алену, ничего в ней не понял? Она умело притворялась? Или он сам плохо старался?

Конечно, он плохо старался, вернее, не старался вообще. Он же чувствовал в последние месяцы, что что-то не так, что-то изменилось, но разобраться не попытался. Сам виноват.

Он понимал, что на зарплату ведущего научного сотрудника прожить трудно. Он предлагал Алене деньги. Не брала. Тогда он привел ее к Яценко, ведь там очень солидные доходы. Своими руками привел! Безмозглый кретин! Надо было развестись, жениться на ней и обеспечивать полностью на правах мужа. Да, сам виноват.

В голову пришел неожиданный вопрос.

– А если бы я развелся, ты бы стала брать у меня деньги?

– Но ты ведь не развелся, – улыбнулась она. – Что об этом говорить?

– И все-таки, – настаивал Виталий. – Если бы я развелся и мы были бы свободными от брака любовниками, брала бы?

– Нет, – твердо ответила Алена. – В моей жизни деньги могут быть либо заработанные мной, либо супружеские. Я надеялась, что ты хотя бы это обо мне знаешь. Мне жаль, что так все вышло. Я понимала, что тебе будет больно, когда заказ начнет выполняться, и переживала за тебя. Если ты считаешь это предательством, значит, так и есть. Но просить прощения я не буду.

Считает ли он ее поступок предательством? Наверное, да. Но Алена действительно имеет полное право не просить прощения, потому что сам он ничем не лучше. Сначала предал Лиану, закрутив во время двухмесячной практики в Петербурге роман со студенткой-москвичкой Аленой, потом предал Алену, женившись все-таки на Лиане и утешая себя тем, что не может поступить иначе, ведь его невеста беременна. Совсем недавно он уверенно говорил, что родители, не соблюдающие приличия, не имеют права требовать достойного поведения от своих детей. Разве единожды, а в данном случае – дважды предавший имеет право требовать абсолютной верности и честности?

Нам никогда не узнать полностью тех, кто рядом. И никогда до конца не понять их. Настоящей близости, сродненности душ не бывает, ее выдумали писатели и сказочники. Можно много лет тешить себя иллюзией, что стоишь ярким солнечным днем посреди прекрасного парка и держишь за руку того, кого любишь, и внезапно обнаружить, что бредешь под темным небом по ледяной пустыне. Один.

Он вытащил из кухонного ящика рулон пакетов для мусора, отмотал, оторвал и принялся складывать вещи: туалетные принадлежности из ванной, зарядники, еще какие-то мелочи, которыми обрастаешь, когда много лет пользуешься одной и той же съемной квартирой, даже если не живешь в ней. Он все это выбросит в ближайший мусорный бак.

– Ты не просишь прощения, – сказал он, стоя у двери с мешком в руках, – а мне, видимо, придется. Прости меня. Если что – аренда оплачена до конца года.

Положил ключи на тумбочку в прихожей и аккуратно, почти неслышно закрыл за собой дверь.

Эпилог

Каменская

Декабрь для госслужащих – время хлопотное и нервное, завершение отчетного периода. А тут еще инсайдерская информация просочилась, что сразу после новогодних каникул состоится-таки смена правительства. Резкая, внезапная и одномоментная. Ее ждали давно, но все равно получилось, как всегда, неожиданно. Назывались разные имена кандидатов на должности министров, голова у всех занята тревогами за собственные карьеры, а тут еще концы нужно подбивать, чтобы отчеты об итогах работы за год выглядели поприличнее. Анастасия Каменская была уверена, что в таких обстоятельствах Большаков вряд ли найдет время для встречи с ней.

Но он нашел. Выкроил полчаса между визитом на Житную улицу, где находится Министерство внутренних дел, и встречей в Департаменте Кадрового обеспечения МВД России, который располагается в Газетном переулке. Настя приехала на метро, вышла на станции «Октябрьская», прошла по пенсионному удостоверению полковника милиции на министерскую служебную парковку, нашла машину Большакова. Предупрежденный генералом водитель усадил ее на заднее сиденье и вежливо развлекал разговорами о том, какие подарки лучше всего дарить на Новый год детям. Настя в этом вопросе экспертом не была, но изо всех сил добросовестно напрягала фантазию.

Большаков задерживался, ждать пришлось долго. Наконец, он появился, с побледневшим от усталости лицом, но, как обычно, собранный и сосредоточенный.

Настя постаралась быть краткой. Человек и так перегружен проблемами, а то, что она собиралась рассказать, не требовало ни действий, ни решений. Просто для информации.

– Яценко, значит, – задумчиво протянул Большаков, выслушав ее рассказ. – Занятно. Буду иметь в виду. А то, что написано в книге Веденева, сильно похоже на то, что было в реальности?

– Не особенно. Концепция очень похожа, а воплощение разное. Константин придумал свой вариант структуры и механизма взаимодействия, Яценко – свой. Но про семью Гнездиловых все оказалось довольно близко к истине.

– Константин, – повторил Константин Георгиевич, – мой тезка, стало быть. Приятно, когда у тебя такие умные тезки. Забавно человек устроен: тезку часто воспринимают как модификацию себя самого. Если он

талантливый или знаменитый – нам приятно почему-то, как будто это мы сами такие, а если с ним случается беда – нам неприятно, даже если мы с ним лично не знакомы. Не замечали, Анастасия Павловна?

– Бывает такое, вы правы.

– Как он? Что врачи говорят?

– Более или менее. Жив, это главное. Лиана Гнездилова его вы́ходит, я уверена.

– Она все еще там, с ним? – удивился Большаков.

– Не еще, а уже. Она дождалась, когда Константин выйдет из комы, вернулась в Москву, объяснилась с мужем, собрала вещи и уехала в Поволжье.

Генерал помолчал, глядя на медленно ползущие машины. Перед Новым годом на дорогах всегда не протолкнуться.

– Вот и думай теперь, какова цена репутации, – негромко проговорил он. – Бережешь ее, лелеешь, укрепляешь, а потом оказывается, что разрушены и семьи, и жизни. Парадокс.

– Парадокс, – согласилась Настя. – Фанатичная преданность идее или цели до добра не доводит, даже если идея праведная и цель благородная. Не зря же Конфуций говорил, что слишком сильно любить так же плохо, как слишком сильно ненавидеть.

– Вы знаток Конфуция? – удивился Большаков.

– Что вы, нет, конечно. Но ваш любимчик Дзюба меня периодически просвещает, проводит ликбез. У него какая-то знакомая есть, так вот она – настоящий знаток, просто сыплет цитатами.

Настя вышла из машины, пересела на метро и поехала домой.

* * *

Стасов отнесся к ее просьбе без восторга, но с пониманием.

– Надоело все, да? – сочувственно спросил он. – Возьми отпуск за свой счет, отдохни пару месяцев.

Но Настя упрямо стояла на своем.

– Мне нужен год.

– Да зачем тебе целый год-то? Замучаешься отдыхать! Ты же не умеешь целый год ничего не делать, ты умом тронешься от безделья.

– Я нашла работу. Вернее, подработку.

Зеленые глаза Стасова прищурились, в них мелькнуло неудовольствие.

– В другом агентстве? Будешь работать на конкурентов?

– С ума сошел! – фыркнула Настя и рассмеялась. – Насчет этого не беспокойся. Буду читать лекции по судебной статистике. Хотя где-то моя ученая степень пригодилась, наконец. Деньги не бог весть какие, но и нагрузка маленькая, всего два часа в неделю. Владик, мне нужен год, чтобы заниматься тем, что мне интересно. Оно глупое и никому не нужное, но мне сейчас хочется именно этого. Пожалуйста, дай мне такую возможность. Я наиграюсь в свою новую игрушку и вернусь. Даю честное слово.

– А ты уверена, что за год наиграешься?

– Ох, Владик, разве женщина может быть уверена в своих будущих желаниях? – вздохнула она. – Я хоть и плохонькая, а все-таки женщина. Но мы переменчивы, и это вселяет надежду. Так что, отпустишь?

Он безнадежно махнул рукой.

– Что с тобой сделаешь... Иди уже.

* * *

Леша, в отличие от Стасова, с облегчением воспринял ее желание на время уйти из агентства «Власта».

– Слава богу! А то я уж начал беспокоиться. Много лет назад я женился на Аське, которая увлеченно делала то, что ей интересно, горела этим, жила, и это было ужасно привлекательно для меня, а в последнее время вижу перед собой совсем другую Аську, которая через силу занимается своей работой.

– И я перестала быть привлекательной? – с обидой спросила Настя.

– Ты перестала быть собой. Давай, старушка, возвращайся к своему привычному облику, а то скоро я тебя узнавать перестану.

– И прокормишь, если что? Стабильного заработка я теперь не смогу гарантировать, у меня только пенсия ежемесячно плюс крошечные четверть ставки за лекции.

– А я тебе назначу новую функцию в нашей семейной жизни: пока сидишь дома – овладевай искусством готовить вкусную еду из малого количества дешевых продуктов. Научишься в два раза сокращать бюджет на жратву, тогда я тебя легко прокормлю.

Настя обняла мужа, уткнулась носом ему в шею, вдохнула знакомый запах, такой приятый, такой родной.

– Ты злой. Если ты не перестанешь меня угнетать, я сбегу от тебя обратно на работу.

– Валяй, – усмехнулся Чистяков. – Если тебе по-настоящему интересно уклоняться от угнетения, то – вперед! Буду только рад.

Она вымыла посуду, навела в кухне чистоту, поговорила по телефону с родителями, дождалась, когда Чистяков уйдет в кабинет поработать. Включила ноутбук, надела наушники, положила перед собой чистый лист бумаги, разделила его вертикальной чертой на две части. Нашла Седьмую симфонию Бетховена, выбрала два исполнения: одно – оркестр под управлением Леопольда Стоковского, другое – Новосибирский струнный оркестр. Концепция полярности – это хорошо, это интересно. Трагическое отчаяние против сдержанной печали. Начнем хотя бы с этого, а там посмотрим, как пойдет.

Да, глупое и никому не нужное. Но ей так давно хотелось этим заняться!

Она щелкнула мышкой по кнопке «Play», сосредоточилась и приготовилась записывать.

Октябрь 2019 – июнь 2020

Конец